Г
4.27

Высокоуважаемому
Александру Сергеевичу
Пыпину
от автора.

ПЕРЕСЕЛЕНІЯ

ВЪ

РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ

ХОЗЯЙСТВѢ.

А. А. ИСАЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА.
20. Невскій проспектъ. 20.
1891.

3

25 16

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА

(бывшій **Мелье и К°**)

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. Голландской церкви, № 20)

Продаются между прочими слѣдующія книги:

Труды **А. А. ИСАЕВА**:

Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

О мѣрахъ къ развитію артельнаго производства. 1882 г. Ц. 20 к.

Государственный кредитъ. 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.

Составныя части и методы политической экономіи. 1887 г. Ц. 40 к.

Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь. 1887 г. Ц. 40 к.

Наши финансы и подоходный налогъ. 1887 г. Ц. 60 к.

Очеркъ теоріи и политики налоговъ. 1887 г. Ц. 1 р. 35 к.

Нужна-ли земская статистика? 1888 г. Ц. 30 к.

Сергѣевскій, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Казуистика, сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Его-же. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.

Мартенсъ, Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. 2 тома. Спб. 1887—1889 г. Ц. по 3 р. 50 к. каждый томъ.

Коркуновъ, Н. М. Лекціи по общей теоріи права. Изданіе 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Георгіевскій, П. И. Пособіе къ лекціямъ по Политической экономіи. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Берендтсъ, Э. Государственное хозяйство Швеціи. Ч. I. Исторія государственнаго хозяйства Швеціи до 1809 г. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Левассеръ. Основы политической экономіи. Перев. съ франц. подъ редакціею профессора П. И. Георгіевскаго. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.

Бржескій Н. Податная реформа. Французскія теоріи XVIII столѣтія. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.

Его-же. Государственные долги Россіи. Спб. 1884 г. Ц. 3 р.

ПЕРЕСЕЛЕНІЯ

ВЪ

РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ

ХОЗЯЙСТВѢ.

А. А. ИСАЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА.
20. Невскій проспектъ 20.
1891.

„Пров 38"

ПРОВ.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
1405
29

ПАМЯТИ

графа

Павла Дмитріевича

КИСЕЛЕВА.

ВВЕДЕНІЕ.

Мнѣ припоминаются прекрасныя страницы изъ романа Григоровича „Рыбаки“. Ваня оставляетъ родительскій кровъ и идетъ въ солдаты. Старуха-мать даетъ своему горю полный просторъ. Смягчилось суровое сердце стараго Глѣба. Прощанье длилось долго и было трогательно. Оглядываясь назадъ, пока родина не исчезла изъ глазъ, Ваня скорбитъ, не объ однихъ близкихъ и дорогихъ людяхъ: ему милъ каждый пригорокъ, служившій мѣстомъ дѣтскихъ игръ, каждый кустъ, у котораго онъ отдыхалъ въ лѣтній зной или помогалъ отцу чинить рыболовныя снасти. И привольный берегъ Оки съ лугами, селеніями, церквами на широкомъ горизонтѣ, и утлый челнъ, въ которомъ онъ такъ часто перерѣзывалъ величественную рѣку, и старая почернѣвшая изба, и всѣ принадлежности незатѣйливой обстановки рыбака, и каждая песчинка — все привязывало его къ родинѣ. Нашъ знаменитый писатель художественно изобразилъ то, что происходило въ душѣ Вани и что знакомо каждому, кто покидалъ родныхъ людей и родныя мѣста. Такое чувство вызываетъ у большинства людей оставленіе родины даже на время, съ увѣренностью вновь увидать ее и, вернувшись, найти свой домашній очагъ. Тѣмъ сильнѣе оно тамъ, гдѣ человѣкъ навсегда оставляетъ родной край, чтобы въ отдаленной странѣ отыскать себѣ новую осѣдлость и свить

новое гнѣздо. Въ большей или меньшей степени это чувство знакомо почти каждому. Но жители города, съ его разнообразными профессіями, съ его подвижностью, неустанно гонятся за новыми впечатлѣніями; они не имѣютъ ни кола, ни двора, ни той привычки къ домашнему очагу, какая отличаетъ населеніе деревень. Привязанное своимъ исконнымъ занятіемъ къ одному мѣсту, къ одной избѣ, рѣдко выходящее за предѣлы этого тѣснаго круга, населеніе деревень особенно цѣпко держится своихъ привычекъ и покидаетъ родину только тогда, когда жить становится ужь совсѣмъ не подъ силу.

Понятно, поэтому, что въ основаніи переселеній лежатъ очень важныя причины: отдѣльныя лица легко и охотно разстаются съ насиженными мѣстами, а масса уступаетъ только необходимости. Изучая переселенческое движеніе во многихъ странахъ и разныя эпохи, мы можемъ намѣтить нѣсколько главныхъ причинъ, побуждающихъ людей навсегда покидать родину.

1) Важной причиной является *религіозное одушевленіе*. Непоколебимая стойкость въ вѣрѣ побуждаетъ людей предпочесть разлуку съ родиной отступленію хотя бы отъ мельчайшей буквы религіознаго толка, отъ незначительнаго обряда. Гоненіе со стороны господствующей религіи и заставляетъ массы людей навсегда удаляться за предѣлы отечества. Если же въ своей странѣ населеніе рѣдко и еще много незанятой земли, то преслѣдуемые и въ своемъ отечествѣ отыскиваютъ отдаленныя, неизвѣстныя окраины, куда еще не достигаетъ рука администраціи и гдѣ могутъ свободно исповѣдывать свою вѣру и послѣдователи гонимаго религіознаго толка. Но эта причина—религіозное одушевленіе—получаетъ и иной оттѣнокъ. Послѣдователи религіи, которая господствуетъ въ данной странѣ, объятые энтузіазмомъ, находятъ слишкомъ узкимъ поле, которое открывается на родинѣ для ихъ просвѣтительной дѣятельности. Они хотятъ большаго подвига, хотятъ проникать въ отдаленныя земли, преодолѣвать всѣ трудности, которыя встрѣчаются

на пути, хотятъ обращать иновѣрныхъ къ исповѣдуемой религіи. Такое переселеніе, если не встрѣчается отпора со стороны туземцевъ, имѣетъ характеръ мирнаго передвиженія. Встрѣчаютъ переселяющіеся отпоръ, — и религіозный фанатизмъ огнемъ и мечемъ обращаетъ туземцевъ въ новую вѣру.

Религіозное одушевленіе примѣшивалось даже къ тѣмъ разнообразнымъ мотивамъ, которые руководили знаменитыми путешественниками въ эпоху открытій. Колумбъ былъ объятъ религіозной идеей: исполнить пророчество Библіи и завѣты отцовъ церкви, накопить большія богатства и завоевать гробъ Господень; первоначально онъ надѣялся въ теченіе трехъ лѣтъ пріобрѣсти изъ вновь открытыхъ земель необходимыя сокровища. Религіозное начало проявляется нерѣдко въ дѣятельности и другихъ знаменитыхъ завоевателей Кортеца и Пизарро. Но мы имѣемъ множество примѣровъ и того, какъ переселенцами руководили чисто религіозныя побужденія. Квакеры передвинулись въ Пенсильванію, чтобы на чужбинѣ осуществить царство братской любви, которое на родинѣ встрѣчало только насмѣшки и гоненія. Пуритане, занявшіе Новую Англію, смотрѣли на себя, какъ на народъ Божій, покидающій Египетъ, съ его идолослуженіемъ и отыскивающій обѣтованную землю въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки. Знаменитый гугенотъ Колиньи начерталъ планъ колонизованія Флориды, главнымъ образомъ, для того, чтобы заранѣе приготовить пріютъ гугенотамъ. Къ тѣмъ же мотивамъ должны быть сведены передвиженія и нашихъ раскольниковъ въ концѣ 17 и въ теченіе 18 вѣка. Уроженцы срединныхъ мѣстностей русскаго царства, раскольники многими тысячами бѣжали въ сѣверскіе, унженскіе, ветлужскіе лѣса, олонецкій и выгскій край; они пробирались даже на отдаленный востокъ, къ китайскимъ границамъ, въ Минусинскій округъ, чтобы найти надежное убѣжище, хотя за 5—6 тысячъ верстъ отъ своей родины. На ряду съ этими примѣрами мы припоминаемъ много и такихъ, гдѣ переселенія совершаются съ цѣлью

обращенія иновѣрныхъ. Кромѣ мирныхъ миссіонерскихъ обязанностей, исполняемыхъ группами людей, а еще чаще отдѣльными лицами, всѣмъ извѣстны самые крупные факты этого рода—крестовые походы и созданіе обширныхъ мусульманскихъ государствъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ.

2) Второе выдающеюся причиною служитъ *недовольство общественнымъ порядкомъ* на родинѣ. Отдѣльныя лица и даже болѣе или менѣе многочисленныя группы носятъ въ себѣ идеалы, рѣзко отличные отъ господствующаго строя. Они не могутъ измѣнить его путемъ убѣжденія; они слишкомъ слабы силами, чтобы его ниспровергнуть. И вотъ они покидаютъ родину, дабы на новомъ мѣстѣ осуществить завѣтныя мечты. Политическимъ недовольствомъ можно объяснить основаніе многихъ греческихъ колоній по берегамъ Малой Азіи, на островахъ Эгейскаго моря и въ Италіи. Тоже мы находимъ и у новыхъ народовъ. Исландію заселили выходцы изъ Норвегіи; вѣрные аристократическимъ преданіямъ, они не хотѣли уступить возраставшей королевской власти. Смуты, происходившія въ Англіи въ началѣ XVII в., болѣе, нежели что-либо другое, способствовали колонизованію Новой Англіи и Мэриланда. При Кромвелѣ Барбодосъ былъ заселенъ бѣжавшими роялистами, а Ямайка, по возстановленіи Стюартовъ, республиканцами. Сюда же должны мы отнести и тѣ переселенія новаго времени, которыя, повидимому, вызывались чисто экономическими причинами. Таково переселеніе Оуена съ его послѣдователями въ Новую Гармонію въ Америкѣ, гдѣ англійскій философъ хотѣлъ создать общественный строй согласно съ идеалами, которые наполняли его душу.

3) Въ эту же группу слѣдуетъ отнести и условія, содѣйствующія основанію колоній чрезъ переселеніе преступниковъ. Можно говорить и объ этихъ переселенцахъ, какъ о людяхъ, недовольныхъ общественными порядками. Первые удаляются добровольно; вторыхъ изгоняетъ правительственная власть. Это средство издавна примѣняется правительствами не только для того, чтобы наказать, но и съ

цѣлью положить начало гражданственности въ земляхъ незанятыхъ или рѣдко населенныхъ. Уже при Александрѣ Македонскомъ были колоніи ссыльныхъ изъ мятежныхъ солдатъ. Шведы въ XVII вѣкѣ пользовались для этой цѣли провинціей Ингерманландіей. Англичане отправляли ссыльныхъ въ Сѣверную Америку, а позднѣе — въ Австралію, Франція - въ Гвіану, Португалія—въ Бразилію, а позднѣе на Мозамбикъ. Всѣмъ извѣстно, какое значеніе уже изстари имѣетъ Сибирь для этой цѣли.

4) Но всѣ поименованныя причины заслоняются *экономическими условіями*. Только подъ вліяніемъ этихъ условій огромныя массы людей покидаютъ родину. Чѣмъ болѣе приближаемся мы къ современной эпохѣ, тѣмъ слабѣе дѣйствуютъ три уже названныя причины. Религіозная терпимость сдѣлала большіе успѣхи; конечно, остается желать еще многаго, но все же преслѣдованіе различныхъ религіозныхъ толковъ даже въ слабой мѣрѣ не напоминаетъ того, что переживала Европа въ предыдущія столѣтія. Примѣръ меннонитовъ, выѣхавшихъ изъ Россіи, дабы не отбывать воинской повинности, показываетъ, что эта причина дѣйствуетъ и теперь; но она не вызываетъ массоваго движенія. Религіозный энтузіазмъ побуждаетъ отдѣльныя лица совершать миссіонерскіе подвиги у дикихъ народовъ, но не двигаетъ тысячъ. Вторженіе въ некультурныя страны и насильственное обращеніе въ христіанство не мирится даже съ ходячей моралью нашего времени, какъ ни далека она отъ совершенства. Но и недовольство политическимъ порядкомъ рѣже гонитъ людей изъ отечества, нежели то было ранѣе. Между государственными учрежденіями различныхъ народовъ установляется все большее сходство. Большая свобода слова позволяетъ подвергать критикѣ порядокъ, господствующій на родинѣ, и тѣмъ даетъ выходъ для многихъ, которые прежде вовсе не могли найдти себѣ дѣятельности при подобныхъ условіяхъ. Поэтому, и вторая причина гонитъ изъ страны десятки, сотни лицъ, но не вызываетъ массовыхъ движеній. И относительно образова-

нія колоній посредствомъ высылки преступниковъ можно замѣтить серьезный поворотъ въ воззрѣніяхъ науки и законодательства.

Экономическія же причины съ каждымъ поколѣніемъ дѣйствуютъ все болѣе могущественно. Отчасти причины эти связаны съ условіями, въ которыхъ находится капиталъ. Неодинаковый уровень благосостоянія различныхъ народовъ и не равно быстрое накопленіе капиталовъ служитъ причиною неодинаковой высоты процента въ отдѣльныхъ странахъ: денежный капиталъ приноситъ въ Англіи и Голландіи—2—3%, въ Германіи—3—4%, въ Россіи уже 6, а въ Южной Америкѣ—10 и болѣе. Вотъ почему капиталисты находятъ выгоднымъ переносить за-границу свободные капиталы. Такъ, въ Англіи за 9 мѣсяцевъ 1885 г. было подписано до $13^1/_2$ милліоновъ фунтовъ на иностранные государственные займы, египетскій, китайскій, чилійскій. Къ этому присоединяется и другое условіе: различіе въ доходности отдѣльныхъ отраслей производства, которая особенно рѣзко колеблется подъ вліяніемъ покровительственной таможенной политики. Выгодность основанія предпріятія за предѣлами отечества вызываетъ не только перемѣщеніе капиталовъ, но и переселеніе ихъ владѣльцевъ. Предприниматели, инженеры, техники, рабочіе передвигаются изъ Франціи въ Алжиръ, изъ Англіи—въ Австралію изъ Германіи—въ Россію и т. д. Но экономическія причины, дѣйствуя чрезъ посредство капитала, выселяютъ изъ отдѣльныхъ странъ сотни или немногія тысячи людей. Оказывая же вліяніе на трудъ, экономическія условія заставляютъ людей выселяться большими массами. Это состояніе принято называть *чрезмѣрною населенностью.* Каково бы ни было числовое выраженіе чрезмѣрной населенности, оно обнаруживается обыкновенно тѣмъ характеристичнымъ признакомъ, что въ данной мѣстности многіе не могутъ приложить свои рабочія руки на обычныхъ, средне-выгодныхъ условіяхъ.

Познакомимся же съ мѣстностями, куда, подъ влія-

ніемъ экономическихъ причинъ, направляется потокъ переселенцевъ.

Въ средніе вѣка лучшими колонизаторами были нѣмцы. Въ этомъ направленіи усердно поработали ганзейскіе города, создавшіе по всей Европѣ много пунктовъ для нѣмецкой культуры. Ихъ колоніальная политика вызывалась и опредѣлялась исключительно торговыми интересами: дорогу пролагалъ капиталъ, и уже за нимъ двигались разнообразныя рабочія руки. Въ теченіе трехъ-четырехъ столѣтій энергическая дѣятельность ганзейскихъ городовъ германизовала обширную площадь отъ Эльбы до Вислы и Ревеля и способствовала разселенію нѣмцевъ по всему этому пространству. Сходную роль играли въ юго-восточной Европѣ двѣ небольшія республики—Венеція и Генуя. Ихъ торговцы проникали на берега Чернаго моря въ Европѣ и Азіи. Побережья быстро покрылись многочисленными и цвѣтущими колоніями. Но эти колоніи не способствовали въ такой мѣрѣ распространенію на востокѣ романской расы, какъ ганзейскія содѣйствовали распространенію племени германскаго: колоніи, основанныя Венеціей и Генуей, были только конторами, облегчавшими торговые обороты этихъ республикъ.

Политическія событія послужили причиною того, что въ XV вѣкѣ была парализована колонизаторская дѣятельность Германіи и Италіи и во главѣ движенія стали страны Пиринейскаго полуострова. Нужно смотрѣть на пріобрѣтеніе колоній отъ времени открытія Америки, какъ на подготовительную ступень, которая гораздо позднѣе должна была направить извѣстнымъ образомъ потоки эмиграціи изъ отдѣльныхъ странъ Европы. Всѣмъ знакома энергическая дѣятельность Испаніи; но она видѣла въ завоеваніи Мексики и Перу еще не средство открыть просторъ для избыточнаго населенія, а только источникъ неисчерпаемыхъ сокровищъ, которыя можно было добывать безъ правильнаго труда, посредствомъ угнетенія туземцевъ. Въ испанскую Америку переселялись вице-короли, губернаторы,

множество чиновниковъ; частныя лица почти не выселялись туда и посѣщали колоніи только на короткое время, для торговыхъ сношеній. Большую энергію въ пріобрѣтеніи колоній проявила и Португалія: ея владѣнія простирались отъ Марокко до Китая; но ея колоніальная политика была только политикой угнетенія туземцевъ, а потому владычество Португаліи рушилось очень скоро и долго продержалось въ одной Бразиліи. Въ XVII вѣкѣ на этотъ путь ступила и Голландія. Но она съ самаго начала дала своей политикѣ иное направленіе, нежели пиринейскія государства: упрочивъ свое владычество въ Остъ-Индіи, она старалась развить въ колоніяхъ торговлю при посредствѣ крупныхъ привилегированныхъ торговыхъ компаній. Съ первыхъ годовъ XVII вѣка по этому пути пошла Франція. Уже въ 1608 г. былъ основанъ Квебекъ, что упрочивало господство французовъ въ Канадѣ, на огромной площади, вплоть до великихъ озеръ. Въ XVII вѣкѣ возникли поселенія на Миссисипи, и состоялось пріобрѣтеніе цѣлаго ряда средне-американскихъ острововъ, цѣнныхъ въ особенности производствомъ сахара. Въ началѣ второй половины XVII вѣка французы утвердились въ Индіи, а чрезъ 40 лѣтъ Пондишери былъ уже значительнымъ торговымъ пунктомъ, съ 40 тысячнымъ населеніемъ. Отсюда французы распространились далѣе по Индіи, отняли у англичанъ Мадрасъ и въ короткое время фактически господствовали надъ 35 милліоннымъ населеніемъ. Въ половинѣ же прошлаго вѣка французами были заняты пункты на Сенегалѣ и Мадагаскарѣ. Не взирая на слабость французскаго правительства прошлаго вѣка, колоніальная торговля Франціи занимала 30,000 матросовъ и достигала ежегоднаго оборота въ 300 милліоновъ франковъ.

Наибольшимъ разнообразіемъ отличалась британская колоніальная политика. При Елизаветѣ англичане не имѣли еще владѣній за предѣлами Европы; начало ихъ относится только ко времени Стюартовъ. Въ отличіе отъ другихъ народовъ, Англія даетъ намъ картину правильныхъ переселе-

ній уже съ самаго начала колоніальной политики. Англичане получаютъ королевскія граматы на земли въ Сѣверной Америкѣ, выѣзжаютъ туда значительными группами, основываютъ поселки и сохраняютъ связь съ метрополіей. Эти поселенія носили вполнѣ мирный характеръ. Не таково было положеніе Индіи. Эту страну получила въ полное распоряженіе англо-остъ-индская компанія, образованная, по примѣру индо-голландской. Торговля шла рука объ руку съ войною. Индія служила не мѣстомъ выселенія англичанъ, а предметомъ эксплоатаціи. Торговля съ нею приносила огромныя выгоды: уже за 1772 г. вывозъ въ колоніи превышалъ 6 милліоновъ фунтовъ, значительно болѣе $^1/_3$ всего британскаго заграничнаго отпуска. Въ началѣ XVIII вѣка Франція была первой колоніальной державой и въ Сѣверной Америкѣ могла противопоставить 13 англійскимъ колоніямъ огромныя площади, почти цѣлые бассейны Миссисипи и Св. Лаврентія. Французы были отличными колонистами; но дурное правительство повело къ тому, что преобладаніе Франціи было уничтожено и Англія, даже за отпаденіемъ Соединенныхъ Штатовъ, осталась первой колоніальной державой: неудачи въ Америкѣ были искуплены огромными успѣхами въ Австраліи.

Въ иномъ положеніи находилось наше отечество. Западнымъ народамъ, для основанія колоній, нужно было переплывать океанъ, проникать въ невѣдомыя земли, часто вести войну съ довольно сильными и культурными племенами и нерѣдко исполнять эту колонизаціонную работу въ такихъ условіяхъ климата, которыя были невыносимы и пагубны для европейца. Передъ Россіей же Ивана Грознаго лежала огромная площадь въ Европѣ, гдѣ для русскаго народа открывался широкій просторъ; а къ этой площади отважный Ермакъ съ небольшою горстью казаковъ присоединилъ безконечныя пространства за Ураломъ. По этимъ пространствамъ, буквально безконечнымъ при путяхъ сообщенія и рѣдкомъ населеніи того времени, кочевали мелкія инородческія племена, безъ труда уступав-

шія свою территорію. Во всѣхъ колоніяхъ западно-европейцевъ были яблоки раздора между англичанами, французами, испанцами, голландцами. Намъ же большею частію не съ кѣмъ было спорить: вся Европейская Россія и Сибирь съ прилегающими среднеазіатскими владѣніями были даромъ природы. Этотъ даръ какъ бы самой судьбою былъ предназначенъ для насъ изъ начала міра. Словно какой-то вѣщій голосъ сказалъ: „эту безпредѣльную землю я населю мелкими кучками бурятъ, тунгузовъ, якутовъ. Они будутъ мирно перекочевывать съ своими оленями. Суровый климатъ, невѣжество и оспа, будутъ препятствовать ихъ размноженію. И когда прійдетъ русскій человѣкъ, инородецъ поклонится ему и принесетъ ясакъ". Долгое время всѣ эти пустыни только увеличивали блескъ московской короны, но не имѣли для страны серьезнаго экономическаго значенія. Первыя мѣры по заселенію Сибири относятся еще къ 1590 году. Было повелѣно набрать въ Сольвычегодскѣ и его уѣздѣ 300 пашенныхъ людей съ женами, дѣтьми и домашнимъ скарбомъ и поселить въ Сибири. Еще въ XVI вѣкѣ казаки основали Тобольскъ, Обдорскъ, Березовъ, а въ XVII—Томскъ, Енисейскъ, Якутскъ, въ XVIII—Петропавловскъ въ Камчаткѣ. Но эти мѣры вызывались не соображеніями о выгодахъ, которыя могла бы доставить Сибирь, тѣмъ болѣе не тѣснотою въ Европейской Россіи, а сознаніемъ необходимости создать какіе-нибудь осязательные признаки русскаго владычества въ новоприобрѣтенномъ краѣ. Понятно, что уже съ этого отдаленнаго времени правительство начало пользоваться Сибирью для водворенія преступниковъ: чѣмъ дальше выселять такихъ людей—тѣмъ спокойнѣе для мирнаго населенія.

Подводя итоги всему сказанному, мы считаемъ себя въ правѣ установить такія положенія. До XIX вѣка колоніи западной Европы не были большими притягательными центрами, куда направлялось бы переселенческое движеніе. Колоніи частію открывали новый рынокъ сбыта уже въ туземномъ населеніи, частію были удобнымъ полемъ для на-

живы, посредствомъ насилія надъ туземцами, при добываніи золота, слоновой кости, невольниковъ-негровъ. Населеніе Западной Европы было еще не довольно густо; въ каждомъ государствѣ были незанятые округа. Тѣмъ съ большимъ правомъ можно сказать это о Россіи. Но колоніальная политика предыдущихъ столѣтій опредѣлила направленіе, въ которомъ будутъ совершаться переселенія, какъ скоро они станутъ необходимы.

Дабы переселенія стали необходимыми, должны были совершиться тѣ технико-экономическія перемѣны, которыми ознаменована послѣдняя треть прошлаго вѣка на Западѣ и которыя вызваны освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи. За изобрѣтеніемъ паровыхъ двигателей и переходомъ многихъ отраслей въ крупное производство сталъ все чаще обнаруживаться хроническій избытокъ рабочихъ рукъ, связанный съ преобладаніемъ машиннаго труда, и промышленные кризисы. Потребность въ выселеніи становилась все болѣе осязательною; а благопріятными условіями явились также усовершенствованіе способовъ перевозки, замѣна паруснаго мореходства паровымъ и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Число переселенцевъ изъ Европы составляетъ за 1791—810 гг. только 120,000, 1811—20—114,000, 1831—40 уже 600,000. Въ 60-хъ гг. уже 2.600,000, въ 70-хъ (71—80)— почти 3 милліона. А въ 80-хъ гг. переселеніе достигло цифры еще болѣе значительной: 1883—700,000, а въ 1888—800,000. Общее число душъ, выселившихся за 69 лѣтъ (1820—88) изъ западной Европы составляетъ около 22 милліоновъ. Отсюда болѣе $^2/_5$, до 10 милліоновъ, приходится на Великобританію, до $5^1/_2$ милліоновъ на Германію, до 800,000 на Скандинавскія государства. За послѣдніе годы въ эмиграціонномъ движеніи приняла замѣтное участіе Италія: изъ нея выселялось по 150—200,000 ежегодно. Франція даетъ небольшую цифру—всего до 400,000, по 7—11,000 въ годъ.

Колоніальная политика предыдущихъ столѣтій сдѣлала условія переселеній не равно выгодными для западноевро-

пейскихъ народовъ. Англія имѣетъ къ услугамъ свои обширныя колоніи—Канаду и Австралію, куда переселенія замѣтно усиливаются за послѣднее время. Соединенные Штаты независимы, но представляютъ для англійскихъ эмигрантовъ много привлекательнаго единствомъ языка и сходствомъ общественныхъ порядковъ. Въ теченіе 74 лѣтъ (1815—88) изъ Великобританіи выселилось въ Соединенные Штаты 6.483,000 душъ, а въ британскія колоніи—3.200,000. Гораздо менѣе благопріятно поставлены другія государства. Испанія и Португалія имѣютъ колоніи въ такихъ климатическихъ поясахъ, гдѣ европеецъ еще можетъ выжить, какъ губернаторъ, таможенный чиновникъ или солдатъ, но гдѣ физическій трудъ ему не по силамъ. А потому, Пиринейскія страны отдаютъ избытокъ населенія независимымъ государствамъ Южной Америки. Скандинавы не имѣютъ собственныхъ колоній, и 90% изъ ихъ переселенцевъ направляются въ Сѣверную Америку, а остальные въ Южную. Итальянцы массами передвигаются въ Бразилію и Аргентину и тамъ навсегда становятся потерянными для отечества. Германія отдаетъ 95% своихъ эмигрантовъ Соединеннымъ Штатамъ, а остальныхъ—Южной Америкѣ. Такое положеніе дѣлъ было причиною того, что за послѣднее время колоніальная политика стала очень замѣтною главой въ политикѣ Западной Европы.

Новый фазисъ колоніальной политики открывается присоединеніемъ къ Франціи въ 1830 году Алжира, а въ 40-хъ гг. цѣлаго ряда мелкихъ владѣній въ Африкѣ и Австраліи. Хотя французская эмиграція еще не достигла значительныхъ размѣровъ, однако, правительство съ самаго завоеванія Алжира смотрѣло на эту колонію, какъ страну, могущую принять избытокъ населенія. Первоначально администрація затрудняла притокъ добровольныхъ переселенцевъ: она боялась, чтобы ихъ не постигло разочарованіе, столь естественное для европейца, при выселеніи въ полудикую страну. Съ небольшими перерывами такая политика длилась цѣлыхъ 30 лѣтъ. Огромная смертность переселен-

Кіевъ... Академіи...

цевъ въ Алжирѣ показываетъ, насколько среднеевропейцу трудно выжить въ подтропическомъ климатѣ: за 34 года, отъ завоеванія до 1865 г., среди европейцевъ въ Алжирѣ было около 45,000 рожденій и до 63,000 смертей. Въ 50-хъ гг. на 1,000 французовъ родилось 41, а умирало 43, а на 1,000 нѣмцевъ родилось 31, а умирало 56. Съ тѣхъ поръ французы уже нѣсколько акклиматизировались, но и теперь смертность не ниже 30 на 1,000. Въ послѣдніе годы Франція приняла протекторатъ надъ Тунисомъ, дѣлающій его французской колоніей, и пріобрѣла обширныя владѣнія въ Индо-Китаѣ, съ затратой 300 милліоновъ франковъ и многихъ тысячъ жизней. Однако, расширеніе французскаго владычества не мѣшаетъ тому, что французскіе эмигранты направляются (въ 1888 г.—30,000) въ Америку и преимущественно Южную. Пройдемъ мимо колоніальныхъ опытовъ Италіи—у абиссинцевъ до сихъ поръ эти опыты не представляли ничего серьезнаго,—и отмѣтимъ колонизаціонное движеніе, охватившее за послѣднія 7 лѣтъ Германію. Это движеніе имѣетъ тѣ практическія послѣдствія, что въ восточной и западной Африкѣ пріобрѣтены обширныя площади чуть не во 100,000 кв. миль. Эти страны могутъ имѣть стратегическое значеніе и содѣйствовать расширенію нѣмецкой торговли. Однако, по отзывамъ самихъ нѣмцевъ, ихъ колоніи непригодны для заселенія европейцами, такъ какъ лежатъ въ тропическихъ поясахъ. Итакъ, кромѣ Англіи и, частію, Франціи, всѣ европейскія страны поставлены такъ неблагопріятно, что должны ежегодно уступать чужбинѣ значительное число своихъ сыновъ.

Выгоднѣе поставлены государства Южной Америки. Очень благопріятно положеніе и Сѣверной Америки: въ теченіе ближайшихъ столѣтій переселенцы могутъ распространяться въ западные штаты, способные содержать еще много милліоновъ людей.

Сибирь, а также восточныя и южныя окраины Европейской Россіи получили для нашего отечества особенно

важное значеніе только въ настоящемъ вѣкѣ или, еще точнѣе, только послѣ освобожденія крестьянъ. До отмѣны крѣпостного права передвиженія вызывались особенно часто тѣми преслѣдованіями, которыя выпадали на долю крестьянъ: тяжелыя подати, бремя крѣпостничества, бродяжничество, расколъ и сектантство—вотъ причины, которыя гнали русскихъ людей за Волгу и Уралъ. Правительство вспоминало иногда, что нужно сгущать населеніе въ Сибири, и принимало для этого нѣкоторыя мѣры. Императоръ Павелъ повелѣлъ переселить въ Забайкалье 10,000 душъ въ теченіе 10 лѣтъ, на первый разъ 2,000 душъ; для этого было отпущено 100,000 рублей. Но переселенія шли настолько туго, что въ теченіе 5 лѣтъ за Байкаломъ было водворено только 610 душъ. 29 іюня 1806 г. было объявлено положеніе для поселенія въ Сибири. Это положеніе опредѣлило обязанности губернаторовъ и дало переселенцамъ значительныя льготы: обезпеченіе ихъ въ пути продовольствіемъ, заготовленіе жилья, инструментовъ, сѣмянъ для посѣва, покупка скота, свобода отъ податей въ теченіе 5 лѣтъ. Изъ этого зерна развились въ 20-хъ гг. мѣропріятія гр. Киселева. Еслибы идеи законодателя всегда воплощались въ жизни и преобразовывали ее, еслибы не было надобности ставить вопросъ о столкновеніи между словомъ и дѣломъ, то можно было бы смѣло признать законодательство гр. Киселева вполнѣ соотвѣтствующимъ важнѣйшимъ интересамъ земледѣльческихъ классовъ. Законъ предусматривалъ все: онъ зналъ, какія группы крестьянъ нуждаются въ переселеніяхъ и куда ихъ нужно переселять; онъ помнилъ, что и сѣрый русскій человѣкъ испытываетъ вліяніе климата и не легко переноситъ рѣзкіе переходы изъ умѣренныхъ поясовъ на суровый сѣверъ; онъ не забывалъ, въ чемъ переселенецъ будетъ испытывать нужду на новомъ мѣстѣ. А потому, законъ точно опредѣлялъ, какая густота населенія оправдываетъ выходъ колонистовъ, и какая населенность новыхъ мѣстъ допускаетъ притокъ переселенцевъ; законъ предписывалъ, чтобы новыя мѣста, по климатическимъ условіямъ, соотвѣтствовали ста-

рымъ; онъ вмѣнялъ администраціи въ обязанность устраивать на мѣстахъ водворенія колодцы, заготовлять лѣсъ для усадебныхъ построекъ и т. д.; переселенцамъ обѣщались даже денежныя пособія. Для водворенія указывались окраины Европейской Россіи — губерніи Саратовская, Самарская, Астраханская, Сѣверный Кавказъ, Оренбургская, а также рѣдко населенныя черноземныя губерніи: Воронежская, Тамбовская и Харьковская. Но до 1861 г. на-лицо было еще мало условій, которыя вызывали бы потребность въ значительныхъ переселеніяхъ: земли помѣщиковъ и крестьянъ образовали одну безразличную массу; населеніе было довольно рѣдко; повсюду было много неистощенныхъ пустырей. Надѣленіе крестьянъ провело пограничную черту между землями обѣихъ сторонъ; въ результатѣ получилось множество малоземельныхъ и безземельныхъ, которые на родинѣ рѣшительно не могутъ удовлетворительно вести свое хозяйство. Крестьяне всѣхъ этихъ группъ, получившіе четвертной надѣлъ, надѣлъ низшей нормы, словомъ, имѣющіе въ черноземныхъ губерніяхъ менѣе 2 десятинъ, а въ нечерноземныхъ менѣе 4 десятинъ на 1 душу мужского пола, составляютъ болѣе 4 милліоновъ душъ. Но многіе крестьяне, владѣющіе и большимъ надѣломъ, находятся въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Старые пріемы культуры значительно истощили почву и понизили урожайность, а переходъ къ новымъ системамъ не можетъ быть совершенъ съ одного удара. Замѣтимъ, наконецъ, что и Россія начала вступать въ періодъ крупнаго производства. Развитіе разнообразныхъ фабрикъ и заводовъ уничтожаетъ многіе кустарные промыслы, поддерживающіе малоземельныхъ крестьянъ, а усовершенствованіе фабричной техники создаетъ избытокъ рабочихъ рукъ среди тѣхъ группъ населенія, которыя были отвлечены отъ кустарныхъ промысловъ къ фабричному труду. Какъ скоро, при такихъ условіяхъ, обнаружилась большая плотность населенія, 45—50—60 душъ на 1 кв. версту въ черноземныхъ губерніяхъ, и арендная плата дошла до чрезвычайныхъ размѣровъ, по 20—25—30 рублей за 1

десятину, что вовсе не соотвѣтствуетъ производительности сельско-хозяйственнаго труда въ нашемъ отечествѣ, то потребность въ переселеніяхъ сказалась съ полною силой.

Мѣстами для переселенія служатъ Сибирь, особенно Томская губернія, а также и болѣе отдаленныя мѣстности (до Южно-Уссурійскаго края включительно), Кавказскій край, Самарская, Уфимская и Оренбургская губерніи, а по мѣрѣ движенія русскихъ въ Среднюю Азію, и вновь присоединенныя азіатскія земли. Переселенія правильно возрастаютъ. По даннымъ переселенческой конторы въ Батракахъ, за пятилѣтіе, съ 1881 по 1885 годъ, чрезъ Волгу, по направленію къ восточнымъ окраинамъ Европейской Россіи, прошло до 53,000 душъ. Чрезъ Тюмень прошло: въ 1886 г. — 21,862, 1887 — 13,910, 1888 — 26,129, 1889 — 28,341. За 1889 годъ чрезъ Оренбургъ прошло 8,254 души. Въ итогѣ получаемъ 36½ тысячъ. Если принять въ разсчетъ тѣхъ: 1) которые проходятъ въ Сибирь мимо главныхъ трактовъ и ускользаютъ отъ регистраціи (г. Архиповъ опредѣляетъ ихъ для 1889 года цифрою слишкомъ въ 4,000), 2) тѣхъ, которые выселяются на Кавказъ и 3) перевозятся моремъ въ Южно-Уссурійскій край, то получимъ общее число переселенцевъ изъ Европейской Россіи около 50,000 душъ. Главную массу переселенцевъ даютъ великорусскія черноземныя губерніи: почти изъ 53,000 душъ, отмѣченныхъ за 1881 — 86 гг. сызранской переселенческой конторой, около 23,000 — 44% — приходится на одну Тамбовскую губернію. Въ послѣдніе годы первое мѣсто занимаетъ Курская губернія; за 1889 г. Курская губернія дала до 17,000 переселенцевъ (60%), изъ массы, прошедшей чрезъ Тюмень; 1,241 семья (52%) падаетъ на Курскую губернію изъ 2,454 семей, прошедшихъ въ 1890 г. (до сентября) чрезъ Томскъ. Второе мѣсто принадлежитъ Тамбовской — 219, чрезъ Тюмень и 269 черезъ Томскъ.

Не трудно понять, что переселенцы очень хорошо устраиваются на новомъ мѣстѣ, если нѣтъ какихъ-нибудь особенно невыгодныхъ условій. Благосостояніе возрастаетъ всего

быстрѣе, если съ изобиліемъ неистощенной земли и другихъ даровъ природы соединяется высокое техническое искусство и нѣкоторые запасы капитала, перенесенные съ родины Такія явленія можно было наблюдать уже въ классическомъ мірѣ. Милетъ, Тарентъ, Сиракузы, Агригентъ, по благосостоянію, превосходили всѣ города метрополій, за исключеніемъ Аѳинъ и Коринѳа. Новыя греческія поселенія развивались такъ быстро, что, Милетъ, напр., послужилъ разсадникомъ для 75 или 80 колоній. Цицеронъ яркими красками описываетъ величіе и богатство Сиракузъ. Для новаго времени мы имѣемъ изумительно быстрый ростъ Соединенныхъ Штатовъ: ихъ населеніе, не составлявшее въ 1790 г. полныхъ 4 милліоновъ, достигло теперь 70 милл. Нью-Іоркъ, изъ ничтожнаго городка, не считавшаго въ 1758 г. 13,000 жителей, имѣетъ теперь до $1^1/_2$ милл. Тоже можно сказать и о многихъ другихъ городахъ. Въ 1830 г. Калифорнія имѣла только 23,000 жителей, а теперь 1 милліонъ. Благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ доказывается и тѣмъ, что за простѣйшіе виды труда, не требующіе подготовки, средняя поденная плата составляетъ $1^1/_4$ доллара. Цѣна главныхъ предметовъ потребленія показываетъ, что работникъ въ Америкѣ имѣетъ плату въ 2 раза большую, нежели въ Германіи. Типичнымъ жилищемъ американскаго рабочаго считаютъ квартиру о 3 и 4 комнатахъ. Другія колоніи развертываютъ передъ нами картину такого же роста благосостоянія. Изъ государствъ Южной Америки Аргентинская республика особенно выдѣляется своимъ быстрымъ развитіемъ. Одна изъ ея провинцій Санта-Фе имѣла въ 1856 г. 1,040 душъ, которыя обрабатывали 1,000 гектаровъ земли, а въ 1888 – 247,332, воздѣлывавшихъ до 780,000 т.-е. на каждаго жителя въ 3 раза болѣе. Сельское хозяйство идетъ настолько успѣшно, что аргентинскіе хозяева находятъ выгоднымъ выписывать рабочихъ изъ Европы и платить имъ на обильной пищѣ по 12—18 франковъ въ день. А внѣшняя торговля даетъ поразительныя цифры: за 1888 годъ итогъ составлялъ 202

милліона долларовъ, по 60 металлическихъ рублей на 1 жителя, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ только по 24 металлическихъ рубля, а во Франціи—50. Но во главѣ должны быть, безспорно, поставлены австралійскія колоніи, которыя являются наиболѣе богатыми странами нашего времени. Народное имущество Англіи опредѣляется суммою въ 250 фунтовъ на 1 жителя, а въ Викторіи 305 фунтовъ, Новомъ Южномъ Валлисѣ — 323. Цѣнность ввозимыхъ и отпускаемыхъ товаровъ составляетъ въ Викторіи 30 милліоновъ фунтовъ, т.-е. по 30 фунтовъ на 1 жителя, въ Англіи—18 фунтовъ. А въ Новомъ Южномъ Валлисѣ внѣшняя торговля дастъ еще гораздо большую цифру—37 фунтовъ на 1 жителя. Параллельно съ ростомъ матеріальнаго благосостоянія идетъ и возвышеніе духовной культуры. Всѣмъ извѣстно, что обязательное обученіе было введено въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки еще въ половинѣ XVII в., а въ австралійскихъ колоніяхъ народное образованіе сдѣлало такіе успѣхи, что приходится 18 учащихся на 100 жителей (въ Пруссіи 16 на 100, въ Англіи 14 на 100).

И русскіе люди, переселяясь на новыя мѣста, часто достигаютъ благосостоянія, которое не было извѣстно имъ на родинѣ. Конечно, ихъ благосостояніе должно быть измѣряемо совсѣмъ инымъ масштабомъ, нежели тотъ, который прилагаютъ къ колоніямъ, заселеннымъ эмигрантами изъ Западной Европы. Мы имѣемъ основаніе сравнивать, относительно благосостоянія и умственнаго развитія, австралійца или сѣвероамериканца съ населеніемъ ихъ старинныхъ метрополій, а русскаго новосела мы должны сравнивать съ русскимъ же человѣкомъ гдѣ нибудь въ Курской, Тамбовской или Полтавской губерніи.

Послушаемъ, что говоритъ Г. И. Успенскій, видѣвшій русскихъ переселенцевъ на мѣстѣ ихъ новой осѣдлости. „Это было уже новое, послѣреформенное поколѣніе крестьянъ; гораздо больше половины взрослыхъ были грамотные, а подростки грамотны всѣ; вся толпа мужчинъ и жен-

щинъ, парубковъ и дивчатъ была просто какъ на подборъ: молодые, здоровые, ни капельки не забитые, безъ малѣйшихъ признаковъ какого либо ярма, которое когда-то лежало на нихъ. Единственное, что было въ ихъ прошлой, недавней жизни тяжкаго и непріятно вспоминаемаго, это, кромѣ малоземелья, давленіе кулака. Но теперь, избавившись отъ наемной работы и отъ кабалы, они вспоминали о томъ и другомъ не иначе, какъ въ смѣхотворной, анекдотической формѣ. Глядя на этихъ здоровыхъ, свободныхъ, не голодныхъ, не холодныхъ, хорошо, тепло, красиво одѣтыхъ въ самодѣльное и самотканное платье людей, слушая ихъ свободную, остроумную рѣчь, я рѣшительно позабылъ самое слово *мужикъ*. Да, это настоящіе *свободные люди*— именно *люди*, независимые вполнѣ, такъ какъ надъ ними нѣтъ теперь ненавистнаго ростовщика... Не „мужики“ были предо мною, не труженики, не подвижники, не самоотверженныя или подвижнически цѣломудренныя существа, наконецъ, вообще не взрослыя дѣти — нѣтъ! а только *свободные независимые* люди“. А Н. М. Ядринцевъ, во время своей поѣздки на Алтай, нашелъ, что великороссійскіе черноземные мужики превратились въ совершеннѣйшихъ горцевъ, весьма удобно приладившись къ условіямъ горной мѣстности. „Кстати сказать, Алтайскія горы—горы въ *самомъ дѣлѣ* настоящія... Природа вовсе не „крестьянская„ и однакожь крестьяне единственно только подъ давленіемъ нравственнаго побужденія жить въ мірѣ съумѣли не только не погибнуть въ непривычной для нихъ обстановкѣ, но устроились самымъ завиднымъ образомъ... Населеніе это крупное, рослое, атлетическаго тѣлосложенія; не только мужчины могучи и сильны; сильны здѣсь также и женщины: иныя поднимаютъ 12 пудовъ... Въ кумышскомъ округѣ, въ теченіе столѣтія, изъ 10 семей богатырей населеніе разрослось до 1260 душъ народа, какъ уже сказано выше, рослаго, могучаго, работящаго, вполнѣ къ тому же сохранившаго свои симпатіи къ крестьянству. Нѣкоторые изъ крестьянъ въ деревняхъ по Бухтармѣ сѣяли хлѣбъ на высотѣ 4000 футовъ. Хлѣ-

бопашество въ горныхъ деревняхъ идетъ въ настоящее время такъ хорошо, что крестьяне имѣютъ возможность выгодно сбывать излишекъ: 4000 пудовъ ржаной муки они поставляютъ въ зырянскій заводскій магазинъ. Кромѣ хлѣбопашества, они занимаются скотоводствомъ, пчеловодствомъ, ведутъ мѣновую торговлю съ киргизами, китайцами, давая въ обмѣнъ юфть, топоры, звѣроловные капканы, ножи и другія желѣзныя вещи, а также соль, муку и особенно зерновой ячмень".

Что же говорятъ данныя статистики? Алтайскій округъ привлекаетъ наибольшее число переселенцевъ. Въ селѣ Яркахъ, имѣющихъ 215 дворовъ, на 1 дворъ приходится 9 лошадей и 10 головъ крупнаго рогатаго скота и нѣсколько десятковъ мелкаго. Въ другомъ большомъ селеніи *Сростинскіе дворы* (около 200 дворовъ) на 1 дворъ приходится 5 лошадей и 6 коровъ. По среднему выводу для Алтайскаго округа, 1 дворъ имѣетъ 5 лошадей и 6 головъ рогатаго скота; во всей же Европейской Россіи 2,3 и 1,3. На 1 ревизскую душу въ Европейской Россіи приходится 2—3 десятины земли, въ Алтайскомъ округѣ до 7. Изъ переселенцевъ, достигшихъ такого достатка, 30—35% имѣли на родинѣ не болѣе 1 лошади на дворъ. Изъ всей массы переселенцевъ $^3/_5$ имѣли на родинѣ только по 1 коровѣ на дворъ, а на новомъ мѣстѣ такихъ было только $^1/_6$. Исторія отдѣльныхъ селеній позволяетъ прослѣдить за тѣмъ, какъ быстро совершаются успѣхи переселенцевъ. Деревня Ивановка Верхъ-Чумышской волости Бійскаго округа имѣла въ 1866 г. подъ хлѣбомъ только 23 десятины, а въ 1882—393. Картину быстраго роста даетъ деревня Чернышева Богатольской волости Маріинскаго округа Томской губерніи. Возникши въ 1885 году, это селеніе имѣетъ теперь 90 дворовъ, которые продали въ 1889 году 25,000 п. хлѣба. Огромные успѣхи сдѣлала деревня Орлова-Розова Алчедатской волости Маріинскаго округа. Ее образовали въ 1887 году курскіе крестьяне, поселенные въ числѣ 198 душъ. Первый годъ они страшно

бѣдствовали и даже умирали отъ голоднаго тифа, а въ 1889 году продали 5000 пудовъ хлѣба Съ тѣмъ вмѣстѣ мы находимъ и другіе признаки хозяйственныхъ успѣховъ: развитіе машиностроенія въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ, развитіе хлѣбной торговли между Алтайскимъ округомъ и Европейской Россіей. Мы не можемъ привести данныя о духовной культурѣ. Въ нашемъ отечествѣ она стоитъ, вообще, не высоко; большее же экономическое довольство на новыхъ мѣстахъ послужитъ прочной основою для ея преуспѣянія.

Развитіе колоній имѣетъ столь важное значеніе, что даже такой противникъ государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь, какъ г. Поль-Леруа-Больё считаетъ колонизаціонную политику одной изъ важныхъ задачъ государства. Въ недавно вышедшемъ трудѣ „L'état moderne et ses fonctions“ г. Леруа-Больё посвящаетъ переселеніямъ заключительную главу, которая носитъ такое названіе: „Одна изъ задачъ современнаго государства“.

Весь земной шаръ, по мнѣнію автора, можетъ быть раздѣленъ въ отношеніи къ племенамъ, которыя его населяютъ, на 4 части. Первую образуютъ страны западной, европейской культуры. Вторую часть занимаютъ такіе народы, какъ китайцы и японцы, отличающіеся отъ европейцевъ по цивилизаціи, но многочисленные, стойкіе и способные къ дальнѣйшему общественному развитію. Третью часть занимаютъ тѣ племенныя группы, которыя не обнаруживаютъ способности къ правильному прогрессированію: таковы Британская Индія, многіе острова азіатскихъ архипелаговъ. Наконецъ, большая часть земного шара принадлежитъ дикимъ племенамъ, которыя предаются непрерывнымъ войнамъ и имѣютъ много жестокихъ обычаевъ. Ихъ уровень развитія такъ низокъ, что они не могутъ извлекать никакихъ выгодъ изъ естественныхъ богатствъ, которыя ихъ окружаютъ. Такой характеръ населенія въ различныхъ частяхъ земного шара даетъ цивилизованнымъ народамъ полное право ко вмѣшательству въ судьбы полу-

дикихъ племенъ. „Нельзя считать естественнымъ и справедливымъ, чтобы народы западной цивилизаціи задыхались на тѣсныхъ пространствахъ, которыя были ихъ первоначальными жилищами, чтобы они накопляли тамъ чудеса наукъ, искусствъ, цивилизаціи и оставляли, быть можетъ, половину земного шара небольшимъ группамъ людей невѣжественныхъ, немощныхъ, дѣтски слабыхъ, разсѣянныхъ по неизмѣримымъ пространствамъ, или же дряхлѣющимъ народностямъ, безъ энергіи, безъ руководительства, старчески неспособнымъ на всякое дѣло, которое требуетъ предусмотрительности и искуснаго соединенія силъ“ (427). Вмѣшательство цивилизованныхъ народовъ въ судьбы этихъ племенъ можетъ принимать различныя формы: руководительство, воспитаніе и т. п. Можно поручиться, что только воспитательная дѣятельность европейца способна перессоздать эти дикія или полудикія племена.

И такъ, при современномъ положеніи земного шара, должна быть выполняема великая колонизаціонная работа. „Слѣдуетъ ли, спрашиваетъ авторъ, предоставить частнымъ лицамъ эту работу? - Это невозможно. Частныя лица играютъ въ колонизаціонномъ дѣлѣ важную роль, какъ піонеры, торговцы, добыватели разныхъ естественныхъ богатствъ. Но они не въ состояніи методически и непрерывно воздѣйствовать на всѣ стороны жизни въ полудикой странѣ. Ихъ корыстолюбіе доходитъ иногда до крайности; нерѣдко они склонны къ несправедливости и угнетенію. Будучи полезны въ качествѣ предшественниковъ и необходимы въ качествѣ сотрудниковъ они должны быть сдерживаемы и контролируемы общественною властью“ (431). По мнѣнію автора, нужно дѣлать различіе между колонизованіемъ и торговлею или открытіемъ рынковъ сбыта. Колонизованіе предполагаетъ гораздо болѣе всестороннюю дѣятельность, нежели покупка и продажа товаровъ. Великая держава не должна относиться равнодушно къ землямъ, которыя какъ бы сама судьба сдѣлала ея колоніями. А если колоній нѣтъ,

то государство должно стараться пріобрѣсти ихъ. „Отсутствіе колоній, при господствѣ того духа, который преобладаетъ въ наше время, является какъ бы секвестраціей народа, который былъ неспособенъ упрочить свое господство въ разныхъ мѣстахъ земного шара въ то время, когда онъ не былъ еще весь захваченъ“ (433). Изъ экономическихъ задачъ, которыя должны лежать на государствѣ въ колоніяхъ, первое мѣсто должно принадлежать проложенію дорогъ, измѣренію земли, осушенію болотъ и т. д.

Мнѣніе французскаго экономиста имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что онъ является противникомъ государственнаго вмѣшательства во многія стороны народной жизни, которыя уже давно принято считать полемъ административной дѣятельности: таковы высшее и, особенно, среднее народное образованіе, фабричное законодательство, общественное призрѣніе и нѣкоторыя другія. А если писатель такого образа мыслей приглашаетъ правительственную власть къ руководству колонизаціоннымъ дѣломъ, то, стало быть, дѣло это имѣетъ особенную важность въ жизни народной.

Можно найти черты сходства въ развитіи западно-европейскихъ колоній и окраинъ нашего отечества. Но есть одно крупное различіе, которое дѣлаетъ положеніе Россіи болѣе выгоднымъ. Англія, Франція, Голландія отдѣлены отъ своихъ колоній океаномъ. Затраты, совершаемыя западно-европейскими народами и одобряемыя научною литературою, являются для метрополіи гадательно полезными. Политическая связь между сторонами, какъ показываетъ исторія Соединенныхъ Штатовъ, не отличается большой прочностью. Весь запасъ и личныхъ силъ, и матеріальныхъ средствъ, которыя европейскія страны отдали своимъ колоніямъ, онѣ расточаютъ, быть можетъ, для того, чтобы создать себѣ могущественныхъ соперниковъ. Но все, что Россія сдѣлаетъ для своихъ внутреннихъ переселеній, уже по тѣсной географической связи Европейской Россіи

съ русскими владѣніями въ Азіи, послужитъ къ увеличенію нашего благосостоянія и укрѣпленію нашего могущества. *Великой равнинѣ, перерѣзанной невысокимъ Уральскимъ хребтомъ, сама судьба предназначила быть единымъ государствомъ.*

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СРЕДИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ ЛѢТОМЪ 1890 ГОДА.

Для составленія этого отдѣла мнѣ были чрезвычайно полезны указанія П. И. Архипова въ Тюмени, А. В. Дурова, В. А. Розанова и К. А. Шапошникова въ Томскѣ. Всѣмъ этимъ лицамъ я считаю долгомъ выразить здѣсь мою глубокую признательность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изъ дому.

Поѣздка въ Сибирь дала мнѣ случай видѣть многія тысячи переселенцевъ и, частью, провѣрить наблюденія, сдѣланныя другими изслѣдователями, частью, подмѣтить такія особенности въ переселенческомъ движеніи, которыя еще не обращали на себя вниманія. Разспросы многихъ сотенъ людей помогли мнѣ нарисовать, какъ болѣе или менѣе цѣльную картину препятствій, съ которыми связано для переселенцевъ оставленіе родины, такъ и перипетіи, которыя выпадаютъ на ихъ долю до окончательнаго водворенія въ Сибири.

I

Прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, кто переселяется, богатые-ли крестьяне, средне-ли достаточные или вовсе неимущіе? Въ Рязанской губерніи было сдѣлано наблюденіе, что чаще переселяются бывшіе государственные крестьяне, нежели бывшіе помѣщичьи; такъ какъ первые пользуются большимъ достаткомъ, нежели вторые, то это наблюденіе заставляетъ иногда дѣлать выводъ, что переселенцы состоятъ преимущественно изъ людей зажиточныхъ, которые могли бы и на родинѣ измѣнить къ лучшему свой хозяйственный бытъ. Подобное предположеніе

совершенно опровергнуто регистраціею переселенцевъ, которая за послѣдніе годы производилась томскимъ чиновникомъ по переселенческимъ дѣламъ. Она показываетъ, что только очень немногія семьи, по приходѣ въ Томскъ, имѣютъ при себѣ 100 рублей и болѣе. По оффиціальнымъ даннымъ отъ 1 сентября, изъ пришедшихъ въ Томскъ въ 1890 году, имѣли собственныхъ денегъ:

Ничего и до	10	рублей . . .	1,499	семей.
отъ 10 „	50	„ . . .	590	„
„ 50 „	100	„ . . .	115	„
„ 100 „	300	„ . . .	70	„
болѣе 300 „		„ . . .	8	„

Подобное же наблюденіе удалось сдѣлать и мнѣ на пароходѣ между Тюменью и Томскомъ. Всего ѣхало 67 семей изъ 390 душъ. Изъ нихъ только 12 семей имѣли при себѣ, по ихъ показаніямъ, 100 рублей и болѣе, а 32 семьи везли по 10—5—3 рубля. На болотѣ, окружающемъ переселенческіе бараки въ Томскѣ, я имѣлъ случай наблюдать всѣ ступени въ развитіи нужды. Изъ 300 семействъ, которыя часто скопляются здѣсь въ ожиданіи дня, когда можно будетъ двинуться въ путь, насчитаешь 30—40 съ признаками достатка. Они покупаютъ по 2—3 лошади, цѣною въ 30—40 р., исправныя телѣги, ременную сбрую, съ десятокъ новыхъ цыновокъ для упаковки и имѣютъ довольно большой багажъ Нерѣдко я спрашивалъ такихъ переселенцевъ, сколько денегъ они везутъ съ собой, и получалъ отвѣтъ, что они имѣютъ 300—400 р., иногда 1,000 р. и болѣе. Уже эти отвѣты даютъ основаніе предполагать, что переселенцы не скрываютъ истиннаго положенія дѣлъ и только въ исключительныхъ случаяхъ, имѣя деньги, прикидываются бѣдняками. За этой группой слѣдуетъ вторая, нѣсколько болѣе многочисленная. Эти семьи также купили лошадей и повозки, но все гораздо худшаго качества: каждая лошадь стоитъ 12—20 р., багажа настолько меньше, что въ повозку свободно могутъ

быть усажены не только дѣти, но и бабы. Ко второй группѣ, примыкаетъ третья, образующая, быть можетъ, 15—20% и также имѣющая лошадей. Но у этихъ лошади и повозки—уже не говоря объ ихъ убогомъ видѣ—куплены или при помощи полученнаго пособія, которымъ уплачена часть цѣны, или съ доплатою 3—5 р., вырученныхъ отъ продажи полушубка, исправнаго зипуна, какихъ-нибудь 2—3 концовъ холста, взятыхъ изъ дома, и сапогъ. Если даже послѣднюю группу отнести къ переселенцамъ *не нуждающимся*, то получимъ никакъ не болѣе, а, вѣроятно, даже менѣе 50%. Но крайнія ступени нужды отстоятъ отъ насъ еще далеко.

Проходя по таборамъ, вы видите многія сотни людей съ озабоченными лицами: они ведутъ между собою оживленную бесѣду; до вашего уха доносятся разсчеты того, въ какую цѣну можно „вогнать“ лошадь и повозку. Ближе присматриваясь къ этимъ группамъ, вы узнаете, что они исчерпали всѣ средства и, все-таки, семьѣ не достаетъ 5—7 рублей, чтобы купить самую слабосильную лошаденку и плохенькую телѣгу. Много переселенцевъ насчитываетъ въ своихъ рядахъ слѣдующая группа: ея члены продали и заложили все, что можно было продать и заложить: за душой не осталось ни полушки денегъ и ни фунта хлѣба. Но члены этой группы все же не послѣдніе бѣдняки: они получили отъ чиновника „по 5 руб. на семью“, изъ которыхъ будутъ по немногу расходовать на харчи, а тѣмъ временемъ „авось“ подвернется какая-нибудь работа, которая позволитъ имъ сколотить десятокъ-полтора рублей и хотя на наемныхъ подводахъ добраться до мѣста водворенія. Наконецъ, мы доходимъ до бѣднѣйшихъ. Изнуренныя лица, приниженность, покорность судьбѣ, лохмотья, босыя ноги, прошеніе милостыни почти шепотомъ—вотъ отличительные признаки бѣднѣйшихъ переселенцевъ. Эти не имѣютъ уже положительно никакихъ рессурсовъ: рубище, которое прикрываетъ ихъ наготу и не защищаетъ отъ прохлады даже лѣтней ночи,—вотъ вся ихъ одежда: пособіе,

которое могло быть имъ выдано, уже получено и истрачено на хлѣбъ; не подвертывается никакой, даже самой грубой работы; остается кое-какъ питаться подаяніемъ, да получать небольшую поддержку отъ товарищей, почти столь же бѣдныхъ, какъ и они сами. И эта послѣдняя группа считаетъ въ своихъ рядахъ добрыхъ 25%.

Но вопросъ будетъ поставленъ правильно только тогда, когда мы сгруппируемъ по степени зажиточности не переселившихся и даже не тѣхъ, которые только двинулись съ мѣста, а всѣхъ тѣхъ, которые ходатайствуютъ о разрѣшеніи переселиться и, вообще, принимаютъ мѣры для выселенія. Такъ какъ администрація, особенно послѣ изданія закона 13 іюля 1889 г., неблагосклонно смотритъ на бѣднѣйшихъ крестьянъ, которые оставляютъ родину, и многимъ не разрѣшаетъ выселяться, то легко можно встрѣтить партію, въ которой значительный процентъ составляютъ зажиточные крестьяне. Если же принять въ разсчетъ причины, которыя въ огромномъ большинствѣ случаевъ побуждаютъ выселяться, то окажется, что достаточные крестьяне или совсѣмъ не имѣютъ такихъ побужденій или имѣютъ ихъ только въ весьма слабой степени. Мнѣ приходилось не разъ убѣждаться, что, когда семья переселенца имѣетъ довольно большія деньги, рублей 500, даже 300, она руководствуется невѣрными представленіями о Сибири. „Писали мнѣ, говорилъ одинъ богатый крестьянинъ, направлявшійся въ Алтайскій округъ, — что тамъ на десятинѣ собираютъ пудовъ до 300 пшеницы и что столько собираютъ годъ въ годъ, лѣтъ 20 и болѣе“. Такое преувеличенное мнѣніе о дѣйствительно высокомъ плодородіи многихъ мѣстностей Сибири дѣлаетъ переселеніе соблазнительнымъ даже для того домохозяина, который пользовался на родинѣ полнымъ достаткомъ. Кромѣ такихъ, чисто хозяйственныхъ крестьянъ, среди переселенцевъ можно найти и людей съ порядочными деньгами, знающихъ или чувствующихъ, что въ Сибири ростовщичество доставляетъ очень большія и нерѣдко большія выгоды, чѣмъ въ Европейской Россіи. Но объ этомъ

я разскажу послѣ. И такъ, огромную массу лицъ, которыя хотятъ переселиться, образуютъ бѣдняки.

Когда вы спрашиваете объ условіяхъ, заставившихъ этихъ людей покинуть родину, они на разные лады передаютъ вамъ одно и то же: земли мало, или же, если ея и довольно, она стала такъ безплодна, что уже давно не вознаграждаетъ труда и затратъ. Сплошь и рядомъ слышишь, что такія неблагопріятныя условія стали обнаруживаться уже много лѣтъ тому назадъ, что уже лѣтъ 10—15 тому назадъ крестьяне „поднимались“ въ Томскую губернію, на Амуръ, „къ башкирамъ“, но отлагали свое рѣшеніе до послѣдней крайности. Малоземелье и неравное распредѣленіе земли между общинниками нерѣдко вызывали крупныя недоразумѣнія между крестьянами и даже кровавыя схватки. На пароходѣ я встрѣтилъ 30 семей переселенцевъ изъ селенія Бѣлой, Курской губерніи, Суджанскаго у., ѣхавшихъ въ Бійскій округъ на кабинетскія земли. Селеніе Бѣлая имѣетъ болѣе 600 дворовъ; неравномѣрность распредѣленія земли стала обнаруживаться тамъ уже очень давно. Передѣлъ былъ произведенъ въ 1884 году. Передъ нимъ образовалась очень сильная партія изъ дворовъ, которые имѣли относительно много земли и противились передѣлу. Ихъ противодѣйствіе было такъ упорно, что они были готовы прибѣгнуть къ силѣ, и нерѣдко появлялись на сходкахъ съ ножами и кинжалами. Однако, сторонники передѣла взяли верхъ. Равномѣрность пользованія землею была возстановлена, но на наличную душу мужского пола пришлось только по $1^1/_2$ десятины земли и никакихъ выгоновъ и сѣнокосовъ; $^1/_3$ дворовъ вовсе не имѣла скота: некуда было выпустить даже теленка. Арендныя же цѣны земли въ ближайшемъ сосѣдствѣ колеблются между 20—30 рублями на одинъ посѣвъ. Отъ другой партіи, состоявшей изъ 8 семей, слышались жалобы, что на родинѣ (с. Бабино, Обоянскаго у. Курской губ.) изъ 150 дворовъ только 3 домохозяина имѣютъ 3 лошади, а $^1/_3$ вовсе не имѣетъ лошадей. Партія переселенцевъ изъ Спасскаго и Темниковскаго уѣз-

довъ Тамбовской губерніи передавала, что на родинѣ было только по $1^1/_2$ десятины на душу и что это побудило ихъ двинуться въ Сибирь. Девять семей изъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской г. сообщали мнѣ, что у нихъ причиталось на наличную душу мужескаго пола только по 1 десятинѣ; арендныя цѣны достигли 15—20 руб. за десятину; приходилось платить очень много штрафовъ за потраву. Выселенцы изъ слободы Логовой, Бѣлгородскаго уѣзда, передавали, что весь полевой надѣлъ на превышаетъ $^1/_4$ десятины на душу. Населеніе занимается посадкою свекловицы для сахароваренныхъ заводовъ и платитъ по 40—50 руб. въ годъ за арендованіе 1 десятины. Девять семей переселенцевъ изъ Мамадышскаго уѣзда Казанской г. выселились потому, что душевой надѣлъ на родинѣ составлялъ только $1^1/_2$—2 десятины. Но къ этому присоединялись и другія неблагопріятныя условія. Вслѣдствіе вырубки лѣсовъ, по всему уѣзду образовалось множество размывовъ; снесеніе съ полей пахатнаго слоя сильно уменьшало плодородіе; образовалось очень много огромныхъ овраговъ, которые увеличиваются съ каждымъ годомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ уже довольно давно началъ обнаруживаться недостатокъ воды: въ 50-хъ гг., напримѣръ, на рѣчкѣ стояло 5 мельницъ въ небольшомъ раіонѣ, а теперь отъ рѣчки почти не осталось слѣда: во многихъ мѣстахъ ее совершенно занесло пескомъ. Малый надѣлъ идетъ рука объ руку съ низкой заработной платой. Въ Валуйскомъ уѣздѣ, напримѣръ, годовой рабочій получаетъ 40 руб.; въ сѣнокосъ поденная плата не превышаетъ 40 коп. на харчахъ рабочаго. Расплата производится преимущественно хлѣбомъ. Ходоки изъ селеній Марьевки, Николаевки и Лебяжьей Николаевскаго у. Самарской губ. передавали, что у нихъ явилась крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи земли; по 10-й ревизіи на душу было по 7 десятинъ; съ тѣхъ поръ передѣла не было, и многіе дворы имѣютъ только по $1^1/_2$—2 десятины на наличную мужскую душу. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ сотни тысячъ десятинъ принадлежатъ богатымъ купцамъ

и сдаются въ аренду подъ одинъ посѣвъ яроваго по 15—20 рублей за десятину. Въ урожайные годы, при 80 пудахъ пшеницы съ десятины и цѣнѣ по 75 коп. за пудъ, арендаторъ получаетъ 60 рублей валоваго дохода. Расходы же составляютъ: 10 руб. сѣмена, 7 рублей вспахать, 10 рублей сжать, 20 рублей арендная плата, а остальное—заборонить, свезти съ поля, вымолотить. Чистый доходъ съемщика понижается почти до нуля. Такъ какъ не удалось побѣдить противниковъ передѣла, то изъ 4,000 домохозяевъ этихъ селеній 800 рѣшили уйти въ Сибирь. Изъ Бирскаго уѣзда Уфимской г. мнѣ пришлось встрѣтить 8 семей. Эта партія жаловалась, что на родинѣ приходилась на душу только 1 десятина пахатной земли. Въ окрестностяхъ много частновладѣльческихъ земель, но онѣ не дешевле 30—50 р. за 1 десятину. Къ этому присоединялась и другая бѣда: селеніе изъ 40 дворовъ лежитъ островомъ среди башкирскихъ деревень, и конокрадство со стороны башкиръ приняло самые широкіе размѣры. Такъ какъ русскіе не въ состояніи бороться съ конокрадствомъ, то хотятъ выселиться всѣ 40 домохозяевъ. Пять семей вятскихъ переселенцевъ изъ Яранскаго уѣзда производили другое впечатлѣніе. Ихъ душевой надѣлъ достигалъ 13 десятинъ, но земля очень неплодородна, почти исключительно болота и пески. Они имѣли видъ людей зажиточныхъ; имъ казалось соблазнительнымъ, оставивъ 13 десятинъ неудобной, — получить въ Сибири 15 десятинъ хорошей земли. Вятскіе и курскіе переселенцы неоднократно пикировались въ дорогѣ. Вторые говорили, что, имѣй они по 13 десятинъ на душу, хотя бы песковъ, они не покинули бы родины, а первые ссылались на фруктовые сады въ Курской губерніи, которые на столько доходны, что могутъ примирить владѣльцевъ-крестьянъ и съ $1^1/_2$-десятиннымъ надѣломъ. По мнѣнію первыхъ, куряне выручили много денегъ за фруктовые сады; вятчане же, по словамъ вторыхъ, какъ бы дешево ни продали свои 13-десятинные надѣлы, несутъ въ Сибирь хорошія средства... Съ нѣкоторыми различіями въ частностяхъ, и другія пере-

селенческія партіи такими же доводами объясняли и оправдывали оставленіе родины.

II.

Много ли препятствій нужно было преодолѣть этому люду, чтобы оставить родное пепелище?

Когда я задавалъ подобный вопросъ вятчанамъ или пермичамъ, они смотрѣли на меня съ недоумѣніемъ и почти всегда отвѣчали одной и той же фразой: „извѣстно трудно, когда денегъ нѣтъ"; „коли съ пустыми руками идешь, такъ скоро мозоли натрешь". Соображенія о томъ, трудно-ли выселиться, сводились только къ одному разсчету: есть-ли деньги, которыми нужно заплатить за переѣздъ, и будетъ ли остатокъ, чтобы положить начало новому хозяйству. Когда я разспрашивалъ этихъ людей объ условіяхъ, съ которыми былъ связанъ ихъ выходъ изъ дома, они подробно объясняли, что на родинѣ они никому не нужны и рѣшительно некому удерживать ихъ. „Работали мы сами по себѣ, а сосѣди—сами по себѣ; господъ у насъ нѣтъ, какъ по прочимъ мѣстамъ. Начальство смотритъ, чтобы подати заплачены были, а тамъ иди на всѣ четыре стороны". И въ самомъ дѣлѣ, въ Вятской и Пермской губерніяхъ встрѣчается очень немного препятствій для выселенія.

Совсѣмъ иное пришлось мнѣ услыхать отъ крестьянъ черноземныхъ губерній. Тамъ выселеніе представляется такимъ общественнымъ фактомъ, который затрогиваетъ интересы многихъ людей. Сельское общество, вообще, искренно радуется выселенію нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ и сопровождаетъ ихъ самыми добрыми пожеланіями. И не удивительно: сумма сборовъ всѣхъ наименованій составляетъ съ ревизской души 10—12 рублей; при $1^1/_2$ десятинномъ надѣлѣ, на каждую десятину падаетъ 8 рублей, а арендная цѣна десятины колеблется между 20 и 30 рублями. Если считать арендную плату не выше даже только 18 рублей, то, при трехпольномъ хозяйствѣ и одной

паровой десятинѣ ежегодно, арендная цѣна десятины составитъ 12 рублей (18+18: 3). Отпустивъ нѣсколько домохозяевъ и принявъ на себя ихъ платежи, сельское общество получаетъ въ оставленной выселяющимися землѣ не только полное прикрытіе этихъ платежей, но и значительный избытокъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда я спрашивалъ курскихъ, воронежскихъ, тамбовскихъ, пензенскихъ переселенцевъ объ отношеніи ихъ обществъ къ факту выселенія, я получалъ одинъ отвѣтъ: „съ радостью отпускаютъ“.

Но каждая выселяющаяся семья связана многочисленными, или дѣйствительными, или возможными нитями съ мѣстнымъ частно-владѣльческимъ хозяйствомъ. И такія нити связываютъ съ послѣднимъ не только бѣднѣйшихъ крестьянъ, но и зажиточныхъ. Бѣдные служатъ для среднихъ и крупныхъ хозяйствъ рабочею силою и арендаторами земель; богатые-же служатъ исключительно арендаторами земли. Землевладѣлецъ и разсуждаетъ, что выселеніе и бѣднѣйшихъ, и зажиточныхъ имѣетъ тенденцію нарушать его интересы, умалять число сельскихъ рабочихъ и арендаторовъ, а чрезъ это повышать заработную и понижать арендную плату. Руководствуясь такими побужденіями, землевладѣльцы и стараются удержать крестьянъ отъ выселенія. Во многихъ случаяхъ мѣстная администрація проникается воззрѣніемъ землевладѣльцевъ и также ставитъ большія или меньшія препятствія.

Иногда выдвигаются препятствія посредствомъ распространенія ложныхъ слуховъ относительно выгодъ, которыя ожидаютъ выселенцевъ на родинѣ, если они откажутся отъ своего намѣренія, и невыгодъ, которыя они встрѣтятъ въ Сибири. Многія переселенческія партіи передавали мнѣ, что, когда въ данномъ селеніи готовы были подняться съ мѣста многіе домохозяева, волостные старшины распускали слухъ, что „съ будущаго года рѣшено на половину уменьшить арендную плату, съ 20 рублей на 10 за десятину“. Шесть переселенческихъ семей изъ дер. Киселевой, Борисовской вол., Валуйскаго у., Воронежской губ. сообщали,

что изъ 60 дворовъ, составляющихъ деревню, хотѣли выселиться очень многіе; но удалось это только названнымъ шести семьямъ. Когда онѣ были уже готовы къ выходу, старшина прочиталъ имъ бумагу, полученную, будто-бы, отъ томской администраціи, съ оповѣщеніемъ, что должны выселяться только тѣ, которые имѣютъ не менѣе 400 руб. на семью (200 руб. на дорогу и 200 руб. на обзаведеніе въ Сибири). Въ бумагѣ этой говорилось, будто-бы, о страшныхъ зимнихъ холодахъ, короткомъ лѣтѣ и т. п. Партіи переселенцевъ изъ Тамбовской губ. передавали, что было нѣсколько попытокъ подкупить ходоковъ и тѣмъ побудить ихъ къ сообщенію о Сибири невѣрныхъ свѣдѣній, которыя отбили-бы у крестьянъ охоту выселяться. Одинъ ходокъ, получивъ сотню рублей, соблазнился этой взяткой и представилъ въ непривлекательномъ свѣтѣ сибирскую природу и разныя условія хозяйства. Уличенный во лжи земляками, онъ вызвалъ всеобщее негодованіе. Но, большею частью, бывало такъ: ходокъ бралъ взятку, обѣщалъ представить землякамъ Сибирь въ превратномъ свѣтѣ, а потомъ раскрывалъ истину и даже пропивалъ съ односельчанами частицу полученной „благодарности“.

Кромѣ такихъ политичныхъ пріемовъ, принимались и мѣры болѣе рѣшительныя, которыя должны были удержать отъ выселеній. Партія переселенцевъ изъ Хилковской волости, Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи передала мнѣ, что въ февралѣ 1890 г. при волостномъ правленіи и у церквей было прибито объявленіе, что желающіе выселиться должны заявлять объ этомъ начальству. Это вызвало подачу большого числа прошеній. Однако, въ началѣ весны расклеенныя объявленія были сорваны, волостное начальство угрожало наказаніемъ всѣмъ, кто желаетъ выселиться, и нѣкоторые ходоки были посажены подъ арестъ. Волостное начальство запретило также продавать дома и покупать избы у тѣхъ, кто желаетъ выселиться. Такой рѣзкій поворотъ былъ запоздалымъ: желавшіе выселиться не засѣяли ярового поля, частью, продали усадьбы, а потому и

были вынуждены уйти по паспортамъ. Наиболѣе распространенною формой, въ которой ставятся выселяющимся препятствія, служитъ выдача паспортовъ съ различными оговорками. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не разрѣшались выселенія изъ Спасскаго уѣзда, Тамбовской губ; не получая свидѣтельствъ, многіе пытались уходить по паспортамъ, а потому въ паспорты стали вносить такую оговорку: „отпущены на заработки", а не на переселеніе въ Томскую губернію". Но владѣльцы такихъ паспортовъ объяснили мнѣ, что они идутъ въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи, на которую это запрещеніе не распространяется. У многихъ-же переселенцевъ изъ Курской губерніи, Суджанскаго уѣзда, я видѣлъ билеты, выданные на срокъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ; въ этихъ билетахъ къ словамъ: „уволенъ въ разныя губерніи Россійской Имперіи" добавлены слова: „кромѣ губерній, городовъ и областей Сибири". Съ такими паспортами и свидѣтельствами идутъ преимущественно на кабинетскія земли, въ полной увѣренности, что въ Барнаулѣ горное управленіе устроитъ все къ лучшему, дастъ землю и будетъ способствовать перечисленію выселенцевъ въ Томскую губернію. Наконецъ, въ рукахъ волостной администраціи есть и еще одно средство—удорожаніе паспортовъ. Встрѣченные мною въ Томскѣ переселенцы изъ деревни Алкалатки, Двоѓовской волости, Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, говорили, что съ нихъ за годовые паспорты взяли съ каждаго по 6—12 рублей. Вотъ препятствія, которыя нужно преодолѣть не говоря уже о продолжительности срока (1—2—3 года), необходимаго для того, чтобы устранить или хотя обойти нѣкоторыя затрудненія.

III.

Стараясь воздержаться отъ оптимизма и быть какъ можно ближе къ тому, что даетъ дѣйствительность, я дол-

женъ сказать, что переселенцы далеко не во всѣхъ случаяхъ руководствуются правильнымъ разсчетомъ. Нерѣдко они идутъ на „авось“ и не имѣютъ сколько-нибудь яснаго представленія ни о мѣстности, въ которой водворятся, ни объ условіяхъ хозяйства, которыя ихъ ожидаютъ. Мнѣ вспоминается нѣсколько семей, встрѣченныхъ въ Перми. Принадлежа къ дворовымъ людямъ, они имѣли на родинѣ въ Саратовской губерніи сиротскіе надѣлы и очень мало занимались земледѣліемъ; главный доходъ извлекали они изъ промысловъ. По ихъ словамъ, они и въ Сибири не ищутъ непремѣнно сельской осѣдлости, а припишутся въ мѣщане города Тары, гдѣ и будутъ заниматься своимъ промысломъ. Нѣкоторые изъ ихъ сосѣдей уже переселились туда и нашли работу. Конечно, такое намѣреніе было въ высшей степени необдуманно: 1—2 ремесленника, пришедшіе изъ Европейской Россіи въ ничтожный сибирскій городокъ, найдутъ тамъ себѣ работу, но 8 или 10 впадутъ неизбѣжно въ крайнюю нищету. Въ Томскѣ я встрѣтилъ нѣсколько семей изъ Пермской губерніи. На родинѣ онѣ были приписаны къ заводамъ и вовсе не умѣютъ пахать. На вопросъ, какъ они рѣшаются идти при такихъ условіяхъ, они отвѣчали, что жать и косить они умѣютъ, что при заводахъ земли очень мало, пахать не приходилось, а на новомъ мѣстѣ, Богъ дастъ, научатся и пахать. Въ этой партіи были люди за 40 и за 50 лѣтъ, которымъ едва-ли дастся пахота на сибирскихъ новинахъ. Иногда переселенцы не руководствуются опредѣленнымъ разсчетомъ, только при выборѣ мѣста водворенія. Я встрѣтилъ 12 семей изъ разныхъ губерній: онѣ шли въ Минусинскій округъ потому, что изъ ихъ волости туда уже переселилось нѣсколько человѣкъ. Однако, объ этомъ округѣ они не имѣли сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній, которыя дали-бы имъ основаніе думать, что слѣдуетъ идти именно туда.

Но такъ идетъ небольшое меньшинство. Я старательно припоминаю всѣ наблюденные мною случаи, чтобы не показывать только лицевой стороны медали. Огромное боль-

шинство руководствуется разсчетомъ, объективно далеко не всегда правильнымъ, но въ данное время вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ. Руководствомъ служили письма родныхъ, знакомыхъ, которые сообщали подробныя свѣдѣнія о мѣстѣ своей новой осѣдлости и приглашали земляковъ переселиться. Мнѣ пришлось просмотрѣть съ десятокъ подобныхъ писемъ. Ходоки служатъ вторымъ средствомъ для предварительнаго ознакомленія съ Сибирью. Оба эти источника свѣдѣній, столь важные для переселенцевъ, были въ достаточной мѣрѣ изучены и освѣщены г. Григорьевымъ въ его книгѣ „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи". И наблюденные мною факты не прибавили-бы ничего новаго къ тому, что сообщилъ г. Григорьевъ. Но вопросъ о значеніи ходоковъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Прошло 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ г. Григорьевъ изслѣдовалъ условія переселеній изъ Рязанской губерніи. За эти 10 лѣтъ замѣтно облегчились условія, при которыхъ дѣйствуютъ ходоки. И теперь, какъ прежде, ходоки, по недостатку средствъ, иногда не достигаютъ цѣли, не отыскиваютъ участка земли, который удовлетворялъ-бы всѣ запросы желающихъ переселиться. Но теперь все это случается гораздо рѣже. За 10 лѣтъ въ Сибири поселилось до 150,000 душъ, которыя не водворились въ какомъ-либо одномъ раіонѣ, а разсѣялись по нѣсколькимъ губерніямъ, частью въ южныхъ округахъ Тобольской и Томской, привлекавшихъ переселенцевъ уже издавна, частью, въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Маріинскій, Каинскій, Ачинскій округа, которые ранѣе почти вовсе не были извѣстны. А потому, теперь ходокъ гораздо чаще можетъ найдти новоселовъ, уже нѣсколько осмотрѣвшихся въ своей округѣ и способныхъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о близлежащихъ земляхъ. Во-вторыхъ, съ 1883 года дѣйствуютъ въ Тюмени и Томскѣ чиновники по переселенческимъ дѣламъ, успѣвшіе ознакомиться, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми мѣстностями своихъ губерній. Ходоки и получаютъ отъ этихъ чиновниковъ указанія, которыя могутъ сократить время и

уменьшить расходы, затрачиваемые ходоками на отысканіе земель.

Во время пути я имѣлъ случай замѣтить авторитетъ, который пріобрѣтаютъ въ глазахъ переселенцевъ опытные ходоки, успѣвшіе съ честью выполнить возложенное на нихъ порученіе. Ходоками сельское общество, обыкновенно, избираетъ самыхъ надежныхъ людей, разумныхъ, честныхъ и трезвыхъ. Большею частью, это люди среднихъ лѣтъ отъ 35 до 50; но иногда выбираютъ людей моложе, особенно, изъ солдатъ, если они довольно хорошо грамотны. Надо вдуматься въ смыслъ даваемаго порученія, чтобы понять, какая важная обязанность возлагается на ходока, и какіе кровные интересы крестьянина зависятъ отъ того, насколько внимательно, умѣло и добросовѣстно отнесется ходокъ къ своему дѣлу. Если онъ, побывавъ въ Сибири, принесетъ извѣстіе, что новый край представляетъ мало привлекательнаго, то крестьяне остаются дома, дабы и вновь на неопредѣленное время довольствоваться крошечными надѣлами, которые позволяютъ держать только одну голову скота. Если онъ принесетъ извѣстіе, что новыя мѣста обѣщаютъ съ избыткомъ вознаграждать трудъ земледѣльца, то крестьяне безповоротно рѣшаются покончить всѣ счеты со старымъ, продать свои дома, скотъ, остальное имущество и предпринять дальній путь, который поглотитъ у большинства всѣ вырученныя деньги. Понятно, что, разъ довѣривъ ходоку свои важнѣйшіе интересы, крестьяне относительно его не оставляютъ сомнѣнію уже никакого мѣста. И ходокъ, возвратившись домой, вовсе не обязанъ представить пространный докладъ о томъ, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ: подробная реляція можетъ быть замѣнена очень немногими словами. Стоитъ ходоку сказать: „вотъ, побывалъ на новомъ мѣстѣ, иду туда, забираю свое семейство“; стоитъ сказать это,—и за нимъ готовы двинуться всѣ его односельчане. На нашемъ пароходѣ было нѣсколько ходоковъ, теперь окончательно переселявшихся въ Сибирь, а ранѣе ходившихъ осматривать новыя мѣста. Одинъ изъ

нихъ, курскій крестьянинъ, дядя Павелъ, пользовался безграничнымъ авторитетомъ: стоило ему начать разсказъ о томъ, какъ живутъ въ Сибири, — и вокругъ него немедленно образовывалась густая толпа, которая съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ каждому его слову. Стоило кому-либо изъ окружающихъ выразить сомнѣніе въ томъ, сѣютъ-ли въ Алтайскомъ округѣ ленъ, занимаются-ли пчеловодствомъ, выращиваютъ-ли плодовыя деревья—и въ толпѣ раздавались голоса: „а вотъ, спросимъ дядю Павла". Никому и въ голову ни пришло бы возражать на слова дяди Павла. Право, скажи онъ, что Алтайскій округъ стоитъ на трехъ китахъ или что тамъ молоко даютъ не коровы, а волы, окружавшіе почтительно выслушали бы его и не подумали бы возражать. Вся партія переселенцевъ, слѣдующая за такимъ ходокомъ, представляетъ изъ себя дружину, которая слѣпо повинуется голосу своего вождя.

Мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько десятковъ ходоковъ, подобныхъ дядѣ Павлу. Нѣкоторые идутъ довольно большими группами: изъ Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, шли въ Акмолинскую область 7 ходоковъ. Наблюдая, какъ великъ авторитетъ этихъ людей, я понялъ, что искусный ходокъ, рельефно воплощая въ себѣ самодѣятельность русской деревни, не можетъ быть замѣненъ для данныхъ функцій ни чиновникомъ, даже очень горячо преданнымъ своему дѣлу, ни искуснымъ земскимъ статистикомъ, ни какимъ-либо инымъ развѣдчикомъ. Опытный топографъ или статистикъ могутъ обрисовать общими чертами данный участокъ земли, опредѣлить степень плодородія почвы, богатство лѣсомъ и водою. Трудно разсчитывать, чтобы изученіе участковъ, отводимыхъ переселенцамъ, сдѣлало такіе успѣхи въ близкомъ будущемъ; несомнѣнно, еще очень долгое время межевые чины будутъ ограничиваться самымъ общимъ описаніемъ участковъ. Именно этотъ пробѣлъ очень легко можетъ пополнить и, дѣйствительно, пополняетъ ходокъ. Межевой чинъ составляетъ планъ, а ходокъ, на своемъ нелитературномъ языкѣ даетъ этому плану

экспликацію. Прошедши участокъ, онъ быстро и безошибочно опредѣлитъ, довольно-ли на немъ воды, есть-ли строевой и дровяной лѣсъ, какова почва и т. п. Но, сверхъ того, ходокъ можетъ отвѣтить на такой вопросъ, который никогда не получитъ отвѣта со стороны межевыхъ чиновъ, даже при наилучшемъ развитіи межевой части въ Сибири: ходокъ въ состояніи сказать, насколько данный участокъ соотвѣтствуетъ условіямъ жизни переселенцевъ на родинѣ и не будетъ-ли слишкомъ рѣзокъ переходъ ихъ со стараго пепелища на новую осѣдлость. Ходокъ рѣшитъ это на основаніи многочисленныхъ и часто мельчайшихъ признаковъ, неуловимыхъ для самаго лучшаго теоретика, но близко извѣстныхъ крестьянину изъ опыта, накопленнаго въ теченіе многихъ поколѣній. Такимъ образомъ, все переселенческое дѣло можетъ получить большія выгоды отъ правильнаго пользованія опытностью и усердіемъ ходоковъ. Разъ сибирская администрація будетъ располагать достаточнымъ запасомъ переселенческихъ участковъ, ходоки будутъ получать общее руководство: дабы избавить ихъ отъ напрасныхъ скитаній, нужно будетъ только направлять ихъ на такіе участки, которые, въ общемъ, сходны съ ихъ родиной; и уже сами ходоки отмѣтятъ и оцѣнятъ всѣ частности, которыя обѣщаютъ переселенцамъ успѣхъ, или могутъ затруднить ихъ въ веденіи хозяйства. Самая многочисленность ходоковъ показываетъ, какъ велико ихъ значеніе для переселенцевъ: въ 1889 году чрезъ Тюмень прошелъ 521 ходокъ изъ 17 губерній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переселенцы въ дорогѣ.

I.

Регистрація, которую ведутъ чиновники по переселенческимъ дѣламъ, позволяетъ съ большою точностью опредѣлить расходы на передвиженіе. По даннымъ, собраннымъ въ Тюмени, расходы на передвиженіе 1 взрослаго переселенца до Тюмени составляютъ:

Изъ	Пермской	губерніи	6 р.
„	Вятской	„	7— 8 „
„	Самарской	„	8—10 „
„	Саратовской	„	8—10 „
„	Рязанской	„	8—10 „
„	Тамбовской	„	15 „
„	Курской	„	15 „
„	Харьковской	„	20 „
„	Черниговской	„	20 „

Къ этому нужно присовокупить расходъ на проѣздъ за Тюмень. Если партія ѣдетъ изъ Тюмени на лошадяхъ, то расходы опредѣляются цѣною съѣстныхъ припасовъ, которые потребитъ семья. Если же она ѣдетъ на пароходѣ, то къ этому присоединяется и плата за билеты. Примемъ Томскъ за конечный пунктъ движенія (такой разсчетъ тѣмъ болѣе правиленъ, что за Томскомъ многимъ приходится сдѣлать

сотню—другую верстъ) и признаемъ среднею такую семью, въ которой 3 взрослыхъ и 3 малолѣтнихъ. Такъ какъ плата за билетъ на пароходѣ составляетъ въ среднемъ только 4 рубля (отъ $3^1/_2$ до 5 руб.), то весь расходъ семьи на проѣздъ изъ Курской и Тамбовской губерній, откуда и идетъ наибольшее число переселенцевъ, опредѣлится въ $(15+4) \times 3 = 57$ руб. Второю статьей расхода служитъ плата за багажъ. Она составляетъ отъ Курска до Нижняго Новгорода по желѣзной дорогѣ около 2 руб. съ пуда, между Пермью и Тюменью—11 к. съ пуда, на пароходѣ отъ Нижняго до Тюмени багажъ перевозится безплатно, а на пароходахъ отъ Тюмени до Томска за 1 п. платятъ 60 к. Такимъ образомъ, 1 пудъ багажа обходится до 2 р. 70 к. Положимъ, что семья изъ 6 душъ возетъ только очень малый багажъ—6 пуд. и что изъ нихъ 3 пуда, по билетамъ для взрослыхъ, перевозятся по желѣзной дорогѣ даромъ: тогда получимъ расходъ на багажъ около 8 руб. Третью статью образуетъ расходъ на харчи. Эта статья всего труднѣе допускаетъ точную оцѣнку, такъ какъ ржаные сухари, крупа, мука берутся изъ дома, и въ дорогѣ переселенецъ старается покупать, какъ можно меньше. Сдѣлаемъ, однако, предположеніе, что дневное продовольствіе одного взрослаго стоитъ 10 коп., а одного малолѣтняго — 5 коп. и что нормальный переѣздъ изъ Курской или Тамбовской губерніи до Тюмени, съ остановкой въ Перми и Тюмени, длится 30 дней: тогда нужны $13^1/_2$ руб. на продовольствіе 6-ти душной семьи. Вся же стоимость переѣзда, если не встрѣтилось какихъ-либо неблагопріятныхъ условій, опредѣлится суммою до 80 рублей.

Столь значительный расходъ ложится на переселенцевъ только подъ условіемъ крупнаго пониженія пассажирскаго и товарнаго тарифа. Съ 1 сентября настоящаго года по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ установленъ единообразный низкій переселенческій тарифъ, въ $^1/_4$ тарифа 3-го класса для пассажировъ и и въ $^1/_{40}$ коп. за пудъ багажа. До сихъ же поръ не было единообразныхъ скидокъ: нѣкоторыя желѣзныя до-

роги скидывали съ цѣны билетовъ 3-го класса 25%, другія—50%, третьи—75%. На пароходахъ между Нижнимъ и Казанью со взрослыхъ переселенцевъ взимаютъ $1^1/_2$ руб., вмѣсто 2-хъ, багажъ перевозится безплатно; за дѣтей до 12 лѣтъ не платятъ, а за подростковъ—отъ 12 до 15 лѣтъ уплачиваютъ по соглашенію. Наконецъ, на пароходахъ между Тюменью и Томскомъ переселенцы дѣлаютъ переѣздъ за $3^1/_2$—5 руб, вмѣсто 6 руб.—тарифа 3-го класса. Но самыя крупныя льготы даетъ переселенцамъ уральская желѣзная дорога: проѣзжая 772 версты, они платятъ за билетъ по 2 р. 32 к., вмѣсто 11 руб., и за багажъ по 11 коп. съ пуда, вмѣсто 1 р. 93 к. Всѣ эти скидки, въ совокупности, даютъ довольно крупное сбереженіе. Г. Архиповъ вычисляетъ въ 410,000 рублей весь расходъ для переселенцевъ 1889 г. отъ мѣста выселенія до Томска или послѣднихъ пристаней на Оби и Иртышѣ Если предположить, что пониженіе платы за проѣздъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, въ итогѣ, уменьшило расходы только на $^1/_5$, то мы уже получимъ сбереженіе болѣе, чѣмъ въ 200,000 руб. Одно пониженіе тарифа на уральской желѣзной дорогѣ съ 50% въ 1889 г. до 22% въ 1889 дало сбереженіе въ 60,000 руб. Кромѣ общихъ и правильныхъ пониженій тарифовъ, бываютъ исключительныя льготы, вызываемыя случайными обстоятельствами, большимъ или меньшимъ количествомъ грузовъ, которое перевозятъ пароходы между Тюменью и Томскомъ: такъ какъ въ 1889 г. грузовъ было мало, то пароходы возили переселенцевъ отъ Тюмени до Томска по 3 и даже по 2 руб. съ души. Это уменьшило расходы на 8,000 рублей.

Одинъ иностранецъ, долго путешествовавшій въ Россіи, сказалъ, что нѣтъ такого низкаго уровня потребностей, который былъ бы въ Россіи невозможенъ. Если считать такой порядокъ вещей нормальнымъ, то нужно примириться со всѣми неудобствами, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Однако, было бы грѣхомъ махнуть на всѣ дорожныя неудобства рукой. Собственно говоря, я готовъ быть самымъ снисходительнымъ судьей. Будемъ считать Курскъ

точкою отправленія, а 10 сутокъ—продолжительностью пути отъ Курска до Тюмени (обыкновенно пассажирское движеніе совершается въ 7—$7^1/_2$ сутокъ). Такъ какъ первые 10 сутокъ переселенцы ѣдутъ сравнительно со свѣжими силами, то и могутъ переносить неудобства пути, выпадающія имъ на долю. Отъ Тюмени же начинается наиболѣе долгій и утомительный рейсъ; 10-дневный переѣздъ, стоянки въ Перми и Тюмени, достигающія въ итогѣ, по крайней мѣрѣ, 7, 8, 9 дней, скудная пища—все это замѣтно умаляетъ силы слабѣйшихъ членовъ—дѣтей и стариковъ. Поэтому, недостатокъ элементарныхъ удобствъ на пароходахъ, которые передвигаютъ переселенцевъ по рѣкамъ Западной Сибири, напоминаетъ о себѣ усиленной болѣзненностью и смертностью.

Переселенцевъ берутъ всѣ пароходы на сибирскихъ рѣкахъ, но, кромѣ пароходовъ, ихъ помѣщаютъ и въ баржахъ; для этого въ баржѣ прорубаютъ нѣсколько оконъ. Хотя тюменскій чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ принимаетъ самое живое участіе въ посадкѣ переселенцевъ на суда и внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы они были размѣщены удовлетворительно, однако, нѣтъ возможности достигнуть этой цѣли. Большинство имѣетъ самыя скудныя средства; каждый лишній день, проведенный въ Тюмени, причиняетъ чувствительные расходы; всѣ спѣшатъ на мѣсто, чтобы какъ можно больше воспользоваться короткимъ сибирскимъ лѣтомъ. Къ этому присоединяется и малое развитіе пароходства по рѣкамъ Западной Сибири; тамъ нельзя имѣть каждый день случай двинуться дальше, какъ, напр., на Волгѣ и Камѣ. Всѣ торопятся попасть на пароходъ; каждый готовъ провести эти 10—13 сутокъ въ самой ужасной обстановкѣ, чтобы только не оставаться долѣе въ Тюмени. И вотъ, подъ напоромъ просьбъ, моленій, увѣщаній на пароходы сажаютъ значительно больше людей, чѣмъ позволяетъ обширность помѣщенія. Они устраиваются частью внизу, на крытой палубѣ, частью на верху. Вышина крытой палубы часто не превосходитъ $2^1/_4$ аршинъ и застав-

ляетъ человѣка даже средняго роста ходить согнувшись. На крытую палубу, особенно въ ненастную погоду, втискивается столько людей, что приходится лежать почти въ повалку. Такъ какъ уже въ первые дни пути оказывается нѣсколько больныхъ, которые изолированы быть не могутъ, то вентиляція чрезъ проходы палубы, загроможденные дровами, рѣшительно недостаточна, и при малѣйшемъ появленіи заразительной болѣзни, она получаетъ быстрое распространеніе. Иногда ночью я заглядывалъ въ помѣщеніе 3 класса: руки, головы, ноги, сапоги, валенки, полушубки, мѣшки съ одеждой и сухарями—все это представляло одну безформенную массу; тутъ же стонало нѣсколько больныхъ дѣтей, изъ которыхъ одно было въ натуральной оспѣ. Воздухъ былъ невыносимо испорченъ, такъ что свѣжаго человѣка рѣшительно валило съ ногъ. Но на пароходахъ переселенцы помѣщаются еще очень хорошо сравнительно съ тѣми, которыхъ перевозятъ на баржахъ. На баржахъ провѣтриваніе такъ неудовлетворительно, что, еслибы даже каждый переселенецъ имѣлъ достаточно мѣста, то за 12-дневный путь не можетъ не обнаруживаться сильная болѣзненность и смертность. Почти съ каждаго парохода и съ каждой баржи на пристаняхъ, ближайшихъ къ Томску, оставляютъ нѣсколько гробовъ, а десятки дѣтей съ оспой, дифтеритомъ, воспаленіемъ легкихъ пріѣзжаютъ въ Томскъ только для того, чтобы на томскомъ кладбищѣ прибавить нѣсколько свѣжихъ могилъ. Но бываютъ рейсы, особенно неблагопріятные: пароходъ Функа, шедшій изъ Тюмени въ Томскъ въ 1889 году, пробылъ въ пути 22 дня, вмѣсто 12-ти, и, похоронивъ дорогою больше 30 дѣтей, привезъ въ Томскъ нѣсколько десятковъ больныхъ.

Какъ ни кажется страннымъ, многіе переселенцы находятъ для себя выгоднымъ не только передвигаться на лошадяхъ въ мѣста, отдаленныя отъ Тюмени немногими сотнями верстъ, но даже идти такимъ образомъ въ ближайшія къ Томску волости Алтайскаго округа, проходить 1.500

верстъ, оставаться въ пути 1½ мѣсяца, тогда какъ пароходъ доставляетъ ихъ въ 10—12 дней.

Чѣмъ бѣднѣе переселенецъ, тѣмъ чаще предпочитаетъ онъ этотъ путь. Состоятельный, заплативъ пароходчику за себя и семью 20—30 р., имѣетъ деньги, чтобы, по прибытіи въ Томскъ, купить лошадь и другія необходимыя принадлежности хозяйства. Бѣднякъ разсуждаетъ совсѣмъ иначе: разъ онъ заплатилъ за билетъ на пароходѣ послѣдніе 20—30 р., у него не остается уже никакихъ средствъ и, по приходѣ на мѣсто, онъ вынужденъ поступить въ батраки, хотя-бы на самыхъ тягостныхъ условіяхъ. Поэтому, онъ находитъ предпочтительнымъ купить лошадь съ повозкой, усадить жену и дѣтей, самому идти рядомъ съ ними и такимъ образомъ достигнуть Барнаульскго или Бійскаго округа. Вмѣсто 2 недѣль его путь продолжается 6 недѣль; сухари, взятые изъ дому, истощатся; но онъ не теряетъ надежды прокормить себя Христовымъ именемъ, а лошадь служитъ ему, при водвореніи, нѣкоторою точкой опоры. Поэтому, г. Архиповъ и оказываетъ посильную помощь тѣмъ, которые ѣдутъ на лошадяхъ. Иногда помощь выражается въ томъ, что переселенцу выдаютъ безвозвратно или заимообразно 5—10—12 р., которыхъ у него недостаетъ для покупки лошади; иногда же наиболѣе бѣднымъ покупаютъ лошадь съ затратой на это 30—40 руб. Если въ Тюмени лошади очень дороги, то переселенцамъ указываютъ ярмарки въ одномъ изъ попутныхъ селеній, гдѣ лошадь можно купить болѣе дешево, а до того мѣста содѣйствуютъ отправленію ихъ нанятыми подводами.

На пути движенія переселенцевъ довольно большое значеніе имѣетъ Пермь; но главными мѣстами стоянки служатъ Тюмень и, частью, Томскъ. Въ Тюмени, вслѣдствіе поздняго открытія пароходства на сибирскихъ рѣкахъ, переселенцамъ приходится иногда жить нѣсколько недѣль. Такъ было и въ прошломъ году. Многіе ожидали тамъ очереди отправленія на пароходъ 3—4 недѣли и болѣе. Посмотримъ же, что сдѣлали эти города для переселенцевъ.

II.

Въ послѣднихъ числахъ мая въ Перми скопилось до 6 тысячъ переселенцевъ. Причиной такого скопленія было то, что въ Сибири, вслѣдствіе поздняго вскрытія рѣкъ, пароходство началось только около 26-го мая, и въ Тюмени, въ ожиданіи парохода, набралось до 12,000 переселенцевъ и до 3,000 арестантовъ. Такой наплывъ въ небольшомъ городѣ вызвалъ вздорожаніе главныхъ съѣстныхъ припасовъ, съ $1^1/_2$ до 3 к. за фунтъ печенаго хлѣба, нужду многихъ переселенцевъ и появленіе въ Тюмени тифа, оспы и другихъ заразныхъ болѣзней. Поэтому, администрація рѣшила не увеличивать въ Тюмени наплыва и задержать переселенцевъ въ Перми до правильнаго пароходнаго движенія по сибирскимъ рѣкамъ. Эта 6—7 тысячная масса была разбита на три партіи и размѣщена во дворѣ казармъ мѣстнаго батальона, во дворѣ бывшей военной прогимназіи и на дровяномъ дворѣ губернскаго земства. Нѣкоторые устроились въ домахъ, большинство же на дворѣ. Переселенцы очень неохотно подчинились такому рѣшенію администраціи и съ большимъ нежеланіемъ удалялись отъ пароходной пристани на мѣста, отведенныя для ихъ стоянки: они боялись, что, удалившись отъ станціи желѣзной дороги, не скоро попадутъ въ вагонъ и достигнутъ цѣли своего странствія. Каждый же лишній день, проведенный въ пути, грозитъ имъ серіозными затрудненіями: денегъ было въ обрѣзъ; провизіи было взято изъ дому столько, сколько должно было по разсчету достать почти до конца странствія; каждый лишній день для семьи изъ 6—7 душъ стоилъ въ Перми почти цѣлаго рубля, а полторы недѣли требовали уже 10 рублей,—крупная сумма въ ихъ скромномъ бюджетѣ. Мнѣ приходилось бесѣдовать со многими переселенцами и слышать жалобы, что продолжительная стоянка въ Перми причинила имъ настоящее разореніе. Въ Перми ихъ состояніе было удовлетворительно; но уже

начинали проявляться заразныя болѣзни: съ 20 мая по 1 іюня умерло до 10 дѣтей отъ кровавого поноса и скарлатины, и въ земской больницѣ число больныхъ заразными болѣзнями въ первыя іюньскія недѣли повысилось съ 6 до 30.

Пермь дѣлаетъ кое-что для переселенцевъ: городское управленіе уступаетъ имъ свободныя зданія, больные безплатно помѣщаются въ пермскую земскую больницу; въ 1889 году городское управленіе уплатило желѣзной дорогѣ 400 рублей за проѣздъ бѣдныхъ переселенцевъ до Тюмени. Перепадаютъ крохи и отъ частной благотворительности: съ весны 1889 по весну 1890 года отъ мѣстнаго благотворительнаго общества была отдѣлена особая коммиссія, которая и собирала пожертвованія въ пользу переселенцевъ; было собрано до 800 руб. Большая часть этой суммы была употреблена на уплату за провозъ переселенцевъ до Тюмени: на остальныя деньги покупали печеный хлѣбъ и муку. Семьямъ же обратныхъ переселенцевъ давали пріютъ въ городскомъ ночлежномъ домѣ. Всѣ эти пожертвованія, абсолютно, очень не велики; но они заслуживаютъ вниманія, если принять въ разсчетъ, что переселенцы только проходятъ черезъ Пермь и, не имѣя съ нею никакой связи, не могутъ быть полезны пермскому населенію.

Тюмень служитъ воротами, ведущими переселенцевъ на новое мѣстожительство. Въ теченіе 1889 г. чрезъ Тюмень прошло около 29,000 душъ; изъ нихъ 82% направились въ разные округа Томской губ., особенно на земли кабинета Его Величества, и только 18% двигались на югъ Тобольской губ., въ губернію Енисейскую и на Амуръ. По числу проходящихъ переселенцевъ, Тюмень занимаетъ первое мѣсто, превосходя даже Томскъ. Но и въ другихъ отношеніяхъ Тюмень имѣетъ для всего переселенческаго дѣла большую важность. Семья, проѣхавши до Тюмени, если она идетъ изъ средней Россіи, сдѣлала большую часть пути и совершила наибольшую часть расходовъ, которые вызываетъ передвиженіе. Вышедши изъ дому съ небольшими средствами, не зная точно, какъ велика стоимость проѣзда

до мѣста водворенія, семья переселенца разсчитываетъ, что, авось, разныя благопріятныя условія уменьшатъ дорожные расходы и оставятъ ей хоть небольшую сумму для устроенія новаго хозяйства. Но въ Тюмени большая часть пути уже лежитъ за переселенцами: желѣзныя дороги и пароходъ вытеребили наибольшую часть скромной суммы, взятой изъ дома. Отъ Тюмени остается еще довольно длинный путь даже до южныхъ округовъ Тобольской губерніи (не говоря уже объ Алтайскомъ округѣ), а весь денежный запасъ изъ 50—70 руб. обратился въ какіе-нибудь 8—10 руб., на которые и должно быть совершено дальнѣйшее странствіе и сдѣланы первые шаги для водворенія на новомъ мѣстѣ. Здѣсь переселенецъ уже ясно сознаетъ, что небольшой суммы, которая была у него на родинѣ, недостаточно для дальнѣйшаго движенія; онъ видитъ, что дорожные расходы, хотя и уменьшенные значительными скидками на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, были все-же довольно велики и что никакая счастливая случайность не увеличила его скромныхъ денежныхъ средствъ.

Но, и съ другой стороны, Тюмень имѣетъ особую важность въ переселенческомъ движеніи. Желѣзныя дороги отъ среднихъ русскихъ губерній до Тюмени перевозятъ правильно изо дня въ день. Сравнительно болѣе мягкій климатъ Европейской Россіи позволяетъ начинать еще въ апрѣлѣ пароходство по нижнему теченію Волги и даже по Камѣ, отъ устья до Перми: такимъ образомъ, выселенецъ изъ какого-нибудь Грайворонскаго или Борисоглѣбскаго уѣзда можетъ точно опредѣлить, сколько дней онъ пробудетъ въ пути до Тюмени. Но у этого входа въ Сибирь будущее нерѣдко застлано густымъ туманомъ; въ западныхъ частяхъ Тобольской губерніи весна начинается нерѣдко лишь не многимъ позднѣе, нежели въ Пермской губерніи, и пароходы уже могутъ совершать рейсы по Турѣ и Тоболу на нѣсколько сотъ верстъ отъ Тюмени; но Иртышъ вскрывается гораздо позднѣе, а на мѣстѣ своего впаденія въ Обь у с. Самаровскаго онъ нерѣдко загромождается льдами въ то время,

когда въ Екатеринбургѣ и Перми весна уже вступила въ свои права

Такъ было и прошлою весною: пароходство изъ Тюмени началось только около 20-го мая, но первые пять пароходовъ, оставившіе Тюмень, были затерты льдомъ около Самарова; отсутствіе телеграфнаго сообщенія не позволяло дать знать въ Тюмень или Томскъ объ этой задержкѣ, и такимъ образомъ совершенно нарушилась правильность пароходныхъ сообщеній. Въ результатѣ получилась такая неблагопріятная комбинація: всѣ переселенцы Курской и Тамбовской губ., оставившіе родину, когда были посѣяны яровые, и плодовыя деревья были въ полномъ цвѣту, застали въ Тюмени около 25—30-го апрѣля почти зимнее ненастье и должны были ждать три недѣли до отправленія первыхъ пароходовъ, которые, застрявъ въ устьѣ Иртыша, еще на двѣ недѣли отсрочили правильное пароходное движеніе. Нѣкоторымъ партіямъ переселенцевъ пришлось жить здѣсь 3—4—5 недѣль и болѣе. Неблагопріятную весну прошлаго года и сибирскіе старожилы называютъ исключительной; однако, несоотвѣтствіе между условіями передвиженія Европейской и Азіатской Россіи въ большей или меньшей степени наблюдается изъ года въ годъ. И переселенецъ, прибывъ раннею весною въ Тюмень, не можетъ быть увѣренъ, что немедленно поѣдетъ далѣе: или его можетъ задержать позднее вскрытіе рѣкъ, или недостаточное число пароходовъ, которые не могутъ забрать сразу всѣхъ накопившихся переселенцевъ. Такимъ образомъ, приходится здѣсь жить, и здѣсь-же, по городской, сравнительно дорогой цѣнѣ, покупать необходимые съѣстные припасы. Если семья ограничивается даже однимъ хлѣбомъ, то на 5 душъ выходитъ не менѣе 15 фунтовъ чернаго хлѣба въ день, которые въ городскихъ лавкахъ стоютъ 30 коп. За двѣ недѣли это составитъ уже 4 р. 50 к.—крупная цифра, равная стоимости одного билета до Томска. Итакъ, для переселенца Тюмень является тою горой, переваливъ черезъ которую, онъ можетъ облегчить себѣ духъ.

Но есть и третье условіе, которое служитъ препятствіемъ для многихъ: выходя изъ дому со свѣжими силами, переселенцы имѣютъ за собою въ Тюмени уже 8—10-дневный путь. За это время весеннее ненастье, открытыя палубы на пароходахъ, или же слишкомъ знойное лѣто, грубая и недостаточная пища оказываютъ свое вліяніе на дѣтей, которыя или уже приносятъ въ Тюмень различныя болѣзни, или здѣсь заболѣваютъ. Большинство отцовъ и даже матерей относятся къ болѣзни и смерти дѣтей съ большимъ хладнокровіемъ; переселенцы неоднократно говорили мнѣ: „вотъ Богъ прибралъ у меня, а все-таки нѣтъ убыли, потому что дорогой народился.“. Но даже допуская, что переселенецъ не испытываетъ отъ потери дѣтей большаго нравственнаго страданія, слѣдуетъ признать болѣзни дѣтей обстоятельствомъ, которое служитъ очень серьезнымъ тормазомъ. Спокойно перенося смерть ребенка, переселенецъ не оставитъ его больнаго въ Тюмени; въ большинствѣ случаевъ онъ склоненъ идти дальше и взять его съ собой. Такъ какъ нѣкоторыя дѣтскія болѣзни отличаются эпидемическимъ характеромъ, то тюменская администрація, боясь повальнаго распространенія ихъ среди переселенцевъ, старается удержать тѣ семьи, при которыхъ есть больныя дѣти. Конечно, многіе уходятъ тайкомъ, успѣвъ скрыть больныхъ отъ глазъ администраціи; разъ это не удалось,—семья задерживается въ Тюмени, ей не даютъ пропускнаго свидѣтельства на пароходъ, а отсрочка отъѣзда на 8—10 дней истощаетъ послѣднія денежныя средства.

Поздняя весна прошлаго года обострила дѣйствіе всѣхъ этихъ условій. Первыя партіи переселенцевъ прибывали 22—23-го апрѣля и затѣмъ почти каждый день желѣзная дорога привозила изъ Перми по 400—500 душъ. Пароходное движеніе установилось только съ первыхъ чиселъ іюня, и къ 1-му іюня всѣхъ переселенцевъ было 14,200 душъ. Многіе изъ нихъ истратили свои послѣднія крохи; общее число заболѣвшихъ съ 25-го апрѣля по 8-е іюня достигло 1,223; изъ нихъ 435 по 2 раза обращались къ

врачебной помощи; но многіе хворали и даже умирали, не доводя до свѣдѣнія врачей о болѣзни. Среди дѣтей свирѣпствовала оспа, скарлатина, дифтеритъ и корь, и число умершихъ въ теченіе 4-хъ майскихъ недѣль и первой недѣли іюньской достигло 500. Многія сотни, проживъ въ Тюмени мѣсяцъ, истратили послѣдніе гроши, заложили запасные холсты и полушубки и остались въ изношенныхъ зипунахъ и дырявыхъ сапогахъ.—Какими же, спрашивается, средствами располагаетъ Тюмень для того, чтобы хотя сколько-нибудь облегчить участь переселенцевъ и чтобы обезпечить городское населеніе отъ повальныхъ болѣзней, которыя они заносятъ.

Въ 1883 г., по иниціативѣ покойнаго тобольскаго губернатора Лысогорскаго, въ Тюмени возникъ временный комитетъ для оказанія помощи проходящимъ переселенцамъ. Первымъ дѣломъ этого комитета была постройка барака возлѣ города, на берегу р. Туры. Комитетъ и до сихъ поръ не образуетъ самостоятельнаго общества; но и не имѣя оффиціальнаго существованія, онъ приноситъ нѣкоторую пользу. Съ 1 ноября 1888 года и по 1 ноября 1889 г. приходъ его достигалъ 3,300 р., а расходъ—3,418 р. Комитетъ оказываетъ переселенцамъ, главнымъ образомъ, медицинскую помощь, а также раздаетъ пособія деньгами и вещами. Барачныя помѣщенія состоятъ изъ 2-хъ небольшихъ корпусовъ, служащихъ кухнями, и одного довольно большаго зданія въ срединѣ, которое, хотя и устроено изъ довольно прочнаго лѣса, имѣетъ печь только въ одномъ отдѣленіи; большая же часть его отопляема быть не можетъ. По другую сторону двора стоитъ довольно обширный сарай, сколоченный изъ заборнаго лѣса, съ щелями по вершку; этотъ сарай можетъ служить пріютомъ только въ теплое время года и не защищаетъ отъ тѣхъ холодовъ, какіе нерѣдко бываютъ здѣсь даже поздней весной. Здѣсь же, въ противоположномъ углу двора, стоитъ небольшая избушка, обращенная въ больничку съ 8-ю кроватями. Внѣ забора, на берегу Туры, построена баня. Кое-гдѣ въ баракахъ устрое-

ны нары и лавки, по количеству несоотвѣтствующія числу переселенцевъ, которые помѣщаются иногда въ этихъ постройкахъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, можетъ быть втиснуто 1,000 человѣкъ, съ пренебреженіемъ, конечно, даже начальными требованіями гигіены. Но при этомъ, для всего груза, который везутъ переселенцы, нѣтъ крытаго навѣса. Такое помѣщеніе далеко не соотвѣтствуетъ числу переселенцевъ, скопляющихся въ Тюмени.

Прошлымъ лѣтомъ поле, на которомъ устроены бараки, представляло такое зрѣлище: на пространствѣ не менѣе 3-хъ квадратныхъ верстъ переселенцы располагались болѣе или менѣе многолюдными партіями. Въ партіи соединялись преимущественно тѣ семьи, которыя вышли изъ одного уѣзда, одной волости, или направлялись въ одну и ту же мѣстность, или же сблизились на пути. Изъ вѣтвей, кое-какъ прикрытыхъ грязной соломой и обставленныхъ мѣшками, они устраивали конурки, въ которыхъ на ночь помѣщались дѣти и больные, а взрослое населеніе располагалось на ночлегъ въ повалку. Кто имѣлъ телѣгу, тотъ придѣлывалъ къ ней навѣсъ и устраивалъ шалашикъ для дѣтей. Благодаря продолжительной теплой погодѣ, такая жизнь была возможна; замѣтно было даже, что многіе не хотѣли идти въ баракъ, такъ какъ въ немъ было нѣсколько смертныхъ случаевъ. Но, при гораздо меньшемъ скопленіи переселенцевъ, барачное помѣщеніе должно быть разсчитано не менѣе, чѣмъ на 3,000 человѣкъ, и при немъ должны быть устроены обширные навѣсы для грузовъ переселенцевъ. Лѣто 1889 г. доказываетъ, на сколько существующіе бараки недостаточны: въ то лѣто общее число переселенцевъ достигало 29,000 душъ, пароходные рейсы совершались съ большою правильностью и при всемъ томъ наличное число переселенцевъ никогда не было менѣе 2—3 тысячъ; большинство изъ нихъ также должны были располагаться подъ открытымъ небомъ. Дождливая погода, развивая болѣзни среди дѣтей, имѣла и другое дурное вліяніе: она обращала въ никуда негодную массу тѣ запасы сухарей, которые

везли съ собою переселенцы, въ полной надеждѣ прокормиться ими до достиженія Томской губ. Бѣдняки имѣли при себѣ нѣсколько пудовъ, очень бережно раздавали ежедневныя порціи, а одинъ проливной дождь уничтожалъ всѣ ихъ разсчеты. Поэтому, устройство исправныхъ навѣсовъ для всѣхъ грузовъ, перевозимыхъ переселенцами, представляется неотложно необходимымъ.

Я дѣлаю эти разсчеты въ предположеніи, что во всѣ послѣдующіе годы переселенческое движеніе будетъ находиться въ условіяхъ благопріятныхъ, что его размѣры не увеличатся сравнительно съ 1889 годомъ, что пароходство будетъ совершаться правильно, что весна не будетъ наступать слишкомъ поздно. При такихъ условіяхъ, бараки на 3,000 душъ и соотвѣтствующіе навѣсы еще могутъ быть достаточны. Но если допустить, что бѣда прошлаго года будетъ повторяться отъ времени до времени, хотя въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, тогда бараки и навѣсы должны быть устроены для вдвое и втрое большаго числа переселенцевъ. О бѣдѣ прошлаго года сообщалось въ газетахъ уже не разъ, а потому мы напомнимъ о ней только самымъ общимъ контуромъ.

Къ 20-му мая, когда скопилось уже до 14,000 душъ, стояла почти зимняя погода: на деревьяхъ не было замѣтно даже почекъ; по ночамъ термометръ показывалъ—4°. Въ баракахъ, считая сквозной сарай, можно было втиснуть только $^1/_{10}$ всей массы; остальные располагались первоначально бивуаками на прилегающей равнинѣ; но уже чрезъ немного дней сказалась необходимость искать другого помѣщенія. Дѣти начали заболѣвать десятками, и каждый день къ баракамъ привозили 10—15 дѣтскихъ гробовъ. Въ больницу при баракѣ помѣщали тифозныхъ; для оспенныхъ нужно было искать другого пріюта; хорошо еще, что одинъ изъ мѣстныхъ гражданъ Н. И. Давыдовскій уступилъ свой домикъ для больныхъ натуральной оспой. Показались и дифтеритные; этихъ надо было устраивать также въ отдѣльномъ помѣщеніи. Кромѣ тяжкихъ заболѣваній, которыя

оканчивались смертью или требовали продолжительнаго ухода и медицинской помощи, стали все чаще и чаще обнаруживаться болѣе легкія недомоганія, простудныя формы, которыя, однако, побуждали многихъ переселенцевъ искать себѣ какого-нибудь крова. Все, чѣмъ можно было воспользоваться въ городѣ, получило такое назначеніе. Нѣкоторые изъ купцовъ уступили свои полуразрушенные сараи; многіе переселенцы укрывались въ неработавшихъ мельницахъ. Наконецъ, болѣе состоятельные размѣщались въ городѣ по квартирамъ съ платою за каждую душу отъ 2—5 к. въ день. И, все-таки, многія тысячи должны были оставаться подъ открытымъ небомъ.

Если отъ времени до времени будетъ повторяться стеченіе такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, то нужно заранѣе приготовиться къ отпору и, въ этихъ видахъ, въ 4 или 5 разъ увеличить размѣръ помѣщеній, которыми располагаетъ теперь Тюмень. Нечего и говорить, что существующая больничка и особое отдѣленіе для оспенныхъ и дифтеритныхъ крайне недостаточны и не снабжены нужнымъ количествомъ бѣлья. Врачъ А. С. Гасиловъ посвящаетъ переселенцамъ ежедневно по нѣсколько часовъ; есть и фельдшеръ. Но всего этого мало. Трудно опредѣлить размѣры, въ которыхъ должна быть устроена больница; несомнѣнно только одно: чѣмъ обширнѣе будутъ бараки, тѣмъ будетъ меньше больныхъ и тѣмъ, относительно, потребуется меньше расходовъ на медицинскую помощь.

Не лучшій пріютъ имѣютъ переселенцы и въ Томскѣ. Онъ загналъ ихъ въ непроходимое болото, отдаленное отъ города на 5 верстъ. Именно въ этомъ-то болотѣ и были построены бараки лѣтъ семь тому назадъ, когда начало замѣтно усиливаться переселенческое движеніе. Выборъ мѣста мотивировался тѣмъ, что здѣсь недалеко пароходная пристань, что переселенцы, прибывъ изъ Тюмени, не дѣлаютъ большого перехода со своимъ багажемъ. Но такой доводъ тѣмъ болѣе неубѣдителенъ, что изъ Томска переселенцевъ уже не везетъ пароходъ, что они двигаются

дальше на лошадяхъ и что имъ безразлично, останавливаться-ли на версту ближе или дальше отъ пристани. Мѣсто, уступленное городомъ подъ бараки, дѣйствительно, имѣетъ видъ непроходимаго болота. Прошлою весной, во время разлива рѣки Томи, по двору переселенческихъ бараковъ ѣздили на лодкѣ; но если не говорить о прошломъ, исключительномъ годѣ, и то вся эта мѣстность представляется трясиной, обильно покрытой болотными растеніями. Кто не попалъ въ бараки, тотъ располагается здѣсь же подъ открытымъ небомъ, на мокрой и зыбкой почвѣ.

Сами бараки состоятъ изъ трехъ параллельныхъ, неравныхъ размѣровъ корпусовъ, построенныхъ изъ очень легкаго лѣса и отопляемыхъ посредствомъ желѣзныхъ печей. Въ бараки можетъ быть втиснуто до 400 чол. Въ одномъ углу двора помѣщается баня, а въ другомъ — больница, построенная въ 1889 году В. Т. Зиминымъ, который съ большимъ сочувствіемъ относится ко всему переселенческому дѣлу Благодаря великодушному пожертвованію г. Зимина, больные переселенцы размѣщаются гораздо лучше, нежели было до сихъ поръ. Больницу навѣщаетъ врачъ; фельдшеръ же и фельдшерица постоянно живутъ при больницѣ. Она устроена на 30 кроватей, что, однако, далеко не соотвѣтствуетъ числу больныхъ среди переселенцевъ. Въ началѣ прошлаго іюля ихъ было всего до 100, и большинство находилось въ таборахъ, разсѣянныхъ среди болотъ. Ограниченность медицинской помощи и разбросанность больныхъ крайне затрудняютъ посѣщеніе ихъ и дѣлаютъ рѣшительно невозможнымъ, контроль надъ больными и выздоравливающими относительно, напр., діеты.

Въ Томскѣ есть также благотворительный комитетъ, выдающій переселенцамъ небольшія пособія: за 1889 годъ, въ комитетъ поступило 7,408 рублей 91 коп. (главнымъ образомъ, чрезъ редакціи столичныхъ газетъ), а израсходовано 5,204 руб. 91 коп., изъ коихъ 1,925 руб. выдано въ качествѣ заимообразныхъ пособій. Одно очень простое учрежденіе—пекарня при баракахъ, которая могла бы быть

устроена рублей на 300,—оказало бы этому люду большія услуги. Для продовольствія въ Томскѣ и для прохода до мѣста водворенія на каждую душу нужно считать, по крайней мѣрѣ, 1 пудъ печенаго хлѣба, который, при очень невысокомъ достоинствѣ, стоитъ въ Томскѣ 80 к.; 25,000 душъ, проходящихъ за годъ, истрачиваютъ, такимъ образомъ, на ржаной хлѣбъ 20,000 рублей. Будь при баракахъ пекарня и при ней особый пекарь, переселенцы покупали бы муку и, купивъ 18,000 пудовъ ($1\frac{1}{3}$ п. хлѣба изъ 1 п. муки) по 50 коп., имѣли бы огромное сбереженіе — въ 11 тысячъ рублей.

III.

До 1880-хъ гг. переселенческое движеніе было совершенно стихійно. Затѣмъ была основана переселенческая контора въ Батракахъ, а съ 1884 года назначены чиновники по переселенческимъ дѣламъ. Теперь уже 5 такихъ чиновниковъ: въ Самарѣ, Оренбургѣ, Уфѣ, Тюмени и Томскѣ. Два послѣдніе пункта имѣютъ особенно важное значеніе: Тюмень, какъ мѣсто, въ которомъ уже довольно остро обнаруживаются нужды переселенцевъ и которое видитъ у себя наибольшее число этихъ людей, а Томскъ, какъ главный пунктъ, откуда переселенцы распредѣляются по Сибири. Дѣятельность чиновниковъ въ Тюмени и Томскѣ уже имѣетъ свою исторію и послужитъ образцомъ для дѣятельности чиновниковъ въ другихъ мѣстахъ. Познакомившись въ самомъ сжатомъ очеркѣ съ этою дѣятельностью, мы выяснимъ степень пользы, которую переселенцы могутъ извлекать изъ этихъ органовъ администраціи.

Дѣятельность чиновниковъ слагается изъ двухъ составныхъ частей: 1) регистрированіе переселяющихся и 2) оказаніе имъ помощи совѣтомъ и денежными пособіями.

Регистрированіе переселенцевъ ведется по программѣ, выработанной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и отвѣчающей на главные вопросы, которые могутъ быть постав-

лены относительно переселенцевъ. Весь матеріалъ сводится къ 5 основнымъ таблицамъ. Первая таблица, состоящая изъ 6 подраздѣленій и 24 графъ, опредѣляетъ общіе размѣры движенія и его направленіе. Во-первыхъ, опредѣляется число партій, подводъ, семей и душъ обоего пола, которыя прошли чрезъ Тюмень или Томскъ. Во-вторыхъ, опредѣляются способы передвиженія на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, подводахъ и пѣшкомъ. Третье подраздѣленіе содержитъ указанія на большую или меньшую опредѣленность, съ которою двигаются переселенцы: одни идутъ на купленныя, надѣльныя или нанятыя земли, другіе—на земли, выбранныя ходоками или рекомендованныя письмами родныхъ и знакомыхъ. Четвертое подраздѣленіе указываетъ, сколько переселенцевъ направляется въ каждую изъ губерній и областей Азіатской Россіи. Пятое—опредѣляетъ сумму денегъ, выданныхъ отъ казны въ качествѣ пособія, а также число переселенцевъ, которые имѣли пріютъ въ баракахъ, пользовались медицинскою помощью и указаніями чиновника. И, наконецъ, опредѣляется сумма, вообще, истраченная на переселенцевъ за отчетный годъ. Вторая таблица сообщаетъ свѣдѣнія о числѣ переселенцевъ, водворяющихся въ Тобольской или Томской губерніи за отчетный годъ. Во-первыхъ, она показываетъ, сколько переселенцевъ водворяется на земляхъ отдѣльныхъ разрядовъ—частныхъ, казенныхъ, кабинетскихъ, башкирскихъ, купленныхъ, взятыхъ въ аренду или полученныхъ въ надѣлъ. Во-вторыхъ, она приводитъ данныя о томъ, какъ распредѣляются водворяющіеся по сословіямъ и главнымъ разрядамъ крестьянскаго населенія—государственные, бывшіе помѣщичьи, удѣльные крестьяне, казаки, а также мѣщане и отставные солдаты. Въ-третьихъ, она показываетъ число водворяющихся семей, которыя въ какой-либо формѣ пользовались содѣйствіемъ казны. (Здѣсь данныя однородны съ тѣми, которыя въ соотвѣтствующихъ графахъ содержитъ первая таблица). Третья таблица посвящена обратнымъ переселеніямъ (ходоки, возвращающіеся на родину, не относятся къ обратнымъ

переселенцамъ). Изъ этой таблицы мы узнаемъ о направленіи, которое избираютъ обратные переселенцы (на родину или въ другія губерніи), о продолжительности ихъ пребыванія на новыхъ мѣстахъ, о томъ, насколько прочно было ихъ устройство (имѣли-ли они землю, надѣльную, собственную или арендованную, или-же имѣли только дома, или и ихъ не имѣли, а жили въ наемныхъ квартирахъ). Затѣмъ таблица знакомитъ насъ съ причинами, которыя заставили переселенцевъ двинуться обратно, съ мѣстностью, откуда они возвращаются, и, наконецъ, съ тѣмъ, получили-ли они на обратномъ пути какое-нибудь пособіе отъ казны. Четвертая таблица содержитъ свѣдѣнія о губерніяхъ, изъ которыхъ вышли переселенцы. Наконецъ, пятая знакомитъ насъ съ употребленіемъ, которое переселенцы сдѣлали изъ своихъ надѣловъ и строеній. Назначеніе, которое переселенцы даютъ землѣ и строеніямъ, сводится въ таблицахъ къ шести формамъ: передали обществу, продали, отдали въ аренду, оставили роднымъ, заложили, бросили. Есть также свѣдѣнія о денежныхъ средствахъ, которыя имѣютъ переселенцы, по прибытіи въ Томскъ. Уже изъ этого бѣглаго перечня графъ, по которымъ разносится собираемый о переселенцахъ матеріалъ, видно, какъ много свѣта проливаетъ эта статистика на все переселенческое движеніе. Она давала бы еще гораздо болѣе широкое основаніе для выводовъ, если бы записи отвѣчали на слѣдующіе вопросы: какъ долго пробылъ переселенецъ въ пути до Томска, сколько израсходовалъ онъ на дорогу, какою площадью земли и какимъ количествомъ скота владѣла на родинѣ семья переселенца? Въ Тюмени, какъ мы слышали, собираются свѣдѣнія и этого рода; но неимѣніе подобныхъ данныхъ въ печатныхъ вѣдомостяхъ заставляетъ насъ высказать пожеланіе, чтобы эти свѣдѣнія также подвергались обнародованію. Наконецъ, особенно важно было бы собирать болѣе подробныя свѣдѣнія объ обратныхъ переселенцахъ. Обратныя переселенія — фактъ, вообще, очень прискорбный. Многіе, безъ достаточнаго зна-

комства съ причинами, которыя заставляютъ переселенцевъ возвращаться на родину, склонны всѣхъ ихъ считать неудачниками и произносить приговоръ, что слѣдуетъ держать размѣры переселеній въ возможно тѣсныхъ границахъ. Между тѣмъ, переселенцы идутъ обратно подъ вліяніемъ разнообразныхъ побужденій. Въ таблицахъ, посвящаемыхъ этому явленію, слѣдовало бы отмѣчать, съ какими денежными средствами начали эти люди веденіе хозяйства, сколько земли успѣли обработать тѣ, которые пробыли въ Сибири до трехъ лѣтъ, чѣмъ обнаружилось неблагопріятное вліяніе климата (быть можетъ, переселенцы изъ южныхъ и степныхъ губерній были водворены въ мѣстности лѣсистой и болотистой и т. д.), заставившее ихъ возвратиться на родину, и т. п. Во всякомъ случаѣ, регистрація и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ отличается довольно большою полнотой: она удовлетворяетъ любознательность и можетъ служить очень важнымъ подспорьемъ для разныхъ практическихъ соображеній.

Такъ какъ помимо Тюмени небольшія партіи переселенцевъ проходятъ въ Сибирь и разными другими путями,—по трактамъ: Курганскому, Ялуторовскому, Соколовскому и Пѣтуховскому, примыкающимъ къ дорогамъ Пермской и Оренбургской губерній, то веденіе такихъ записей организовано въ нѣсколькихъ десяткахъ пунктовъ, преимущественно при волостныхъ правленіяхъ. Эти записи даютъ статистическій матеріалъ, который можетъ облегчить выводы относительно разныхъ сторонъ переселенческаго дѣла; но онѣ имѣютъ также ближайшее практическое значеніе. Однимъ изъ основныхъ началъ переселенческой политики служитъ положеніе, что переселенцы должны направляться въ мѣстности, которыя хотя главными естественными условіями походили бы на ихъ прежнее мѣстожительство. Выходецъ изъ лѣсистаго уѣзда Европейской Россіи очутится въ самомъ жалкомъ положеніи, если его переселить въ Акмолинскую или Тургайскую степь, а крестьянинъ черноземнаго и безлѣснаго Бѣлгородскаго или Суджанскаго уѣзда всегда будетъ скло-

ненъ обратиться въ бѣгство, если ему дадутъ даже 200 десятинъ въ болотистомъ и малоплодородномъ Ачинскомъ или Каинскомъ округѣ. Поэтому знаніе того, откуда идутъ переселенцы и куда они направляются, облегчаетъ должностному лицу руководство этимъ движеніемъ.

Содѣйствіе переселенцамъ со стороны чиновниковъ выражается, прежде всего, въ указаніи маршрута; если же переселенцы еще не имѣютъ опредѣленнаго участка для водворенія,—то въ указаніи и участка, на которомъ они могутъ водвориться. Для удовлетворенія этой второй потребности, въ распоряженіи чиновниковъ по переселенческимъ дѣламъ есть списки земель, заготовленныхъ для переселенцевъ, съ краткою характеристикой нѣкоторыхъ участковъ, съ указаніемъ губерніи, округа и волости, съ обозначеніемъ числа лицъ, на которое отведенъ участокъ, и числа лицъ, которое еще можетъ быть поселено. Участки получаютъ такую характеристику: „Деревня Чирикова. Мѣстность изъ сѣнокосовъ, затопляемыхъ водою. Хлѣбопахотной земли недостатокъ. Лѣсъ 15 вер. по р. Петровкѣ, изъ Бобровскаго бора". „Дер. Золотуха по р. Золотухѣ, въ 2-хъ мѣстахъ, въ одномъ изъ нихъ поселились старообрядцы. Мѣстность степная, удобная для хлѣбопашества. Лѣса вблизи нѣтъ, отпускается изъ Барнаульскаго бора въ 85 вер.". Болѣе подробную характеристику даютъ участкамъ на кабинетскихъ земляхъ Алтайскаго округа. Намъ не приходилось видѣть списки участковъ на казенныхъ земляхъ Западной Сибири. Въ спискахъ же участковъ по Енисейской губерніи находишь иногда очень скудную характеристику: „Участокъ Сорокинскій. Селятся тамбовскіе переселенцы". Или, напримѣръ, переименовывается нѣсколько участковъ съ добавленіемъ: „селенія старожиловъ, но въ нихъ есть свободная казенная земля, на которой могутъ водвориться переселенцы". Къ этимъ спискамъ приложены также извлеченія изъ закона 13 іюля 1889 года, въ руководство переселенцамъ. При помощи этихъ списковъ и свѣдѣній, получаемыхъ изъ другихъ источниковъ, чиновники подаютъ

переселенцамъ совѣты и помогаютъ имъ въ отысканіи участковъ. Сверхъ того, чиновники завѣдуютъ бараками, хозяйственною частью въ больницѣ и раздаютъ пособія какъ изъ средствъ, отпускаемыхъ для этой цѣли казною, такъ и изъ суммъ мѣстныхъ благотворительныхъ комитетовъ въ Тюмени и Томскѣ. Казна отпускаетъ на переселенческое дѣло очень маленькія средства. Въ Тюмени за 1889 годъ было израсходовано 6,739 рублей, а въ Томскѣ за 1887, 1888, 1889 гг. и до 1 сентября 1890 года 37,235 р. 8 коп. Какъ ни скромны денежныя средства, которыя ассигнуются на содѣйствіе переселенцамъ, какъ ни много препятствій встрѣчаютъ чиновники при своей дѣятельности, эти органы уже принесли дѣлу большую пользу. Выборъ такихъ лицъ, какъ гг. Архиповъ, Дуровъ, Сувчинскій, Чарушинъ долженъ быть признанъ весьма удачнымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

При какихъ условіяхъ устраиваются переселенцы въ Сибири.

I.

Еще съ прошлаго вѣка въ русскомъ обществѣ можно подмѣтить два противоположныхъ воззрѣнія на Сибирь.

Ученые путешественники 18 столѣтія превозносятъ Сибирь за изобиліе минеральныхъ богатствъ и разнообразіе лѣсного и водного царства. Однако, они сомнѣваются, чтобы суровый климатъ позволилъ Сибири пріобрѣсти большое населеніе и высоко развитую земледѣльческую культуру. Въ новѣйшее время ученый путешественникъ Миддендорфъ, проѣзжая степями Барабинской и Кулундинской, восхищался необыкновеннымъ плодородіемъ почвы въ этихъ мѣстностяхъ. За послѣднія двадцать лѣтъ въ нашемъ народѣ сложилось убѣжденіе, что многія мѣстности Сибири являются необыкновенно благопріятнымъ краемъ и что именно тамъ нужно искать спасенія отъ многочисленныхъ недуговъ, которые обезсиливаютъ крестьянское хозяйство Европейской Россіи. Эта увѣренность, упрочиваясь все болѣе и болѣе, вызываетъ среди крестьянъ многихъ губерній стремленіе покинуть родину и пріобрѣсти въ Сибири новую осѣдлость.

Но русскому обществу извѣстно и прямо противоположное воззрѣніе. Когда Сперанскій былъ отправленъ въ Сибирь въ почетную ссылку, дабы искоренить безчисленныя злоупотребленія сибирской администраціи, то внимательно присматривался и къ внѣшней природѣ: она не произвела

на него хорошаго впечатлѣнія, и онъ писалъ дочери: „Сибирь—все-таки Сибирь“. Этими словами онъ хотѣлъ выразить мысль, что не слѣдуетъ предсказывать этой обширной странѣ блестящую будущность. Правда, позднѣе, когда онъ познакомился съ Алтайскимъ горнымъ округомъ, онъ отказался отъ своего суроваго приговора и восхвалялъ чрезвычайное плодородіе почвы въ долинахъ Алтая. Въ 40 гг. очень много сторонниковъ имѣло мнѣніе довольно извѣстнаго писателя Герсеванова, что Сибирь стоитъ Россіи гораздо дороже, нежели тѣ доходы, которые она доставляетъ нашему отечеству. И даже теперь противники переселеній изъ Европейской Россіи называютъ праздными мечтателями тѣхъ, кто придаетъ переселенческому движенію въ Сибирь большое значеніе. Противники очень охотно развертываютъ карту Азіатской Россіи, и, указывая на бѣлый цвѣтъ всего Сѣвера, почти не испещренный черными точками, безлюдный, съ увѣренностью говорятъ, что въ Сибири найдется очень немного мѣста, гдѣ можетъ развиться правильная и разнообразная жизнь.

Сторонники обоихъ мнѣній могутъ, повидимому, черпать обильныя доказательства изъ трехсотлѣтней исторіи Сибири. Первые могутъ сослаться на золото и другіе металлы, которые изъ нѣдръ Сибири поступали въ общехозяйственный оборотъ нашего отечества; они могутъ сослаться на многіе милліоны и милліарды звѣриныхъ шкуръ, которыя Россія получила изъ Сибири. Они могутъ отмѣтить, наконецъ, все болѣе возрастающій за послѣдніе годы вывозъ хлѣба изъ южныхъ округовъ Сибири въ Европейскую Россію. Сторонники второго мнѣнія могутъ найти для себя въ исторіи Сибири, быть можетъ, не столь точно опредѣлимыя, но не менѣе убѣдительныя доказательства. Они могутъ сказать, что пріиски золота и рудники разныхъ другихъ минераловъ потребовали вывоза изъ Россіи столь большой массы капиталовъ и такого множества рабочихъ рукъ; добываніе всѣхъ этихъ богатствъ было связано съ такимъ числомъ банкротствъ и потерею столь многихъ

состояній, что понесенный убытокъ далеко не покрывается доходами, которые доставила Сибирь. Они могутъ сказать, что вся трехвѣковая добыча отъ звѣриныхъ промысловъ обошлась бы нашему обществу гораздо дешевле, если бы мы получали ее посредствомъ торговыхъ сношеній съ туземными племенами, а сами не дѣлали расходовъ на занятіе этого края. Противники могутъ сослаться на медленность, съ какою возрастаетъ сибирское населеніе, недостигшее въ теченіе трехъ столѣтій и 5 милліоновъ. Наконецъ, они могутъ замѣтить, что вывозъ хлѣба, льняного сѣмени, доказывающій развитіе земледѣльческой культуры, касается только немногихъ округовъ и не рѣшаетъ вопроса о значеніи, которое имѣетъ весь огромный сибирскій материкъ. Попытаемся же ссылкою на нѣкоторыя физико-географическія условія этого края способствовать разъясненію вопроса о внѣшней обстановкѣ, которая встрѣчаетъ въ Сибири переселенцевъ, при ихъ водвореніи.

II.

Данныя, которыми располагаетъ русская литература, заставляютъ признать всю сѣверную Сибирь за 60° широты, рѣшительно непригодной для развитія земледѣльческой культуры. Но многіе, съ недовѣріемъ относящіеся къ будущности Сибири, утверждаютъ, что правильное земледѣліе невозможно даже сѣвернѣе Тобольска т.-е. за 58° сѣверной широты. Однако, столь неблагопріятные отзывы не имѣютъ достаточнаго основанія. Около Сургута, между 61° и 62° сѣверной широты, одинъ священникъ въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ съ успѣхомъ воздѣлываетъ овесъ и даже озимую рожь. Около Нарыма, подъ 59° начинается правильное земледѣліе. Въ той же широтѣ я самъ видѣлъ у крестьянъ одного небольшого поселка поле превосходной яровой ржи и очень хорошіе всходы конопли, которая, какъ мнѣ передавали мѣстные жители, приноситъ очень обильные урожаи. Добавимъ къ этому, что нѣкото-

рыя лица, проживши по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ 5—6 лѣтъ въ окрестностяхъ Якутска, съ успѣхомъ воздѣлывали тамъ овесъ, ячмень и даже яровую пшеницу. Тамъ же за послѣдніе 30 лѣтъ скопцы положили начало правильному полеводству и огородничеству. А, вѣдь, Якутскъ лежитъ подъ 62° сѣверной широты. Не будемъ, однако, соблазняться этими отдѣльными примѣрами и утѣшать себя надеждою, что полоса правильнаго земледѣлія можетъ быть отодвинута въ Сибири такъ далеко на сѣверъ. Будемъ считать доказаннымъ, что земледѣліе невозможно за 60°, что за этими предѣлами начинается область охоты и рыболовства малочисленныхъ полудикихъ туземныхъ племенъ.

Однако, и въ мѣстностяхъ болѣе южныхъ, мы находимъ столь суровый климатъ, что онъ, повидимому, долженъ препятствовать значительному развитію земледѣлія. Томскъ лежитъ нѣсколько южнѣе 57° сѣверной широты, но, по наблюденіямъ за 20 лѣтъ, его средняя годовая температура—0,3 Ц° ниже всѣхъ городовъ Европейской Россіи, кромѣ Колы, Пинеги, Богословска (Пермской губерніи); въ Архангельскѣ она равна +0,4. Изъ западно-сибирскихъ городовъ климатъ болѣе суровый, чѣмъ Томскъ, имѣютъ только Нарымъ, Сургутъ, Обдорскъ, Березовъ, но Иркутскъ—уже +0,1. Однако, столь низкая средняя годовая температура стоитъ въ связи съ крайне суровыми зимами. Изотерма января (въ Томскѣ—20) проходитъ сѣвернѣе Тобольска, чрезъ Вайгачъ и Новую Землю въ Ледовитый океанъ. Суровой зимѣ противостоитъ въ Томскѣ очень жаркое лѣто; іюльская изотерма (въ Томскѣ +19, 6) проходитъ нѣсколько сѣвернѣе Перми, южнѣе Костромы, Москвы и Варшавы. Крайнею сѣверною границею произрастанія хлѣбовъ принято считать изотерму весенняго мѣсяца (мая) +5. Эта изотерма проходитъ нѣсколько южнѣе Березова и Якутска; въ Томскѣ же средняя майская температура составляетъ +8,6.

Припомнимъ для характеристики сибирскаго климата, что граница тундръ проходитъ около 60-ой параллели

вблизи Сургута, Нарыма, Киренска. Мѣстами неоттаивающія болота встрѣчаются, однако, гораздо южнѣе, — на широтѣ Томска, въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ, захватываютъ сѣверную границу Барабинской степи. Но это не доказываетъ непригодности этого края для земледѣльческой культуры. Неоттаивающія болота поддерживаются слишкомъ густымъ лѣсомъ лиственныхъ породъ, березняками и осинниками, которые накопляютъ въ себѣ очень много влаги и тѣмъ мѣшаютъ оттаиванію земли на извѣстной глубинѣ. Но вырубка этихъ лѣсовъ и правильное хозяйство въ лѣсахъ хвойныхъ, съ которыми теперь обращаются крайне расточительно, отодвинетъ полосу тундръ гораздо дальше на сѣверъ.

Всю мѣстность отъ сѣверной границы Барабинской степи и до сѣверной границы Томской губерніи принято считать вовсе непригодною для хозяйства, какъ по болотистости, низменному положенію этого края, такъ еще болѣе потому, что многія болота, лежащія въ самыхъ густыхъ лѣсахъ, не оттаиваютъ никогда. А между тѣмъ въ 1886 году, въ самомъ сѣверномъ углу этого края, непригоднаго для культуры, В. А. Розановъ, начальникъ межевого отряда въ Томскѣ, нашелъ цвѣтущія поселенія, основанныя раскольниками. Раскольники изъ Пермской губерніи устроили нѣсколько хуторовъ на р. Чузакъ, впадающей въ Васьюганъ, притокъ Оби. Первоначально (еще въ половинѣ 70-хъ годовъ) они занялись тамъ рыбною ловлей и скупкою у остяковъ рыбы, дичи и шкуръ. Но эта мѣстность такъ понравилась имъ, что съ начала 80-хъ гг. они стали заниматься земледѣліемъ и получаютъ урожаи овса, ячменя, ржи и даже яровой пшеницы самъ 10 и выше; кромѣ того, они воздѣлываютъ ленъ и коноплю. Часть своихъ продуктовъ они обмѣниваютъ на добычу остяковъ отъ рыболовнаго и звѣроловнаго промысловъ [1]). Такою же полною непригодностью

[1]) Мы заимствовали это изъ оффиціальнаго донесенія г. Розанова западно-сибирскому управленію государственныхъ имуществъ отъ 26 сентября 1886. Дорогою изъ Томска въ Тюмень я встрѣтилъ на паро-

для культуры отличается, говорятъ намъ, и чулымская тайга, занимающая западную часть Томской губерніи до Ачинска. Она имѣетъ отъ 100 до 200 верстъ съ сѣвера на югъ и до 400 верстъ съ запада на востокъ; ее перерѣзываетъ рѣка Чулымъ, притокъ Оби. Однако, простые люди смотрятъ на это иначе: въ послѣдніе годы переселенцы изъ пермскихъ раскольниковъ ходатайствовали объ отводѣ имъ земли въ этой тайгѣ по 50—100 десятинъ на душу.— Эти факты доказываютъ, что нужно очень осторожно относиться къ такимъ выраженіямъ: „полоса тундръ, непригодная для земледѣлія".

Чтобы не впасть въ преувеличеніе, мы будемъ считать пригодною для культуры только ту часть Сибири, которая лежитъ на югъ отъ 60-й параллели: тогда получаемъ огромную площадь въ 8 географическихъ градусовъ съ сѣвера на югъ (я считаю въ среднемъ отъ 52 до 60 градуса) и въ 75 градусовъ (35—110) съ запада на востокъ—до 6 милліоновъ квадратныхъ верстъ. Если предположить, что изъ этой площади цѣлая треть, по малому количеству выпадающей влаги, гористости и разнымъ другимъ причинамъ, не можетъ быть мѣстомъ развитой земледѣльческой культуры, если предположить, далѣе, что на остальныхъ двухъ третяхъ этой площади плотность населенія никогда не превыситъ 15 душъ на 1 кв. версту—и то будетъ возможно поселить въ Сибири до 60 милліоновъ душъ, тогда какъ въ настоящее время ея населеніе не превышаетъ $4^1/_2$ милліоновъ.

Вопросъ о переселеніяхъ въ Восточную Сибирь имѣетъ пока очень мало практическаго значенія; въ ближайшую четверть вѣка можно ограничиться Западною Сибирью, какъ мѣстомъ для водворенія переселенцевъ. Посмотримъ же на почвенныя условія, которыя представляютъ намъ губерніи Томская и Тобольская.

Южные округа Томской губерніи, Барнаульскій, Бій-

ходѣ одного крестьянина изъ названныхъ поселенцевъ на р. Чузакъ; онъ подтвердилъ мнѣ все, что имѣлъ случай наблюдать г. Розановъ.

скій и Кузнецкій, отличаются, какъ извѣстно, очень высокимъ плодородіемъ; было бы излишне ссылаться на факты, которые уже сдѣлались общимъ достояніемъ. Округа Томскій и Маріинскій не пользуются такой доброю славой, и переселенцы обыкновенно охотнѣе принимаютъ менѣе выгодныя условія водворенія на кабинетскихъ земляхъ (высокая плата за пріемные приговоры), нежели гораздо болѣе выгодныя на казенныхъ земляхъ Томскаго и Маріинскаго округовъ. Однако, въ этихъ обоихъ округахъ „нѣтъ почвы бѣдной перегноемъ“ [1]). Правда, во многихъ мѣстахъ черноземъ еще не дозрѣлъ: зимою въ густыхъ осиновыхъ и березовыхъ лѣсахъ накопляется масса снѣга; при весеннемъ таяніи, поглощается много тепла, и все лѣто поддерживается чрезмѣрное количество влаги. Поэтому, теперь еще не можетъ окупиться разработка многихъ низменностей, имѣющихъ очень плодородную почву, теперь выгодно обрабатывать только самыя возвышенныя мѣста. Но подобное явленіе наблюдаютъ въ каждой странѣ, при началѣ культуры, при большомъ изобиліи лѣсовъ; оно такъ же мало говоритъ о безплодіи почвы этихъ обоихъ округовъ, какъ низменность и лѣсистость многихъ мѣстностей въ Сѣверной Америкѣ, при началѣ колонизаціи, свидѣтельствовали противъ плодородія этихъ земель въ Соединенныхъ Штатахъ.

Многія низменныя мѣста въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ будутъ вполнѣ пригодны къ обработкѣ, какъ скоро вырубятъ значительную часть березовыхъ и осиновыхъ лѣсовъ. Остается шестой округъ Томской губерніи Каинскій. Значительная его часть имѣетъ также хорошую черноземную почву; большія пространства заняты солончаками. Оффиціально принято относить солончаки къ неудобной землѣ; однако, исторія Горькой линіи по берегу Иртыша доказы ваетъ совершенно противное. Въ концѣ прошлаго вѣка по этой линіи, имѣющей солончаковую почву, были поселены

[1]) Изъ описанія Томскаго и Маріинскаго округовъ, составленнаго А. В. Дуровымъ, который долго завѣдывалъ межевыми работами по образованію переселенческихъ участковъ въ Томской губерніи.

казаки. Такъ какъ земля по этой линіи считалась искони неудобной для сельскаго хозяйства, то казаки не занимались хлѣбопашествомъ и до половины 60-хъ гг. получали продовольствіе отъ правительства. Въ это время имъ объявили, что черезъ 2 года пособіе будетъ прекращено. Казаки жаловались, что солончаки не позволяютъ заниматься земледѣліемъ; но ихъ просьба была оставлена безъ послѣдствій. И, вотъ, они постепенно привыкли къ земледѣлію; теперь изъ этой мѣстности даже вывозится довольно большое количество очень хорошей пшеницы [1]). Плодородіе земли въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ видно уже изъ того, что, по даннымъ Томскаго статистическаго комитета за 1875—83 гг., средній урожай ржи опредѣленъ въ самъ 5, 4, овса въ самъ 5, 7. Г. Дуровъ, знатокъ этого края, такъ видоизмѣняетъ вычисленія статистическаго комитета. Онъ дѣлитъ всѣ почвы этихъ округовъ на 3 разряда: лучшія, содержащія не менѣе 8% перегноя съ толщиною черноземнаго слоя не менѣе 8 вершковъ. Почвы второго разряда содержатъ не менѣе 5% перегноя; но онѣ менѣе возвышенны, часто пересѣчены оврагами. Почвы третьяго, низшаго разряда также имѣютъ часто не менѣе 8% перегноя, но слишкомъ сыры, лежатъ въ низменныхъ мѣстахъ; вслѣдствіе этого хлѣбъ нерѣдко бываетъ хорошъ соломою, но зерно не дозрѣваетъ. Г. Дуровъ опредѣляетъ средніе урожаи въ самъ 7 для почвъ перваго разряда, самъ 6 для втораго и самъ 5 для третьяго. Такіе урожаи должны быть тѣмъ болѣе признаны удовлетворительными, что и самыя плодородныя губерніи Европейской Россіи даютъ въ среднемъ не высшіе или только немного высшіе урожаи: Курская—самъ 7, Тамбовская самъ 6, Орловская и Рязанская по самъ 5, Волынская и Харьковская—самъ 4 и $4^1/_2$ и т. д. [2]).

Скажемъ нѣсколько словъ о Тобольской губерніи, ко-

[1]) Гг. Кауфманъ и Осиповъ, изслѣдовавшіе Тобольскую губ., также находятъ многія солончаковыя почвы пригодными для культуры. См. *Матер. для изучен. быта крестьянъ Зап. Сибири* III, 84 и дал. VIII, 75.

[2]) *Янсонъ.* Сравнительная статистика. II, 434 и далѣе.

торая привлекаетъ сравнительно очень мало переселенцевъ [1]). Говоря о Тобольской губерніи, обыкновенно откидываютъ сѣверные округа, Березовскій, Сургутскій и даже Тобольскій. Остальные 7 округовъ населены сравнительно довольно густо. По сибирскому масштабу, они представляются даже настолько населенными, что, будто бы, почти нѣтъ мѣста для переселенцевъ. Факты убѣждаютъ, однако, въ невѣрности этого предположенія. Всѣ 7 округовъ имѣютъ 279,720 кв. верстъ съ населеніемъ въ 1.140,000 душъ, т. е. по 4,07 на 1 кв. версту. Наибольшую населенность находимъ мы въ Курганскомъ округѣ — 12,4 на 1 кв. в., среднюю отъ 6,6 до 9,8 въ Тюменскомъ, Ишимскомъ и Ялуторовскомъ и 2,6, 2,1 и 0,9—въ Тюкалинскомъ, Тарскомъ и Туринскомъ. О плодородіи земель въ округахъ Тарскомъ, Тюкалинскомъ, Ишимскомъ, Курганскомъ и Ялуторовскомъ мы читаемъ слѣдующее: „земля, безъ удобренія, даетъ здѣсь прекрасные урожаи пшеницы и другихъ хлѣбовъ, скотъ обезпеченъ прекраснымъ и обильнымъ кормомъ, такъ что населеніе живетъ въ этой мѣстности съ такимъ достаткомъ, какой трудно себѣ представить въ европейскихъ губерніяхъ Россіи“ [2]). Про уѣзды же Туринскій и Тюменскій мы узнаемъ изъ того же источника, что „урожаи въ нихъ не такъ обезпечены, мѣста довольно низменныя и плохіе пути сообщенія. Земля требуетъ удобренія, пшеница не родится, а рожь иногда не дозрѣваетъ“.

Но развѣ не буквально такую же характеристику слѣдуетъ дать губерніи Вологодской, сѣверной части Костромской, нѣкоторымъ уѣздамъ Новгородской и, частію, даже Витебской и Минской? А между тѣмъ худшіе уѣзды этихъ губерній имѣютъ отъ 5 до 15 жителей на 1 кв. версту.

Попытаемся опредѣлить число переселенцевъ, которыхъ могутъ принять къ себѣ эти 2 губерніи даже съ сохране-

[1]) Изъ 28,341 переселенца, проѣхавшихъ въ 1889 году чрезъ Тюмень, въ Тобольской губерніи осталось только 816 душъ.

[2]) Календарь Тобольской губ. на 1889 годъ, стр. 59.

ніемъ почти тѣхъ первобытныхъ земледѣльческихъ системъ, которыя господствуютъ въ нихъ повсемѣстно. Опредѣлимъ въ 10 душъ на 1 кв версту наивысшую плотность населенія Тобольской губерніи: тогда получится возможность приселить къ 1.140,000 душъ, живущихъ въ 7 названныхъ уѣздахъ (мы только ихъ и считаемъ пригодными для культуры), еще до $1^1/_2$ милліона. Относительно Томской губерніи мы сдѣлаемъ иное вычисленіе: опредѣлимъ наибольшую возможную для ближайшаго будущаго населенность въ 10 для 4 лучшихъ и только въ 5 душъ на 1 кв. версту для худшихъ округовъ—Каинскаго со значительнымъ пространствомъ солончаковъ и Томскаго, сѣверную часть котораго занимаетъ Нарымскій край. Тогда высшая цифра возможнаго для Томской губерніи населенія составитъ 5.850,000 душъ. Теперь же въ ней живетъ всего 1.196,000. Въ Сибири, какъ извѣстно, населеніе возрастаетъ очень медленно; но допустимъ даже самый крайній періодъ для удвоенія—25 лѣтъ; въ такомъ случаѣ общее число переселенцевъ, которое найдетъ себѣ за ближайшую четверть вѣка мѣсто на указанной площади, составитъ: Тобольская 2.850.000— — 1.140,000 × 2 = 570,000, Томская 5.850 000 — — 1.196 000 × 2 = *3,458,000*, т.-е. болѣе 4 милліоновъ. Если предположить, что каждый годъ въ эти обѣ губерніи будетъ вселяться 100,000 душъ и что ихъ рождаемость будетъ гораздо сильнѣе кореннаго сибирскаго населенія—и тогда въ теченіе 25 лѣтъ Западная Сибирь не достигнетъ той плотности населенія, которая примиряется съ нынѣ господствующими первобытными способами веденія хозяйства.

Эти соображенія и побуждаютъ насъ считать вопросъ о переселеніи въ Восточную Сибирь такимъ вопросомъ, который въ ближайшую четверть вѣка будетъ имѣть чисто теоретическое значеніе.

II.

Къ важнѣйшимъ моментамъ во всемъ переселенческомъ дѣлѣ принадлежатъ образованіе участковъ, отводимыхъ переселенцамъ, быстрота, съ которою участокъ земли предоставляется въ распоряженіе партіи переселенцевъ, запасъ такихъ земель и соотвѣтствіе этихъ участковъ съ потребностями хозяйства вообще и, въ частности, съ потребностями данной партіи переселенцевъ. На всѣхъ ступеняхъ переселенческаго движенія есть много условій, которыя служатъ источникомъ успѣховъ или неудачи. Среди этихъ условій очень видное мѣсто занимаетъ характеръ отведеннаго участка: если переселенецъ водворяется на землѣ, которая непригодна для экстензивнаго сельскаго хозяйства, только и возможнаго пока въ Сибири, или же не соотвѣтствуетъ привычкамъ, которыя переселенцы традиціонно усвоили на родинѣ, то устроеніе оказывается крайне труднымъ, и переселенецъ, выбившись изъ силъ, нерѣдко возвращается на родину.

При отводѣ переселенцамъ участковъ, чины западносибирскаго межевого отряда (онъ дѣйствуетъ съ 1885 года) руководствуются соображеніемъ о томъ, насколько, въ отношеніи хозяйственномъ, участокъ представляется законченнымъ цѣлымъ: есть ли на немъ вода и лѣсъ, довольно ли земли, удобной для хлѣбопашества, есть ли удовлетворительные сѣнокосы. Если участокъ неудобенъ съ точки зрѣнія одного изъ названныхъ условій, то онъ относится къ казеннымъ оброчнымъ статьямъ. Такіе участки довольно долго будутъ лежать впустѣ; но современемъ приростъ населенія побудитъ новоселовъ арендовать ихъ. Въ особые участки отводятся казенные лѣса. Къ нимъ относятъ не только площади, покрытыя болѣе или менѣе значительными лѣсами, но и земли, на которыхъ едва начинаетъ пробиваться лѣсная поросль. Отведеніе подобныхъ участковъ въ разрядъ лѣсовъ совершенно правильно: въ недалекомъ будущемъ крестьяне, навѣрное, вырубятъ свои надѣльные

лѣса, и тогда, все-таки, останутся казенные лѣса, которые и будутъ служить для населенія источникомъ топлива и строительныхъ матеріаловъ.

Межевые чины, начиная свою работу отбиваніемъ границъ старожильскихъ селеній, встрѣчаются съ однимъ крупнымъ препятствіемъ: это—*заимки*. Благодаря малой населенности, полной свободѣ въ пользованіи землею, заимочная система получила въ Сибири большое распространеніе. Домохозяину почему-либо не живется въ деревнѣ, и онъ выселяется за нѣсколько верстъ отъ нея, въ тайгу, расчищаетъ участокъ земли, обзаводится хозяйствомъ и нерѣдко долгіе годы остается вовсе неизвѣстнымъ администраціи. Иногда она открываетъ заимку уже послѣ того, какъ изъ одного двора, послужившаго зерномъ поселенія, выросло 3—4 двора и изъ 2 – 3 десятинъ пашни и луговъ площадь этихъ угодій достигла полусотни десятинъ. Образованіе заимокъ облегчается изобиліемъ лѣса и небрежнымъ возведеніемъ надворныхъ построекъ. Бываютъ случаи, что крестьянинъ, охотясь въ тайгѣ, набредетъ на мѣсто, которое ему нравится. Этого довольно, чтобы онъ оставилъ старое, даже хорошее хозяйство, и переселился на заимку. Такимъ образомъ, каждая значительная деревня имѣетъ по всѣмъ направленіямъ подобныя колоніи. При отводѣ небольшихъ переселенческихъ участковъ, заимки не служатъ помѣхою: можно нарѣзать участки такимъ образомъ, что заимки останутся между ними и не войдутъ въ ихъ составъ. Но встрѣчается серьезное затрудненіе, когда нужно отвести участокъ въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Если заимка входитъ въ составъ участка, то переселенцы не признаютъ за заимщиками никакихъ особыхъ правъ сравнительно съ собою: они обращаютъ въ общинную землю поля и сѣнокосы, уже издавна разработанные владѣльцами заимки. Права частной собственности на землю, какъ казенную, заимщики не имѣютъ, и за ними не признается отнынѣ право владѣнія, которое ничѣмъ не нарушалось въ теченіе, можетъ быть, десятковъ лѣтъ. Конечно, включеніе заимки въ

переселенческій участокъ причиняетъ владѣльцамъ крупные убытки. Поэтому, межевые чины стараются держаться такого правила: если заимка образуетъ довольно большую хозяйственную единицу и ея обитатели порвали всякую постоянную связь съ деревней, даже не имѣютъ тамъ домовъ, то стараются пощадить ихъ и отграничить переселенческій участокъ такимъ образомъ, чтобы заимка осталась за его предѣлами. Если заимка не представляетъ закопченнаго хозяйственнаго цѣлаго, если ея владѣльцы сохранили много связей съ деревнею и пользуются землею при деревнѣ, то заимку включаютъ въ участокъ.

Всѣ эти правила цѣлесообразны. Повидимому, съ помощью такихъ руководящихъ началъ охраняются выгоды старожиловъ и интересы переселенцевъ. Факты показываютъ, однако, что межевые чины не всегда слѣдуютъ этимъ правиламъ и что въ результатѣ получается много нежелательныхъ явленій.

Во-первыхъ, желательно не только нарѣзать такіе участки, которые всѣми своими естественными условіями удовлетворяютъ требованія хозяйства, но и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя привлекаютъ къ себѣ переселенцевъ. Данная мѣстность, по свойству почвы, климата, обилію воды и лѣса, можетъ быть вполнѣ пригодной, а между тѣмъ она не получила еще популярности въ Европейской Россіи, и переселенцы направляются въ нее лишь незначительными партіями. Изъ соображеній общеэкономическихъ, быть можетъ, слѣдуетъ желать, чтобы переселенцы водворялись въ этой мѣстности; но мѣры принужденія могутъ только повредить дѣлу. Нужно дѣйствовать исподволь, рекомендуя переселенцамъ эту мѣстность и облегчая ихъ водвореніе въ ней. Пройдетъ нѣсколько времени,—и эта непопулярная мѣстность будетъ привлекать къ себѣ много людей; пока же не совершится такого поворота въ воззрѣніяхъ, чины межевого отряда не должны расходовать свои ограниченныя силы на отведеніе участковъ въ такой мѣстности, а должны производить работы тамъ, куда на-

правляется главный потокъ переселенцевъ. Именно этого рода пробѣлъ и замѣчаемъ мы въ дѣятельности западносибирскаго межевого отряда. Онъ производилъ работы, главнымъ образомъ, въ округахъ Тобольской губерніи, куда идетъ очень мало переселенцевъ. Ишимскій, Курганскій даже Тюкалинскій округа обладаютъ очень благопріятными естественными условіями, но пользуются среди переселенцевъ дурною славой. Мало того, даже многіе старожилы, и притомъ очень зажиточные, охотно выселяются изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей названныхъ округовъ. Причиной этого служатъ многочисленныя и разнообразныя неудобства, которыя ссыльно-поселенцы причиняютъ коренному населенію. Ссыльно-поселенцы распредѣляются по деревнямъ не равномѣрно, иногда въ количествѣ, равномъ осѣдлому населенію. При распредѣленіи ихъ по деревнямъ, нерѣдко не принимаются въ разсчетъ ихъ исконныя занятія: ремесленникъ, могущій найти работу только въ городѣ, водворяется въ деревнѣ, хотя не умѣетъ пахать. Такому люду остается только красть и бродяжничать. Этихъ бродягъ отыскиваютъ за многія сотни верстъ отъ селенія, къ которому они приписаны, и снова водворяютъ въ мѣстѣ поселенія: на сельское общество ложатся расходы за содержаніе, лѣченіе, перевозку этихъ людей. Въ 1888 году было взыскано 800 рублей такихъ денегъ съ одной волости Тарскаго округа. Выселеніе старожиловъ изъ Тобольской губерніи подрываетъ въ глазахъ переселенцевъ репутацію даже ея лучшихъ округовъ, и въ ней остаются только тѣ, которые окончательно не имѣютъ средствъ, чтобы дойти до Томской. За 1889 годъ чрезъ Тюмень прошло 28,341 душа. Изъ нихъ въ Томскую губернію направилось 22,171, а въ Тобольской осталось только 816 [1]). Нужно измѣнить порядокъ распредѣленія ссыльно-поселенцевъ по деревнямъ и тогда у тоболяковъ исчезнетъ побужденіе выселяться, а пришельцы изъ Европейской Россіи будутъ охотно оста-

[1]) На земляхъ кабинетскихъ вовсе не водворяютъ ссыльно-поселенцевъ.

ваться въ округахъ Тобольской губерніи. Но это—дѣло не самаго близкаго будущаго. И чины межевого отряда, если помнить о потребностяхъ настоящаго времени, дѣйствуютъ неправильно, нарѣзывая много переселенческихъ участковъ въ Тобольской губерніи и оставляя Томскую безъ вниманія. Такъ какъ за послѣдніе годы усиливается движеніе переселенцевъ на казенныя земли Томскаго и Маріинскаго округовъ, то является не цѣлесообразнымъ пребываніе большей части межевыхъ чиновъ въ Омскѣ (800 верстъ отъ Томска). Томскъ служитъ естественнымъ центромъ; въ немъ и должна жить большая часть межевыхъ чиновъ. Или, по крайней мѣрѣ, они должны передвигаться туда въ концѣ зимы, чтобы начинать межевыя работы уже въ маѣ. Пріѣздъ же изъ Омска весною часто затрудняется разливомъ рѣкъ, а при краткомъ сибирскомъ лѣтѣ, запозданіе съ работами даже только на 1—2 недѣли, является уже крупной невыгодой.

Вторымъ недостаткомъ въ работахъ межевыхъ чиновъ служитъ часто поверхностное изслѣдованіе участковъ, отводимыхъ переселенцамъ. Партіи прибываютъ одна за другою, и такъ какъ въ запасѣ мало отмежеванныхъ участковъ [1]), то спѣшатъ съ межеваніемъ и не изслѣдуютъ, насколько данный участокъ соотвѣтствуетъ элементарнымъ требованіямъ сельскаго хозяйства. Въ 1889 году въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ было отведено 79,800 десятинъ, на которыхъ и было водворено 3,930 душъ; всѣхъ участковъ было 44. Изъ нихъ 5 участковъ, площадью до 17,000 десятинъ, были отведены еще въ 1885 году, но „за полной невѣрностью работъ“, должны были быть передѣланы въ 1888—89 гг. Невѣрно были произведены работы въ участкахъ: 1) Сертинскомъ, 2) при дер. Преображенской, 3) на участкѣ № II по р. Инюшѣ, 4) участкѣ № I на р. Чебулѣ, 5) № IV Еловскій (всѣ они Алчедатской

[1]) Въ іюлѣ прошлаго года заготовленные участки занимали площадь въ 75,000 десятинъ, т.-е. на 5,000 душъ; но большая часть была отведена на бумагѣ.

волости, Маріинскаго округа). Послѣдній участокъ оказался особенно дурного качества. Вотъ какую характеристику дала ему администрація послѣ жалобы водворенныхъ на немъ переселенцевъ. „Участокъ отведенъ въ 1885 году, но въ виду окончательной невѣрности работъ и вслѣдствіе *выяснившейся* (!) *безводности* участка, таковой увеличеніемъ площади совершенно передѣланъ въ августѣ и сентябрѣ 1889 г.“. И на такомъ-то негодномъ участкѣ была поселена 301 душа мужескаго пола. Мы недоумѣвасмъ только, какъ потребовалось нѣсколько лѣтъ для выясненія безводности, столь очевиднаго недостатка.

Третьей слабою стороной въ работахъ межевого отряда является иногда неопредѣленность его указаній и, за неимѣніемъ участковъ, поспѣшное отведеніе такихъ мѣстъ, которыя или рѣшительно не соотвѣтствуютъ естественнымъ условіямъ родины переселенцевъ, или уже издавна заняты старожилами. Самой крупной ошибкою этого рода является столкновеніе партіи переселенцевъ съ братьями Порошиными. Въ 1889 году было отведено мало участковъ сравнительно съ наплывомъ переселенцевъ. Явилась большая партія изъ Курской губерніи Бѣлгородскаго уѣзда (85 семей). Участокъ, отведенный имъ, былъ обозначенъ очень неопредѣленными выраженіями: „въ пространствѣ между волостями Семилуженскою и Ишимскою Томскаго округа“. Слово „пространство“ было понято переселенцами, какъ собственное имя, названіе участка. И, вотъ, они шли по тракту, спрашивая, гдѣ лежитъ это „пространство“? Въ отвѣтъ слышались только насмѣшки мѣстныхъ крестьянъ. Оказалось, что всѣ земли этихъ обѣихъ волостей принадлежатъ какому-либо сельскому обществу и что нѣтъ свободнаго пространства. Озадаченные такими извѣстіями, переселенцы расположились на трактѣ станомъ и послали ходоковъ въ Томскъ къ чиновнику по переселенческому дѣлу. Послѣдній приказалъ партіи идти дальше. Она достигла Почитанской волости Маріинскаго округа и нашла въ тайгѣ заимку братьевъ Порошиныхъ. Видя огромную площадь

подъ пшеницею (только одинъ изъ 5 братьевъ засѣвалъ 120 десятинъ) и всего 5 дворовъ, съ завистью смотря на отличныхъ лошадей въ табунѣ, на многочисленныя колоды пчелъ, переселенцы стали спрашивать заимщиковъ, на какомъ правѣ владѣютъ они землею: отведенъ ли имъ этотъ участокъ въ надѣлъ или они арендуютъ его? Хозяева отвѣчали отрицательно. Тогда къ чиновнику по переселенческимъ дѣламъ были снова посланы ходоки съ вопросомъ, можно ли занять эту землю. Такъ какъ запасныхъ участковъ не было, то на это было получено разрѣшеніе управляющаго государственными имуществами. Порошины, бывшіе хозяевами этой мѣстности много лѣтъ и обратившіе дѣвственный лѣсъ въ поля и луга, должны были уступить переселенцамъ; конечно, они понесли очень крупные убытки. Испытываешь тяжелое чувство при мысли, что въ Сибири, съ ея чрезвычайнымъ изобиліемъ земли и рѣдкимъ населеніемъ, первые піонеры, обратившіе нѣсколько сотъ десятинъ тайги въ культурное состояніе, были изгнаны изъ своего насиженнаго гнѣзда. Однако, межевые чины, способствовавшіе водворенію переселенцевъ на заимкѣ Порошиныхъ, не имѣли другого исхода: они не безъ основанія боялись, что, не разрѣши переселенцамъ занять этотъ участокъ, старожилы многихъ деревень воспользовались бы этимъ прецедентомъ и стали бы изгонять переселенцевъ цѣлыми массами.

Принятіе въ разсчетъ намѣченныхъ здѣсь условій вполнѣ приспособило бы дѣятельность межевого отряда къ потребностямъ переселенцевъ. Если бы число чиновъ отряда было доведено даже только до 30 человѣкъ (считая среди нихъ 20 землемѣровъ и 5 производителей работъ), то ежегодно могло бы быть обмежевано до 500,000 десятинъ. Допустимъ, что только $^3/_5$ этой площади пошли бы подъ переселенческіе участки, и мы получимъ 300,000 десятинъ для 20,000 душъ мужескаго пола, что на цѣлую треть превышаетъ переселенческое движеніе послѣднихъ лѣтъ въ Западную Сибирь вообще и въ 4 раза превосходитъ число

переселенцевъ, водворявшихся за послѣдніе годы на казенныхъ земляхъ Тобольской и Томской губерній [1]). Образованіемъ запасныхъ участковъ было бы чрезвычайно облегчено дальнѣйшее развитіе переселенческаго дѣла.

III.

Переселенцы оставляютъ родину съ самыми незначительными средствами. Регистрація, ведомая въ Тюмени и Томскѣ чиновниками по переселенческимъ дѣламъ, показываетъ, что, быть можетъ, только 10% всей передвигающейся массы обладаютъ достаточными деньгами для устроенія новаго хозяйства; каждый годъ насчитывается лишь нѣсколько десятковъ зажиточныхъ семей. Многія же тысячи не могутъ на свои средства достигнуть мѣста водворенія. На что же разсчитываетъ это большинство?

Многіе изъ неимущаго большинства не руководствуются какимъ-либо правильнымъ разсчетомъ: они думаютъ, что „авось“ найдется работа, „авось“ перепадетъ что-нибудь отъ благотворителей. Иные не дѣлаютъ даже и такихъ предположеній: на родинѣ жить не въ моготу; и, вотъ, бѣднѣйшіе мужики смѣло переселяются въ Сибирь, съ увѣренностью, что на новомъ мѣстѣ не будетъ хуже, а, вѣроятно, будетъ лучше.

Но бываютъ случаи, когда переселенцы въ своей же партіи имѣютъ источникъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать въ Сибири, по крайней мѣрѣ, первые шаги. Иногда такимъ источникомъ служитъ какой-нибудь добросердечный богатый переселенецъ, совершенно безкорыстно выручающій своихъ спутниковъ изъ стѣсненнаго положенія. Крестьяне Бѣлгородскаго уѣзда Курской

[1]) Въ 1889 году на казенныхъ земляхъ водворилось: въ Томской губ. 1,515 семей, въ Тобольской 816 душъ. Будемъ считать на каждую семью 3 мужчинъ, а изъ водворившихся въ Тобольской губерніи—половину на лицъ мужескаго пола,—и мы получимъ 4,956 душъ мужескаго пола.

губ., въ числѣ 75 семей, основали въ 1889 г. поселокъ Ново-Николаевскій въ Почитанской волости Маріинскаго округа Томской губ. Пришедши на мѣсто водворенія уже осенью, переселенцы могли засѣять только очень немного хлѣба, и тогда же 74 домохозяина ходатайствовали передъ губернаторомъ о ссудѣ для продовольствія и обсѣмененія полей. Ходатайство не сразу было удовлетворено; положеніе новоселовъ было бы совсѣмъ критическимъ, не будь добраго сердца у того единственнаго домохозяина, который не просилъ о ссудѣ. Имѣя 2,000 р., онъ купилъ всѣмъ односельчанамъ сѣмянъ для засѣянія полудесятины на каждую мужскую душу и каждому должнику поставилъ 1 пудъ сѣмянъ по 60 к., которыя самъ заплатилъ за зерно. Мнѣ пришлось встрѣтить въ дорогѣ еще одну такую партію переселенцевъ изъ Спасскаго уѣзда Тамбовской губ.; среди нихъ былъ дядя Семенъ, который прямо говорилъ, что везетъ съ собой тысячи полторы. Его односельчане утверждали, что онъ человѣкъ „божій“, „добродѣтельный“, что онъ всегда помогалъ на родинѣ землякамъ, часто не бралъ процентовъ и считалъ „по одной копѣйкѣ“ въ мѣсяцъ только съ тѣхъ, которымъ очень „счастило“ отъ его помощи. Всѣ члены этой партіи въ одинъ голосъ говорили, что съ дядей Семеномъ не страшно идти хоть на край свѣта, что онъ всюду выручитъ изъ бѣды и не только „своего, но и чужаго въ обиду не дастъ“.

Но это—рѣдкія, отрадныя исключенія. Гораздо чаще доступнымъ для бѣдныхъ переселенцевъ источникомъ денежныхъ средствъ служитъ богатый крестьянинъ, который смотритъ на свои пару тысячъ рублей, какъ на основной фондъ, могущій сдѣлать своего владѣльца въ Сибири уже настоящимъ помѣщикомъ. Сколько мнѣ извѣстно, наши изслѣдователи переселеній еще не обратили должнаго вниманія на этотъ фактъ. А имъ, и только имъ однимъ, можно объяснить, что многіе неимущіе переселенцы кое-какъ устраиваются на новомъ мѣстѣ,—устраиваются, по крайней мѣрѣ, настолько хорошо, что не умираютъ съ голода.

По сосѣдству съ неимущей массой мы всегда находимъ значительныхъ богачей. И это явленіе повторяется съ удивительной правильностью и однообразіемъ, какъ въ цивилизованныхъ странахъ, такъ и среди мелкихъ племенъ дикарей, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ ничтожныхъ деревушкахъ, какъ въ осѣдломъ населеніи, такъ и среди этихъ передвигающихся массъ. Случается такъ, что богатый крестьянинъ-ростовщикъ, увлеченный общимъ потокомъ, распродастъ за безцѣнокъ свое имущество и, подъ вліяніемъ соблазнительныхъ разсказовъ о Сибири, надѣется тамъ еще привольнѣе устроить свой хозяйственный бытъ. Но бываетъ и такъ, что ростовщикъ входитъ въ составъ партіи переселенцевъ съ предвзятою мыслью навсегда имѣть вокругъ себя безсмѣнныхъ работниковъ; въ Сибири, думаетъ онъ, должникъ не менѣе зависитъ отъ своего кредитора, чѣмъ въ Европейской Россіи. Каковъ бы ни былъ путь, приведшій ростовщика въ партію переселенцевъ, результатъ всегда одинъ и тотъ же: даже самые бѣдные переселенцы, имѣя около себя такого благодѣтеля, получаютъ возможность остаться въ Сибири и не умереть съ голода, но за то впадаютъ въ состояніе, вполнѣ подобное крѣпостничеству. Во время пути ростовщикъ почти никогда не открываетъ имъ кредита: въ немъ нѣтъ увѣренности, что они дойдутъ до мѣста водворенія, не будутъ возвращены администраціею съ дороги на родину и что не пропадетъ сумма, данная въ долгъ. Иногда, впрочемъ, ростовщикъ, присмотрѣвшись къ своимъ спутникамъ, даетъ нѣкоторымъ изъ нихъ по нѣскольку рублей, для покрытія дорожныхъ расходовъ; его зоркій глазъ умѣетъ и въ значительной партіи отличить людей, которые будутъ надежными должниками и неутомимыми работниками. Но обыкновенно кредитныя отношенія возникаютъ уже по пріѣздѣ на мѣсто. Бѣдный переселенецъ занимаетъ у ростовщика 15—20 рублей, покупаетъ лошадь и тотчасъ же попадаетъ въ кабалу; на сколько лѣтъ разверстывается ссуда, какими долями и въ какіе сроки она взносится, это все равно: проценты всегда

оплачиваются трудомъ: должники косятъ, пашутъ, молотятъ на своего кредитора, помогаютъ ему въ корчеваніи лѣса, постройкѣ избы и т п. Иногда опредѣленное число рабочихъ дней доставляется заемщиками безвозмездно, въ видѣ процента; въ другихъ случаяхъ рабочіе дни оплачиваются по цѣнѣ, гораздо болѣе низкой, нежели средняя заработная плата въ данной мѣстности Мнѣ пришлось ѣхать между Тюменью и Томскомъ съ партіей переселенцевъ изъ Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ.; они направлялись въ Маріинскій округъ, Томской губ., къ своимъ землякамъ. Изъ этого уѣзда выѣхало туда въ 1889 году 15 семей, среди которыхъ былъ одинъ богатый крестьянинъ. Онъ продалъ на родинѣ все имущество, между прочимъ, каменный двухъэтажный домъ, и вывезъ 3,000 руб. Нѣкоторыя изъ 15 семей были очень бѣдны. Пріѣхавъ на мѣсто, онѣ и стали по найму работать на своего богатаго односельчанина. Силами своей семьи и при помощи этихъ людей онъ накосилъ въ прошломъ году болѣе 700 копенъ сѣна. Обработавъ весь свой надѣлъ, онъ арендовалъ часть земли бѣднѣйшихъ членовъ партіи. Крестьяне, ѣхавшіе въ тотъ же поселокъ, давали этому лицу такую характеристику: „NN поѣхалъ, словно какъ съ работниками; богатому человѣку не остаться безъ людей и въ Сибири, хоть въ какомъ углу. Если бы онъ сталъ нанимать, пріѣхавъ на мѣсто, тамошнихъ, то пришлось бы платить копѣекъ по 70 въ день; а какъ на него работаютъ свои, которые въ Сибирь пріѣхали съ пустыми руками, да онъ еще одолжилъ ихъ чѣмъ-нибудь, такъ они будутъ рады и 30—40 копѣйкамъ“. Въ другой партіи переселенцевъ, изъ селенія Бѣлой, Курской губ. Суджанскаго уѣзда, былъ ростовщикъ, который на родинѣ изстари занимался отдачею денегъ въ займы изъ высокихъ процентовъ; онъ ѣхалъ потому, что переселенцы уже издавна на родинѣ были его должниками. Нѣкоторые изъ нихъ, уплативъ одинъ долгъ, снова заключали заемъ на нѣсколько лѣтъ; уже 10—15 лѣтъ поддерживались подобныя отношенія между этимъ богатымъ му-

жикомъ и нѣкоторыми изъ его спутниковъ. Въ партіи изъ 30 семей были 4 семьи, много лѣтъ знакомыя этому ростовщику и получившія отъ него деньги на дорогу. Пришлось мнѣ встрѣтить въ пути также группу крестьянъ изъ Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губ.; партія состояла изъ русскихъ и мордвы. Въ этой партіи былъ одинъ богатый крестьянинъ, имѣвшій болѣе 60 пудъ багажа и очень довольный тѣмъ, что пониженіе провозной платы за багажъ позволило ему взять съ собою такъ много клади. На мой вопросъ, изъ чего состоитъ его багажъ, онъ отвѣтилъ, что везетъ не больше 15 пуд. домашнихъ вещей и слишкомъ 45 пуд. на продажу. „Узналъ я, говорилъ онъ, — что въ Сибири нѣтъ никакого ремесла, ни фабрикъ, что все тамъ привозное изъ Россіи: и ситецъ, и сахаръ, и сапоги, и желѣзо, и всякій другой товаръ; я съ собою и краснаго товара взялъ пудовъ больше десяти, и сапоги есть, и косы, и сахаръ. А въ одной статьѣ большую ошибку сдѣлалъ: до пуда везу съ собой чаю, и только дорогой узналъ, что въ Сибири чай дешевле и лучше русскаго“. Затѣмъ онъ пояснилъ мнѣ, что переселенцы, ѣдущіе съ нимъ, всегда были его покупателями, и деньги у него занимали, и работали на него. Когда я высказалъ удивленіе, что онъ идетъ въ такую дальнюю сторону, когда и дома ему хорошо жилось, онъ отвѣтилъ: „копѣечка вездѣ свое приноситъ, а въ Сибири, говорятъ, много больше, чѣмъ у насъ“. Помню, наконецъ, партію переселенцевъ изъ Хилковской волости, Спасскаго уѣзда, Тамбовской губ. За исключеніемъ одного, это были люди очень бѣдные; богатый же везъ съ собою до 1,000 р. Нѣкоторые называли его „хозяиномъ“. Заинтересованный такимъ величаніемъ, я просилъ разъяснить, что́ это значитъ, и услыхалъ въ отвѣтъ, что эти люди привыкли смотрѣть на своего богатаго спутника, какъ на хозяина: они изъ года въ годъ занимали у него деньги и работали на него. „Иной разъ платимъ за деньги по копѣечкѣ въ недѣлю, иной разъ больше, иной разъ меньше.

Ужь вѣрно и въ Сибири придется намъ жить съ нимъ и на него работать".

Подобные же факты сообщали мнѣ вятскіе, пермскіе и уфимскіе выселенцы о партіяхъ, которыя прошли въ Сибирь въ предыдущіе года. Это явленіе находило неодинаковую оцѣнку: нѣкоторые даже съ удовольствіемъ говорили о томъ, что въ ихъ средѣ есть денежный человѣкъ, который хотя на первое время поддержитъ, „дастъ извернуться"; это хорошо, чего бы ни стоила такая поддержка. Но большинство съ тяжелымъ чувствомъ и страхомъ высказывало предположеніе, что кабала, въ которой переселенцы жили на родинѣ, повидимому, ожидаетъ ихъ и въ Сибири. Всѣ эти факты показываютъ, что *переселенцы имѣютъ въ своей средѣ элементы, изъ которыхъ можетъ и должно быстро развиться крупное частно-капиталистическое хозяйство.*

IV.

Я бесѣдовалъ съ ними объ условіяхъ ихъ прежней жизни, а также о томъ, какъ они думаютъ устроиться на новомъ мѣстѣ. Хотѣлось изъ этого непосредственнаго общенія уяснить нѣкоторыя черты, не поддающіяся цифровымъ вычисленіямъ. Частыя бесѣды позволили мнѣ, между прочимъ, отвѣтить на вопросъ о томъ, имѣютъ ли переселенцы къ своимъ услугамъ представителей главныхъ ремеслъ, особенно важныхъ въ сельскомъ быту.

Намъ, жителямъ столицы, привыкшимъ находить въ сосѣднемъ домѣ или, по крайней мѣрѣ, ближайшей улицѣ все, что необходимо для нашихъ потребностей, представляется невѣроятнымъ, чтобы, при рѣдкомъ населеніи Сибири, русскій крестьянинъ могъ вести хозяйство: у него, говорятъ обыкновенно, нѣтъ подъ руками необходимыхъ ремесленниковъ, кузнеца, колесника, плотника и другихъ. Такимъ образомъ, нѣтъ способовъ исполнять всѣ тѣ починки, которыя производятся этими ремесленниками. Разспросы много-

численныхъ партій убѣдили меня, что всѣ эти опасенія не основательны.

Если переселенцы идутъ очень маленькими группами, то пристаютъ въ Сибири къ какому-либо упрочившемуся поселку, гдѣ есть на лицо нужные ремесленники. Если же они идутъ довольно многолюдной партіей, то въ ней можно отыскать представителей главныхъ промысловъ, особенно важныхъ въ крестьянскомъ быту. Въ подобныхъ случаяхъ бываетъ такъ, что отъ значительнаго селенія Европейской Россіи отдѣляется довольно многочисленная группа, въ которой есть и различные ремесленники. Они выселяются вовсе не для того, чтобы удовлетворять потребности своихъ односельчанъ; они вовсе не думаютъ доставить своимъ сосѣдямъ въ безлюдной мѣстности удобный доступъ къ мастерской кузнеца, колесника или бондаря. Они думаютъ о своихъ ближайшихъ нуждахъ и разсчитываютъ, что нужды эти могутъ быть удовлетворены въ Сибири. Разъ изъ большаго селенія выдѣляются десятки домохозяевъ,—мѣстные кузнецы, колесники, бондари, портные предугадываютъ, что уменьшится спросъ на ихъ работы. Нѣкоторые изъ этого люда рѣшаются также выселиться, чтобы, подобно односельчанамъ, попытать счастія на чужбинѣ. И такъ, совершенно безотчетно для всѣхъ участниковъ данной партіи переселенцевъ, въ ней оказываются нужные ремесленники. Если вся партія поселяется на одномъ участкѣ, то сразу же наступаетъ такой порядокъ вещей, который былъ знакомъ выселенцамъ и на родинѣ, т. е. они имѣютъ подъ руками всѣ нужныя ремесла. А когда партія разбилась на небольшія группы, то изъ этихъ ремесленниковъ нѣкоторые приписываются къ сибирскимъ деревнямъ въ увѣренности найдти тамъ себѣ заказчиковъ. Нѣкоторые же селятся со своими сосѣдями въ небольшихъ деревушкахъ съ надеждою, что они, какъ „россійскіе“ ремесленники, болѣе искусные, нежели сибиряки, будутъ получать заказы сосѣднихъ деревень. Сибирскій крестьянинъ привыкъ къ большимъ разстояніямъ и считаетъ живущими подъ бокомъ тѣхъ ремесленниковъ,

которые отъ него не дальше 25—30 верстъ. Встрѣчая иногда партію переселенцевъ семей въ 30, я спрашивалъ, есть ли среди нихъ ремесленники, и они указывали мнѣ на того или другого со словами: вотъ, это печникъ, а это — кузнецъ, а это портной, а это бондарь и т. д.

V.

Посмотримъ, какъ относится къ переселенцамъ сибирское общество. Въ Сибири нѣтъ дворянъ и крупнаго частнаго сельскаго хозяйства, т.-е. нѣтъ ничего, соотвѣтствующаго слоямъ русскаго общества, которые относятся къ переселеніямъ наиболѣе недружелюбно. И, однако, на основаніи сдѣланныхъ наблюденій, мы будемъ имѣть случай доказать, что и въ сибирскомъ обществѣ большинство недоброжелательно смотритъ на переселенцевъ.

Возьмемъ, прежде всего, населеніе городовъ. Оно имѣетъ въ переселенцѣ потребителя наиболѣе распространенныхъ товаровъ и, главное, съѣстныхъ припасовъ. Передвиженіе чрезъ городъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ теченіе каждаго лѣта замѣтно оживляетъ торговые обороты мучниковъ, пекарей, частью рыбниковъ и мясниковъ. Въ городахъ на пути движенія переселенцевъ, а также въ торговыхъ пунктахъ, которые находятся всего ближе къ мѣстамъ ихъ водворенія, оживленіе торговыхъ оборотовъ отражается и на торговцахъ жѣлѣзомъ, щепнымъ товаромъ и, отчасти, бакалеей. Такимъ образомъ, для многихъ изъ этого люда переселенецъ является желаннымъ гостемъ. Мнѣ приходилось неоднократно наблюдать подобныя отношенія. Если они не стали господствующими, то благодаря противодѣйствующей причинѣ, связанной съ тою обстановкой, въ которой переселенца видитъ большинство сибирскихъ городовъ.

Онъ является обыкновенно съ самыми скудными денежными средствами и даже въ крайней нуждѣ. Отъ этой нужды не спасаютъ ничтожныя пособія, которыя многіе получаютъ

изъ казенныхъ суммъ или отъ частной благотворительности. Удовольствіе торговцевъ, продающихъ переселенцу товаръ на рубль, даже на гривенникъ, не умаляется отъ сознанія, что покупатель приноситъ послѣдніе гроши, которые, быть можетъ, за часъ до покупки получилъ отъ благотворительнаго общества. Но это удовольствіе омрачается опасеніемъ, что многіе переселенцы не сразу получатъ возможность двинуться къ мѣстамъ водворенія, что сотни, по безденежью, останутся въ городѣ, увеличатъ число просящихъ милостыню, а, слѣдовательно, по мнѣнію сибиряка, могутъ увеличить число кражъ и другихъ преступленій и проступковъ, которые и безъ того довольно обычны въ сибирскихъ городахъ. Наконецъ, сибиряки боятся занесенія къ нимъ болѣзней. Прошлымъ лѣтомъ въ Тюмени, въ теченіе мая и іюня, умерло больше 600 дѣтей переселенцевъ, и повальныя болѣзни (оспа, скарлатина, дифтеритъ и тифъ) свирѣпствовали довольно сильно и въ туземномъ населеніи. И такъ, сибирскій горожанинъ (что почти равнозначуще со словомъ „торговецъ“), выручивъ отъ переселенцевъ пару тысячъ рублей лишнихъ, не безъ боязни думаетъ о томъ, что большой наплывъ этого бѣднаго люда можетъ вызвать излишніе расходы на общественное призрѣніе и обострить нѣкоторыя, особенно опасныя болѣзни. Поэтому, и въ средѣ сибирскихъ торговцевъ переселенецъ не пользуется тою популярностью, которая повсюду окружала бы его, если бы онъ приходилъ въ Сибирь менѣе истощеннымъ физически и со сколько-нибудь достаточными денежными средствами. Что же, спрашивается, думаетъ о переселенцахъ сибирскій чиновникъ? Злоупотребленія чиновниковъ въ Сибири настолько общеизвѣстны, что излишне даже напоминать о нихъ. Конечно, времена Пестеля, Трескина, Лоскутова миновали, и, надо думать, болѣе не повторятся; но и до сихъ поръ мы находимъ такъ много злоупотребленій, что должны считать исключеніями тѣхъ людей, которые въ Сибири довольствуются окладомъ жалованья и неизмѣнно исполняютъ свой служебный долгъ. Типичнымъ же, среднимъ чиновникомъ Сибири нужно признать того, кто

считаетъ свою должность источникомъ, быть можетъ, незаконнаго, но извинительнаго корма и который самымъ кровнымъ образомъ заинтересованъ въ поддержаніи нынѣшняго строя сибирской жизни и сохраненіи главныхъ экономическихъ условій, которыми опредѣляется этотъ строй. Въ общественномъ строѣ Сибири экономическія условія и должны быть признаны наиболѣе важными. Отдаленность сибирской администраціи отъ центра и низшихъ служебныхъ агентовъ Сибири отъ высшихъ органовъ управленія, отсутствіе гласности, слабость контроля должны быть сведены, какъ къ причинѣ, къ такимъ двумъ основнымъ фактамъ: недостатку путей сообщенія и рѣдкости населенія. Измѣните только эти два факта—и перемѣна не останется безъ замѣтнаго вліянія на особенности сибирскихъ административныхъ порядковъ: высшіе органы сибирской администраціи будутъ чаще объѣзжать свои округа; изъ столицы будутъ чаще посылать надежныхъ людей, для изученія отдѣльныхъ отраслей управленія: ученый путешественникъ и просто образованный туристъ будетъ чаще появляться на окраинахъ сибирской тайги и чаще посредствомъ печати сообщать о своихъ впечатлѣніяхъ русскому обществу. Сибирская администрація будетъ вынуждена считаться со всѣми этими фактами, которые, даже и помимо репрессивныхъ или преобразовательныхъ мѣръ, будутъ налагать узду на нѣкоторыя злоупотребленія. *А все это можетъ быть создано только переселенцами, такъ какъ въ Сибири населеніе возростаетъ очень медленно.* Рядовой сибирскій чиновникъ, который отождествляетъ интересы своего отечества съ выгодами отдѣльныхъ служебныхъ агентовъ—исправника, земскаго засѣдателя,—не всегда можетъ ясно и точно формулировать послѣдствія, которыя повлекутъ за собою переселенія, но всегда чувствуетъ, что каждая, даже небольшая партія переселенцевъ есть камень, падающій въ сибирское болото, способный взбудоражить его, что эти вліянія, накопляясь изъ года въ годъ, могутъ и должны въ корень измѣнить строй сибирской жизни. Онъ знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, чув-

ствуетъ, что поселокъ, основанный вятчанами, курянами, или тамбовцами, создается изъ элементовъ, чуждыхъ сибирской жизни: эти люди знакомы съ порядками, устанавливающимися въ русскихъ земскихъ губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстностей вовсе неизвѣстны ни хроническія, ни острыя нашествія земскихъ засѣдателей на карманъ благодушнаго россіянина. Сибирскій чиновникъ знаетъ, что пришельцы образуютъ массу, которая, при всемъ своемъ смиреніи, уже потому представляется менѣе привлекательнымъ для администраціи матеріаломъ, что не имѣетъ привычки къ поборамъ, установившимся въ Сибири. Поэтому, всѣ чиновники этой группы, если только они заглядываютъ даже въ неотдаленное будущее, очень косо смотрятъ на переселенцевъ. Въ бесѣдѣ съ вами они не выскажутъ истинныхъ мотивовъ, которые ими руководятъ, а выставляютъ на видъ самыя добрыя движенія души, проливаютъ слезы о томъ, какъ трудно переселенцамъ устроиться и выдержать соперничество со старожилами, которые въ теченіе вѣковъ привыкли къ борьбѣ съ суровою внѣшнею природой и условіями общественной жизни.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось читать въ одномъ большомъ журналѣ замѣтку о жизни сибирскихъ крестьянъ. Авторъ увѣрялъ, что крестьяне-старожилы въ Сибири не только охотно встрѣчаютъ крестьянъ-переселенцевъ изъ Европейской Россіи, но чуть ли не заключаютъ ихъ въ родственныя объятія. Такое положеніе авторъ могъ высказать только потому, что былъ введенъ въ заблужденіе немногими или невѣрно объясненными, или не точно переданными фактами. Сибирскій старожилъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы относиться къ переселенцамъ непріязненно и только въ единичныхъ случаяхъ можетъ примиряться съ ихъ приходомъ или даже радоваться Попытаемся начертать картину быта сибирскихъ старожиловъ и намѣтить въ особенности тѣ детали этой картины, которыя легко объясняютъ враждебныя отношенія къ переселенцамъ.

Гдѣ бы ни проѣзжали вы въ Сибири, даже на далекомъ

сѣверѣ, за 60°, васъ поражаетъ чрезвычайное изобиліе даровъ природы. По среднему теченію Оби, гдѣ нѣтъ колесныхъ путей и разстояніе между мелкими поселками измѣряется сотнями верстъ, вы видите огромное количество разнообразной и цѣнной рыбы и пушнаго звѣря. Спуститесь нѣсколько южнѣе, въ область на широтѣ Нарыма—и вы находите такое богатое скотоводство, которое не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ земледѣльческой полосѣ Россіи: бѣднѣйшій крестьянинъ держитъ по 5 лошадей и 5 коровъ; уходъ за ними ничего не стоитъ; онъ накашиваетъ такъ много сѣна, что нерѣдко большіе запасы переживаютъ двѣ зимы. Лѣса такъ много даже въ мѣстахъ, сравнительно густо населенныхъ, вблизи, напримѣръ, Томска, что многіе домохозяева вовсе не пашутъ своихъ превосходныхъ черноземныхъ надѣловъ, а пользуются лошадьми только для возки въ городъ дровъ, заготовленныхъ въ собственныхъ лѣсахъ. Тамъ, гдѣ тайга уступаетъ степи, напр., въ Алтайскомъ округѣ, глазъ на многія версты видитъ предъ собою совершенно равнинную площадь; степь имѣетъ видъ зеленаго поля, съ кое-гдѣ вкрапленными заплатами: эти заплаты—тѣ немногочисленные клочки, которые сибиряку заблагоразсудилось засѣять, хотя и всѣ близлежащіе участки отличаются плодородіемъ. Но мало этого: сплошь и рядомъ администрація отыскиваетъ въ глуши тайги, которая искони считалась незаселенною и даже неудобною для заселенія, богатыя заимки съ массою скота и огромные запасы хлѣба при самомъ первобытномъ способѣ хозяйства. Въ общемъ, сибирскій крестьянинъ отличается большою зажиточностью. Ошибаются тѣ, которые склонны видѣть въ недоимкахъ фактъ, будто бы доказывающій бѣдность деревенскаго населенія Сибири. Недоимокъ много; но сплошь и рядомъ тѣ сборы, которые сельскія общества даютъ полиціи и взносятъ въ такъ называемыя *тунныя* книги, съ избыткомъ покрываютъ всю сумму недоимокъ.

И такого довольства сибирякъ достигаетъ при самыхъ несовершенныхъ пріемахъ труда и съ помощью первобыт-

ныхъ орудій. Его соха, коса, цѣпъ далеко уступаютъ этимъ орудіямъ въ Европейской Россіи. До сихъ поръ никогда и никто еще не принималъ никакихъ мѣръ для усовершенствованія посѣвнаго зерна въ Сибири. Проѣзжайте по сибирскимъ деревнямъ и вы увидите, что навозное удобреніе почти вовсе неизвѣстно, что, повидимому, природа научила этого крестьянина только одному — загрязнять рѣки, ручьи, озера посредствомъ вываливанія въ нихъ навоза. И, кромѣ того, есть много фактовъ, которые доказываютъ, что сибирякъ не трудится съ тою энергіей, какая стала обычной въ Европейской Россіи, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ. Много говорятъ и пишутъ объ отличныхъ избахъ въ сибирскихъ деревняхъ: дѣйствительно, часто встрѣчаются хорошія и просторныя избы, но при этомъ бросается въ глаза крайняя непорядливость всѣхъ надворныхъ построекъ, часто безъ крышъ, хотя лѣсной матеріалъ находится тутъ же, подъ рукой. Прибавимъ къ сказанному, что общинные порядки, которые упрочились въ Европейской Россіи, не управляютъ каждымъ шагомъ сибирскаго крестьянина и оставляютъ ему широкій просторъ тамъ, гдѣ тамбовецъ, вятичъ долженъ помнить о трехъ поляхъ, о приусадебной землѣ, о сѣнокосныхъ клиньяхъ, о пастушныхъ деньгахъ и о другихъ мелочахъ сельскаго обихода. Можно такъ резюмировать все сказанное нами: сибирскій старожилъ работаетъ не утруждаясь, пользуется самыми первобытными пріемами и орудіями, но, благодаря изобилію земли, воды и другихъ природныхъ богатствъ, имѣетъ достатокъ гораздо большій, нежели средній крестьянинъ Европейской Россіи.

И, вотъ, въ такую-то обстановку является переселенецъ. Мы, жители Европейской Россіи, скорбимъ о невзгодахъ, которыя ему приходится испытывать въ пути и на мѣстѣ водворенія; но передъ сибирякомъ-старожиломъ переселенецъ имѣетъ совсѣмъ иной обликъ: подъ своимъ рубищемъ, лаптями, смиреннымъ и часто приниженнымъ видомъ онъ скрываетъ только одну завѣтную мечту—прочно устроить свой хозяйственный бытъ и достигнуть благосостоянія, которое

на родинѣ ему не было извѣстно. А устроить свое благосостояніе, согласно съ этой затаенною мыслью — значитъ распахать побольше земли, накосить побольше сѣна, вырубить и продать побольше дровъ, т.-е. сдѣлаться соперникомъ старожиловъ въ пользованіи естественными богатствами. И старожилъ съ перваго же раза видитъ, что переселенецъ есть членъ многочисленнаго и хорошо вооруженнаго войска, которое плохо обуто и одѣто, но имѣетъ кое-что, всего болѣе нужное для подчиненія природы. Старожилъ узнаетъ изъ разсказовъ, что переселенецъ не научился пить чай, не носитъ красныхъ рубахъ, но коса-литовка, которую онъ привезъ съ собой, работаетъ гораздо лучше, нежели сибирская коса, что онъ въ присутствіи чиновъ полиціи имѣетъ видъ, болѣе угнетенный, нежели старожилы, но его соха, особенно изъ сѣверныхъ губерній, гораздо глубже вспахиваетъ землю, нежели сибирская колесуха. Сибирякъ умѣетъ молотить только короткими цѣпами, а многіе переселенцы, вскорѣ послѣ водворенія, заводятъ ручныя и даже конныя молотилки. Сибирякъ умѣетъ вѣять зерно только съ лопаты, а переселенцы не только знакомы съ употребленіемъ вѣялокъ, но въ крупныхъ партіяхъ есть часто не мало отличныхъ мастеровъ, изготовляющихъ вѣялки и другія земледѣльческія орудія. Вглядываясь пристально въ скудный багажъ, привозимый переселенцами, старожилы видятъ тамъ сѣмена новыхъ растеній, которыя пришельцы хотятъ пересадить на сибирскую почву, каковы: подсолнечникъ, горчица, сѣмена и даже черенки фруктовыхъ деревьевъ. Но все это блѣднѣетъ сравнительно съ новшествомъ, какимъ является великорусская община. Только поверхностный наблюдатель скажетъ, что общинные порядки, приносимые переселенцами, имѣютъ для старожиловъ то значеніе, что могутъ измѣнить ихъ способъ пастьбы скота, свести воедино ихъ разбросанные клочки пашни, установить извѣстный порядокъ въ пользованіи сѣнокосами. Нѣтъ, появленіе великорусскаго міра имѣетъ значеніе, гораздо болѣе глубокое; онъ приноситъ съ собой старую

законченную и вполнѣ окрѣпшую привычку *дѣйствовать дружно и систематично въ самыхъ разнородныхъ проявленіяхъ сельской жизни.* Эта дисциплина сказывается въ томъ дружномъ натискѣ, который переселенцы, возросшіе въ числѣ, производятъ на старожиловъ. Послѣдніе не могутъ устоять предъ этимъ натискомъ.

Коренной сибирякъ не умѣетъ выразить все это, но, конечно, гораздо полнѣе и глубже чувствуетъ опасность, нежели мы можемъ словами изобразить ее. Онъ видитъ даже въ каждомъ отдѣльномъ переселенцѣ представителя новаго міра и отражаетъ его нападенія до послѣдней возможности. Побѣжденный, онъ уходитъ дальше въ тайгу, съ надеждой, что переселенецъ хотя тамъ не найдетъ его.

Въ нашей печати накопилось уже очень много фактовъ, свидѣтельствующихъ о борьбѣ, которую старожилы ведутъ съ новоселами. Есть двѣ главныя формы такой борьбы: 1) высокая плата, которую старожилы взимаютъ за пріемный приговоръ, и 2) предоставленіе переселенцамъ жить въ теченіе многихъ лѣтъ арендаторами безъ выдачи имъ пріемныхъ приговоровъ. Эти оба порядка особенно часто встрѣчаются въ Алтайскомъ горномъ округѣ, гдѣ крестьянамъ не отведенъ надѣлъ и гдѣ они могутъ взимать съ пришельцевъ плату за пріемные приговоры. Плата колеблется между 5—60 рублями съ мужчины въ возрастѣ отъ 18 до 55 лѣтъ. На семью это составляетъ отъ 15 до 180 рублей. Низшіе размѣры платы встрѣчаются тамъ, гдѣ небольшія поселенія старожиловъ владѣютъ огромными площадями земли, по 200—300 десятинъ на душу, вмѣсто 15. Уплата 25 или 30 рублей съ семьи не обременительна для переселенцевъ, которые обладаютъ хотя небольшими денежными средствами; но многіе охотно платятъ даже огромныя суммы, 100—150 руб. съ семьи, и находятъ это для себя выгоднымъ. Намъ пришлось бесѣдовать съ нѣкоторыми домохозяевами Корочанскаго уѣзда, Курской губ.; они передавали, что охотно предлагали одному сельскому обществу въ Барнаульскомъ округѣ по 150 руб. съ семьи. „По нашему

разумѣнію,—говорили они,—за эту землю стоитъ и убытки взять: лѣтъ черезъ 5 все вернется съ прибылью". Высокая плата за пріемные приговоры дѣлаетъ для бѣдныхъ переселенцевъ невозможнымъ причисленіе къ старожильскимъ обществамъ, но не спасаетъ старожиловъ отъ притока самыхъ достаточныхъ крестьянъ. Почему же такое, повидимому, дѣйствительное средство не даетъ полнаго обезпеченія? Причина лежитъ въ томъ, что, оцѣнивая высоту платы за пріемный приговоръ, старожилъ и переселенецъ стоятъ на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія. Старожилъ опредѣляетъ плату за приговоръ просто высокою цифрой, не приводя ее ни въ какое соотношеніе съ дѣйствительною или даже возможною производительностью земли. Исходя изъ такого положенія, всякій скажетъ, что 150 руб.— очень крупный взносъ для одной семьи, тѣмъ болѣе, что многіе главные предметы потребленія стоютъ въ Сибири весьма дешево. Переселенецъ подходитъ къ дѣлу съ правильнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ: онъ вовсе не спрашиваетъ, какой доходъ давала старожиламъ земля, на которую онъ сядетъ; онъ пытается выяснить, что она ему можетъ дать, если онъ перенесетъ на нее свои орудія, свое трудолюбіе и свои рабочіе пріемы. Онъ принимаетъ въ разсчетъ также и то, что, уплативъ 150 руб. за приписку къ сельскому обществу, онъ будетъ распахивать очень много земли, тогда какъ на родинѣ, въ одной изъ черноземныхъ губерній Россіи, онъ привыкъ платить за арендованіе десятины отъ 15 до 30 р. въ годъ. Всѣ эти соображенія и побуждаютъ многихъ достаточныхъ переселенцевъ платить крупныя суммы за приписку къ обществу старожиловъ.

Гораздо болѣе дѣйствительно второе средство. Старожилы не даютъ переселенцамъ пріемнаго приговора, а позволяютъ имъ поселиться, выстроить избы, поднимать залежи, требуя за все это очень умѣренной ежегодной платы. Переселенцы разселяются на-авось, строятъ избы, распахиваютъ большія площади земли, заводятъ скотъ и пускаютъ

въ поселеніи глубокіе корни. И, вотъ, въ одинъ прекрасный день, старожилы объявляютъ имъ, что рѣшили выдать имъ пріемный приговоръ за столько-то сотъ рублей съ семейства. Переселенцы отказываются, а старожилы требуютъ, чтобы они немедленно же убирались. Уйти—значитъ продать за безцѣнокъ избу, надворныя постройки и сразу на половину разрушить свое уже упрочившееся благосостояніе. Именно посредствомъ этой мѣры старожилы долго будутъ успѣшно бороться съ переселенцами. Слѣдующій фактъ доказываетъ, какъ тяжело отзывается на переселенцахъ такой образъ дѣйствій старожиловъ. Въ 1884 году, когда покойный томскій губернаторъ Красовскій ревизовалъ губернію, въ селѣ Алейскомъ и дер. Паутовой, Бійскаго округа, переселенцы отъ мала до велика, въ числѣ болѣе 100 душъ, упали на колѣни и умоляли губернатора защитить ихъ отъ безграничныхъ притязаній старожиловъ. Послѣдніе требовали по 100 р. за каждый пріемный приговоръ. Когда переселенцы отказывались, старожилы мѣшали имъ пахать землю, разбирали дома, писали кляузническія прошенія. Въ д. Ново-Тырышкиной старожилы хотѣли силой выдворить переселенцевъ, ломали въ поляхъ ихъ сохи и бороны. Это—большая деревня, и побоище приняло огромные размѣры; лишь съ большимъ трудомъ удалось прекратить его. Какъ ни могущественно это средство, старожилы владѣютъ имъ только до тѣхъ поръ, пока не закончено правильное отмежеваніе душевыхъ надѣловъ. Тогда сама собою исчезнетъ всякая плата за пріемные приговоры.

Но старожилы часто проявляютъ свое недоброжелательство и тамъ, гдѣ переселенцы устраиваются на самостоятельныхъ, имъ самимъ отведенныхъ участкахъ. Въ 1889 году отводился переселенческій участокъ для поселка Знаменскаго, Дмитріевской волости, Маріинскаго округа, Томской губерніи. По границѣ участка нужно было провести борозду сохой, которой при переселенцахъ не было. Тогда сосѣднее старожильское селеніе *дало имъ на два дня соху съ платою 40 рублей за подержаніе*, хотя въ это

время пахота уже была окончена. Переселенцы молили о пощадѣ, но старожилы хладнокровно говорили имъ: „Обростете жиромъ, такъ вернете свои 40 р. съ прибылью“. Въ Крутинской волости, Тюкалинскаго округа, Тобольской губ., при озерахъ Салтаимѣ и Камышномъ былъ основанъ зимой 1886 г. поселокъ изъ партіи переселенцевъ-курянъ. Имъ былъ отведенъ участокъ изъ 8,568 десятинъ, въ томъ числѣ 863 десятины лѣса. Сравнительно со старожилами сосѣднихъ деревень Усть-Китермы и Калачикова переселенцы были немногочисленны. Тотчасъ же по ихъ прибытіи, старожилы собирались партіями въ десятки людей и вырубали лучшіе участки отведеннаго лѣса. Съ наступленіемъ лѣта они выкашивали траву на самыхъ лучшихъ сѣнокосныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, старожилы подсылали къ избамъ переселенцевъ тѣхъ изъ своихъ молодцовъ, которые крали лошадей, а подчасъ готовы были даже убить. Лѣсная стража, которая въ этой мѣстности, на пространствѣ полумилліона десятинъ, представлена однимъ лѣсничимъ и 3 объѣздчиками и нѣсколькими полѣсовщиками *изъ старожильскихъ деревень*, была не въ силахъ помочь переселенцамъ. Насилія старожиловъ продолжались, и противъ нихъ оказалось только одно дѣйствительное средство, которымъ и воспользовался чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ въ Тюмени—приселить довольно значительныя партіи переселенцевъ также изъ Курской губ. Это увеличило силы переселенцевъ (теперь ихъ болѣе 130 семей) и позволило имъ вооруженною рукой отражать нападенія старожиловъ. Въ Колмаковской волости, Тюкалинскаго же округа, находится 127 переселенческихъ участковъ. Въ одномъ изъ нихъ, Хаповскомъ, близъ озера Макушина, были водворены въ 1883 году 15 семей изъ Орловской и Воронежской губерній. Старожилы ближайшихъ деревень Сажиной и Новосолдатской огромными партіями забирались въ лѣсъ переселенцевъ и тамъ на ихъ глазахъ рубили лѣсъ для продажи дровъ въ Тюкалинскѣ. Можно было бы привести и много другихъ подобныхъ фактовъ. Вырубка лѣса и выкосы сѣна являются

повсюду, гдѣ переселенцы слабы числомъ сравнительно со старожилами. Послѣдніе не хотятъ мириться съ мыслью, что не они—полные хозяева въ сосѣднихъ лѣсахъ и лугахъ.

Старожилы, прибѣгая къ такимъ насиліямъ, всегда могутъ предугадать и конечный ихъ исходъ. Возросши въ числѣ, переселенцы дѣйствуютъ, какъ одинъ человѣкъ: выбираютъ изъ своей среды сельскаго старосту и другихъ должностныхъ лицъ и заводятъ порядки великорусской деревни. Тогда старожилы начинаютъ чувствовать себя стѣсненными и понемногу выселяются или въ болѣе отдаленныя мѣста Томской губерніи или даже за ея предѣлы. Такъ, напримѣръ, притокъ переселенцевъ въ деревню Ребриху, Бійскаго округа, начался еще въ 70-хъ годахъ. Въ 1884 г. старожиловъ было 60 дворовъ, а переселенцевъ уже 80, и все сельское управленіе было составлено изъ новоселовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ была заведена правильная трехпольная система. Тогда же стали раздаваться жалобы старожиловъ Ребрихи, что имъ тѣсно жить, что они не могутъ обезпечить себя при новомъ способѣ хозяйства. И, вотъ, они начали быстро распродавать свои избы прибывшимъ переселенцамъ и выселяться въ болѣе отдаленныя мѣста Бійскаго округа. Въ 1888 г. старожиловъ оставалось только 10 дворовъ, а по свѣдѣніямъ, полученнымъ весною прошлаго года, и послѣдніе 7 старожиловъ выѣхали изъ деревни. Такой процессъ замѣчается теперь въ деревнѣ Черемухиной, Барнаульскаго округа. Тамбовскіе переселенцы начали водворяться тамъ съ половины 70-хъ г. Въ настоящее время число ихъ достигло до 70 семей; старожиловъ же только 40 домохозяевъ. Конечно, всѣ должностныя лица выбраны изъ переселенцевъ и введены общинные порядки, которые стѣсняютъ заимочную систему старожиловъ. Поэтому, одинъ хозяинъ за другимъ продаютъ свои постройки и выселяются въ болѣе отдаленныя мѣста Барнаульскаго округа. Не трудно предсказать, что черезъ немного лѣтъ въ Черемухиной не останется ни одного старожила.

Приведенныхъ фактовъ, думаемъ мы, достаточно для доказательства того общаго положенія, что старожилы не только не имѣютъ поводовъ заключать переселенцевъ въ родственныя объятія, но съ полнымъ основаніемъ видятъ въ нихъ опасныхъ соперниковъ, а въ самомъ недалекомъ будущемъ—и побѣдителей.

Какіе же слои сибирскаго общества относятся къ переселенцамъ доброжелательно? Эта группа немногочисленна, но она состоитъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и здравомыслящихъ людей, которые считаютъ интересы цѣлаго государства болѣе важными, нежели выгоды отдѣльныхъ группъ населенія. Всего больше можно найти такихъ людей среди чиновничества, которое стоитъ на высотѣ своего служебнаго долга. Къ какому бы вѣдомству ни принадлежалъ подобный чиновникъ, онъ понимаетъ, что дѣйствія всего сложнаго механизма будутъ чрезвычайно облегчены, разъ населеніе будетъ болѣе густо. Онъ помнитъ то начальное положеніе науки, что для успѣховъ культуры нужна значительная плотность населенія. Вотъ почему всѣ лучшіе администраторы Сибири всегда говорили о необходимости развить правильную переселенческую политику. Сперанскій, Муравьевъ, Казнаковъ, Колпаковскій и нѣкоторые другіе, не соглашаясь въ частностяхъ, въ общемъ всегда держались того убѣжденія, что отъ искусства, съ какимъ будетъ организовано переселенческое движеніе, зависитъ вся будущность Сибири. Около этихъ центральныхъ точекъ группировались и группируются и второстепенныя должностныя лица, умѣющія цѣнить Сибирь не по тому одному, что она напоминаетъ мутную воду. Среди неслужащаго населенія Сибири выдѣляются единичныя лица, которымъ ихъ здравый смыслъ лучше всякихъ теорій внушаетъ, какъ важно это дѣло для всего края. Назовемъ, напримѣръ, почтеннаго дѣятеля В. Т. Зимина, который въ Томскѣ устроилъ больницу для переселенцевъ; И. И. Игнатова въ Тюмени, который былъ учредителемъ мѣстнаго благотворительнаго комитета, В. П. Сукачева въ Иркутскѣ, благодаря которому

тамошній благотворительный о переселенцахъ комитетъ получилъ быстрое развитіе, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, по мѣрѣ силъ помогающихъ этому дѣлу. Вспоминаемъ, между прочимъ, замѣчанія, высказанныя намъ попечителемъ западно-сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскимъ въ бесѣдѣ о переселенцахъ. Онъ сравнилъ это движеніе съ притокомъ изъ Россіи молодыхъ людей, поступающихъ въ Томскій университетъ. Какъ переселенцы поднимаютъ въ Сибири земледѣльческую культуру, такъ, по его мнѣнію, эти молодые люди несутъ много плодотворнаго въ духовную сокровищницу сибиряковъ. Въ этомъ сравненіи много вѣрнаго; но я думаю, что вліяніе переселенцевъ будетъ болѣе сильно, нежели молодыхъ людей изъ-за Урала, которые получатъ въ Томскѣ свое университетское образованіе: для первыхъ Сибирь станетъ второю родиной, а изъ вторыхъ, мы думаемъ, большинство вернется въ Россію, чтобы ей посвятить свои силы.

Какъ бы то ни было, все, что есть въ Сибири мыслящаго и безкорыстнаго, горячо привѣтствуетъ переселенческое движеніе и нетерпѣливо ожидаетъ дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ, которыя должны дать ему большую правильность и законченность.

VI.

Въ нашей печати накопилось уже много фактовъ, доказывающихъ, что переселенцы быстро устраиваются на новомъ мѣстѣ и, если не встрѣчаютъ особенно значительныхъ препятствій, за короткое время достигаютъ благосостоянія, неизвѣстнаго въ Европейской Россіи. Главныя затрудненія ставитъ неудобная земля—участки безводные, гористые, болотистые, или же хотя и удобные сами по себѣ, но рѣшительно не соотвѣтствующіе той внѣшней обстановкѣ, въ которой жила данная партія переселенцевъ и подъ вліяніемъ которой ей стали привычными извѣстные пріемы

земледѣльческаго труда. Пермичи, вятичи, частію, казанцы и нижегородцы очень охотно селятся въ тайгѣ и за немного лѣтъ расчищаютъ изъ-подъ лѣса значительныя пространства. Но они крайне тяготятся малолѣсьемъ отведеннаго участка и необходимостью издалека получать дрова и даже строительные матеріалы. Куряне же, тамбовцы, орловцы легко примиряются съ привычнымъ для нихъ безлѣсьемъ, съ необходимостью пріобрѣтать бревна за 100 верстъ, но рѣшительно не переносятъ тайги, заставляющей проводить первые годы въ необычномъ трудѣ—выжиганіи и обработкѣ лядъ. Успѣхи новаго поселка зависятъ, въ особенности, отъ того, насколько отведенный участокъ походитъ своимъ характеромъ на мѣсто первоначальнаго жительства переселенцевъ. Были случаи, что партіи курскихъ крестьянъ селились въ тайгѣ Маріинскаго округа. Трудная работа по расчисткѣ лѣса становилась еще болѣе тягостною вслѣдствіе комаровъ и мошекъ, которые не давали переселенцамъ покою ни днемъ, ни ночью. Выбившись изъ силъ, они умоляли отвести имъ участки, болѣе соотвѣтствующіе ихъ привычкамъ.

Но если нѣтъ на лицо этого перваго неблагопріятнаго условія, если мѣстность выбрана удачно, семья располагаетъ достаточными рабочими силами и первые 2 года собираетъ урожай не ниже средняго, то переселенецъ кладетъ своему новому хозяйству болѣе или менѣе прочное основаніе. Я познакомлю читателей съ двумя поселками — Сухорѣчье и Вятки, которые могутъ быть названы средними, довольно хорошими, хотя и далеко уступающими многимъ селеніямъ Алтайскаго горнаго округа.

Сухорѣчье было основано въ 1887 году; Вятки—въ 1888. Участки, отведенные этимъ поселкамъ, лежатъ въ 38—42 верстахъ къ югу отъ Томска и образуютъ довольно волнообразную поверхность; открытыя луговины чередуются съ березовыми рощами. Все населеніе Сухорѣчья состоитъ изъ 44 семей; 2 семьи устроились отдѣльными хуторами (заимками). Остальныя образовали 42 двора. Изъ

нихъ 1 дворъ занимаетъ бобылка, неимѣющая никакого хозяйства. Итакъ, въ деревнѣ всего 41 крестьянскій дворъ, имѣющіе 86 лошадей, 65 коровъ и 127 штукъ мелкаго скота, преимущественно овецъ. Эти дворы засѣяли озимымъ и яровымъ 98 десятинъ. Но мы получимъ гораздо болѣе точное понятіе о хозяйствѣ поселка, если отнимемъ дворы, которые, по малому количеству скота или ничтожнымъ размѣрамъ запашки, должны быть отнесены къ очень бѣднымъ, вовсе не успѣвшимъ устроиться. Сюда отойдутъ тѣ, которые имѣютъ только по 1 лошади, что безусловно недостаточно для сибирскаго хозяйства, особенно при распахиваніи новинъ. Большею частію, у каждаго изъ этихъ дворовъ засѣяно не болѣе 1 десятины, въ сложности, озимымъ и яровымъ; такихъ всего 8 дворовъ; у одной семьи нѣтъ еще дома. На остальные 33 двора мы получаемъ 78 лошадей, 54 коровы, 114 головъ мелкаго скота и запашку въ 88 десятинъ. Между остальными дворами есть имущественныя различія, но они настолько незначительны, что могутъ быть оставлены безъ вниманія; только 3 двора имѣютъ по 4 лошади, только 4 двора имѣютъ по 3 коровы и болѣе и только у 4 дворовъ засѣяно болѣе 3 десятинъ. Поэтому, мы считаемъ себя въ правѣ всѣ 41 дворъ разбить на 2 группы: въ первую отнести 8 бѣдныхъ дворовъ, а во вторую—остальные 33 двора, достаточныхъ. Бѣдные образуютъ 19%, достаточные 81%.

У бѣдныхъ на 1 дворъ:

лошадей.	коровъ.	мелкаго скота.	засѣяно десятинъ.
1	1,4	1,5	1,2

У достаточныхъ на 1 дворъ:

2,5	1,6	3,5	2,7

Въ итогѣ, 4/5 дворовъ могутъ быть отнесены къ *достаточнымъ*. Конечно, давая такую оцѣнку хозяйству этихъ 33 дворовъ, я совершенно отрѣшаюсь отъ мѣрила, которое обыкновенно примѣняется къ сибирскому крестьянину, имѣющему по 5—10 лошадей, столько же коровъ и т. д. *Я нахожу достигнутые результаты вполнѣ удовлетворитель-*

ными, какъ по сравненію со среднимъ уровнемъ, который занимаетъ большинство крестьянъ Европейской Россіи, такъ по сравненію съ короткимъ періодомъ, въ теченіе котораго Сухорѣчье достигло этихъ результатовъ, такъ, въ особенности, при сопоставленіи съ тѣмъ инвентаремъ, которымъ эти крестьяне владѣли на родинѣ, и тѣми ничтожными средствами, которыя они принесли на мѣсто водворенія.

Сравнимъ, напр., число лошадей въ этихъ дворахъ со среднимъ числомъ лошадей въ Европейской Россіи. Въ 1887 году на 100 жителей приходилось 22,9 лошадей; въ губерніяхъ Пермской и Вятской, откуда прибыла большая часть переселенцевъ (всего 33 двора изъ 44) на 100 жителей приходилось 17,6 и 29 лошадей, тогда какъ въ Сухорѣчьѣ ихъ приходится 40. Эти результаты тѣмъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе, что достигнуты за $2^1/_2$ года. Имущество новоселовъ представится особенно значительнымъ, если сравнить его съ количествомъ скота, которымъ эти 33 двора владѣли на родинѣ

Лошадей.	Коровъ.	на 1 дворъ. лош.	коровъ.
37	38	1,1	1,2

Посмотримъ же, какія средства принесли съ собою основатели Сухорѣчья. Изъ 8 дворовъ, отнесенныхъ въ группу бѣдныхъ, 3 домохозяина вовсе не имѣли при себѣ денегъ, 2 принесли по 15 рублей, 1—20 руб., и относительно 2 свѣдѣнія не были получены.

Изъ остальныхъ 33 домохозяевъ съ собою принесли:

6	00
4	20 рублей и менѣе
4	20—49 рублей
6	50—80 „
6	100 „
1	200 „
1	300 „

Относительно 5 домохозяевъ свѣдѣній вовсе не было получено.

Приведенная таблица показываетъ, что только 8 домо-

хозяевъ принесли съ собою такія средства, которыя позволяли надѣяться на упроченіе хозяйства въ близкомъ будущемъ; 6 дворовъ имѣли средства очень малыя, частію, безусловно недостаточныя,—14, т. е., половина всѣхъ, о которыхъ собраны свѣдѣнія, принесли съ собою средства, совсѣмъ ничтожныя. Трудолюбіе и энергія основателей Сухорѣчья особенно убѣдительно доказываются тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые крестьяне, принесшіе съ собой (или получившіе позднѣе отъ родныхъ) самыя малыя средства, достигли значительнаго достатка. Крестьянинъ Иванъ Пироговъ началъ хозяйство только съ 60-ью рублями, а имѣетъ теперь, чрезъ 3 года, 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ, 23 улья пчелъ и 6 десятинъ подъ озимымъ и яровымъ. Иванъ Сидоренко принесъ съ собою только 70 рублей, а имѣетъ уже 3 лошади, 2 коровы, 7 овецъ и 5 десятинъ пашни. Егоръ Акуловъ прибылъ также съ 70-ью рублями, а имѣетъ 4 лошади, 2 коровы, 4 овцы и сѣетъ 6 десятинъ.

Въ чемъ же загадка? Чему приписать такое сравнительно быстрое развитіе поселка? Довольно благопріятнымъ условіемъ служитъ близость Томска, возможность возить туда для продажи дрова изъ надѣльнаго лѣса. Но особенное вліяніе оказываютъ энергія труда и рабочее искусство переселенцевъ, которые въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ старожиловъ. Такъ, напр., крестьянинъ Петръ Жулановъ, пришедшій совсѣмъ безъ денегъ, имѣетъ 2 лошади, 2 коровы, и сѣетъ 2 десятины. На родинѣ онъ былъ очень бѣденъ. И, вотъ, онъ съ самаго водворенія днемъ, въ теченіе всего лѣта и зимы рубилъ дрова для города, а ночью строилъ избу; спалъ же, когда придется. Развитію поселка очень содѣйствуетъ *значительное распространеніе промысловъ среди новоселовъ*: 6 домохозяевъ умѣютъ изготовлять валеную обувь (катать пимы), 3 дѣлаютъ сани, 2 кузнеца, 2 портные, 2 дѣлаютъ очень порядочныя вѣялки, продавая ихъ по 15—17 рублей за штуку; изъ остальныхъ большинство умѣетъ плотничать. Такимъ образомъ, большая

часть домохозяевъ сейчасъ же нашли себѣ заказчиковъ въ этомъ краю, столь бѣдномъ всякими ремесленниками. Первые 6 домохозяевъ завалены работой.

Сухорѣчье и еще одной особенностью производитъ на изслѣдователя хорошее впечатлѣніе. Его населеніе очень разнородно: 11 православныхъ семействъ изъ Вятской губерніи; 2 православныхъ же семьи изъ нарымскихъ мѣщанъ; 22 домохозяина-раскольники изъ Пермской губерніи и 4 семьи поляковъ-католиковъ (1 изъ Витебской и 3 изъ Радомской губерніи). При такомъ пестромъ составѣ легко могли бы возникнуть разныя недоразумѣнія и даже ссоры, а между тѣмъ всѣ домохозяева образуютъ одно дружное сельское общество: „живемъ пока, лучше не надо, еще ни разу не ссорились“, говорили мнѣ они.

Въ 6 верстахъ отъ Сухорѣчья основанъ въ 1889 г. поселокъ Вятки, состоящій изъ 22 дворовъ. Въ немъ населеніе гораздо менѣе зажиточно; *но не забудемъ, что поселокъ существуетъ только 1 годъ.* Три семьи еще не успѣли выстроить избы и ютятся пока въ землянкахъ; 5 домохозяевъ вовсе не имѣютъ скота, — 7 имѣютъ только по 1 лошади, но *10 семей пріобрѣли по 2 и 3 лошади.* И при такомъ бѣдномъ инвентарѣ, 17 домохозяевъ засѣяли озимымъ и яровымъ 49 десятинъ (5 домохозяевъ еще не начали пахать), т.-е. на каждый дворъ по 2,8 десятинъ, нѣсколько больше средней запашки въ Сухорѣчьѣ. На родинѣ большинство этихъ крестьянъ принадлежало къ самымъ бѣднымъ: 7 не имѣли никакого скота, 10 имѣли по 1 лошади и 1 коровѣ и только 3 имѣли по 2 лошади и 1 коровѣ, а 2 даже по 2 лошади и 2 коровы.

Эти поселенцы принесли изъ дома еще болѣе скромныя средства, нежели ихъ сосѣди.

9 вовсе не имѣли денегъ.
7 принесли отъ 10 до 40 руб.
3 „ „ 50 „ 75 „
2 „ по 100 рублей.
1 „ „ 160 „

Оказывается, что 73%, по незначительности принесенныхъ денежныхъ суммъ, должны быть отнесены къ самымъ бѣднымъ Теперь же, только черезъ 1 годъ, можно считать удовлетворительнымъ положеніе не 6(27%), а 10 домохозяевъ—38,5%.

Результаты, достигнутые обоими поселками, очень скромны, но они значительны, если принять въ разсчетъ, что эти люди начали почти ни съ чѣмъ и начали еще такъ недавно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обратные переселенцы.

Часто высказываютъ мнѣніе, что всѣ обратные переселенцы должны быть относимы къ неудачникамъ, что только невозможность устроиться въ Сибири заставляетъ крестьянъ бросить землю, для воздѣлыванія которой уже были сдѣланы первые шаги, и возвращаться на родину, которая была злою мачихой для выселенцевъ. Это явленіе можетъ быть вполнѣ правильно понято только въ томъ случаѣ, если мы изъ всѣхъ переселенцевъ, возвращающихся на родину, выдѣлимъ группу людей зажиточныхъ, которымъ хорошо жилось въ Россіи и которые, пробывъ въ Сибири годъ—другой, поняли, что богатый мужикъ можетъ гораздо лучше устроиться въ Европейской Россіи. Нѣтъ данныхъ для рѣшенія, какъ велико число именно этихъ переселенцевъ. Однако, записи, ведомыя о переселенцахъ, позволяютъ думать, что число это довольно велико. Въ Томскѣ зарегистрировано въ теченіе почти 4 лѣтъ (1887, 1888, 1889 гг. и до 1 сентября 1890 года) 296 семей обратныхъ переселенцевъ; изъ нихъ 170 семей возвратились потому, что не могли устроиться на новомъ мѣстѣ. Остальныя 126 семей пошли назадъ потому, что между ними и старожилами обнаружилась „бытовая и религіозная рознь“ (13 семей), или потому, что наступили разныя „случайныя причины“ (45), или вслѣдствіе „неурожаевъ и непривычнаго

климата". Въ трехъ послѣднихъ группахъ найдутся и люди съ извѣстнымъ достаткомъ; много ли ихъ, мы не знаемъ, но, вѣроятно, ихъ можно было бы насчитать нѣсколько десятковъ. Въ дорогѣ мнѣ пришлось встрѣтить двѣ семьи, возвращавшіяся изъ Сибири потому, что не могли переносить „мошкару". Эти крестьяне—выходцы изъ степной полосы Курской губ ,—были направлены въ очень лѣсистую мѣстность Маріинскаго округа съ чрезвычайнымъ изобиліемъ комаровъ и мошекъ. Вовсе не имѣя привычки расчищать лѣсъ, они должны были рубить и выжигать тайгу. Досаждаемые при этой тяжелой работѣ миріадами мошекъ, они окончательно выбились изъ силъ, не хотѣли и слышать, что въ Сибири много степныхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ такой бѣды, и, имѣя порядочныя деньги, рѣшились возвратиться на родину. Кромѣ этого факта, наблюденнаго мною самимъ, мнѣ передавали еще и о другихъ подобныхъ случаяхъ.

Но особенно интересна небольшая группа обратныхъ переселенцевъ, съ которою я ѣхалъ на пароходѣ между Томскомъ и Тюменью. Она состояла изъ двухъ ходоковъ, крестьянъ Курской губерніи, одной многочленной семьи изъ Пермской губерніи и одной семьи изъ Саратовской губерніи. Послѣдняя похоронила въ Томской губерніи домохозяина и рѣшилась вернуться на родину. Вся эта партія принадлежала къ зажиточному крестьянству. Вся она хулила Западную Сибирь и во всѣхъ отношеніяхъ отдавала предпочтеніе Европейской Россіи. Всѣ члены этой партіи какъ бы состязались въ изображеніи дурныхъ сторонъ сибирской жизни. Они имѣли видъ компетентныхъ судей: ходоки пробыли въ Сибири около полугода, исходили весь Алтайскій округъ и южные округа Тобольской губерніи. А двѣ семьи прожили въ Сибири больше года. Суровый приговоръ со стороны моихъ спутниковъ заслужили и люди и внѣшняя природа.

Между сибирскими и русскими крестьянами, по мнѣнію этихъ людей, уже въ томъ огромная разница, что первые даже тамъ, гдѣ не принадлежатъ къ какой-нибудь

сектѣ, не хотятъ знать церковь и духовенство. Сплошь и рядомъ видишь въ большомъ старожильскомъ селеніи храмъ, доведенный почти до купола, но недостроенный; и въ такомъ видѣ стоитъ онъ 5—10 лѣтъ, хотя населеніе настолько зажиточно, что легко могло бы довести его до конца. Старожилы вовсе не принимаютъ этого къ сердцу: „родится онъ и долго живетъ некрещенный, вѣнчается послѣ того, какъ уже нѣсколько лѣтъ жили вмѣстѣ и дѣтей прижили, и безъ Бога умираетъ“. Русскій человѣкъ представляетъ рѣзкую противоположность; пріѣзжая въ Сибирь ходокомъ и отыскивая мѣсто для поселенія, россійскій человѣкъ справляется, далеко-ли церковь, и часто не хочетъ водвориться въ данномъ мѣстѣ только потому, что по близости нѣтъ Божьяго храма. Если пришлось основать поселокъ въ глуши, то переселенцы напрягаютъ всѣ силы, для сооруженія храма. Собраны деньги на постройку церкви и переселенцы не дожидаются назначенія священника, а отыскиваютъ какого-нибудь хорошо грамотнаго человѣка, который и читаетъ имъ св. Писаніе. Такой порядокъ введенъ, напр., въ поселкѣ Вагинѣ Богатольской волости, Маріинскаго округа. Построивъ церковь, переселенцы въ ожиданіи священника, нашли дьячка, который служитъ всенощную, часы, вечерню. Крестьяне приходятъ въ церковь, ставятъ свѣчи, слушаютъ чтеніе св. Писанія [1]). Къ этому различію примыкаютъ и другія несходства. Русскій человѣкъ отличается бо̀льшимъ дружелюбіемъ, радушіемъ, услужливостью, нежели сибирякъ; первый гораздо болѣе трудолюбивъ и искусенъ въ работѣ. Если сравнить ихъ въ отношеніи выносливости, то второй останется далеко назади. Эти люди жаловались, что въ старожильскихъ селеніяхъ имъ нерѣдко отказывали въ самомъ начальномъ гостепріимствѣ, не пускали въ избу переночевать, и только въ новыхъ, едва возникшихъ поселкахъ, можно было замѣтить чисто русскій

[1]) Мнѣ часто указывали на эту особенность сибиряковъ. Приходилось слышать отъ священниковъ, что такое отсутствіе набожности замѣчается даже во многихъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ раскола.

духъ. „Сибирякъ лаптей не носитъ, а сапоги шить не умѣетъ, говорили переселенцы; русскіе, если Богъ благословитъ, какъ поживутъ здѣсь, скидаютъ лапти, сапоги надѣваютъ и сами ихъ шьютъ“. Столь-же невыгодны были заключенія для Сибири и при сравненіи ея съ Европейской Россіей въ отношеніи климатическомъ. Куряне и саратовцы самыми яркими красками описывали суровость сибирской зимы, двухсаженные снѣжные сугробы, краткое лѣто. „Въ Сибири все хуже, чѣмъ у насъ. Вотъ, кажется, рыбы здѣсь довольно и всякихъ сортовъ есть рыба, а, все-таки, противъ русской рѣчной рыбы нѣтъ настоящаго вкуса. Земля здѣсь урожайная и на полѣ иной разъ такъ густо скирды уставлены, какъ у насъ и не увидишь, а въ хлѣбѣ-то нѣтъ силы настоящей. Когда къ русской деревнѣ подъѣзжаешь и только одна баба хлѣбъ печетъ, такъ ужъ за версту слышно; а въ Сибири въ самой избѣ, у печи стоишь – а все равно, хлѣбъ-ли или солома. Ну, и не повадно русскому человѣку жить въ такой сторонѣ, гдѣ ни яблока нѣтъ, ни сливы, ни вишни, гдѣ въ лѣсу только дятелъ носомъ стучитъ, а соловья и другихъ птицъ пѣвчихъ и не услышишь. Да, вотъ уже, кажется, самое обыкновенное дѣло—вода, и то не ровное дѣло: здѣсь вода какая-то склизкая и мутная, хоть и рѣки большія, а у насъ воды ключевой, да чистой, да вкусной, сколько угодно“. Вотъ какими непривѣтливыми красками изображали Сибирь обратные переселенцы. Въ этой оцѣнкѣ можно было подмѣтить преувеличеніе на каждомъ шагу. Причины пессимизма не замедлили обнаружиться. Когда я сталъ разспрашивать членовъ этой партіи объ ихъ имущественныхъ средствахъ, то оказалось, что они принадлежатъ къ очень достаточному населенію деревни: имѣли порядочно денегъ, много скота, а 2 ходока владѣютъ даже собственной землей: одинъ имѣетъ 15 десятинъ, другой 8; въ Курской губ. такая земельная собственность представляетъ уже значительную цѣнность. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такіе переселенцы мирятся съ затратою нѣсколькихъ сотъ рублей, которыхъ стоила поѣздка въ Си-

бирь, и возвращаются обратно: разнообразная растительность въ полѣ, фруктовый садъ около хутора, лѣсъ, оживленный пѣвчими птицами—всего этого не даетъ большая часть мѣстностей Сибири, а оно имѣетъ уже большую цѣну въ глазахъ курскаго или саратовскаго крестьянина, который не знакомъ съ нуждою и пріобрѣлъ высшія потребности, какія только извѣстны въ сельскомъ быту. И такъ, въ числѣ обратныхъ переселенцевъ всегда есть люди, которые путемъ собственнаго опыта убѣждаются, что съ деньгами, вообще, жизнь можетъ быть обставлена большими удобствами въ Россіи, нежели въ Сибири. Мы полагаемъ, что лѣтъ черезъ десятокъ крестьяне значительнаго достатка вовсе не будутъ идти въ Сибирь. И въ самомъ дѣлѣ, большая часть Томской губерніи не можетъ выдержать сравненія съ такими мѣстностями, какъ губерніи: Курская, Воронежская, Харьковская. Кто имѣетъ въ этихъ губерніяхъ 1—2 десятины, тотъ чрезвычайно выиграетъ отъ переселенія; кто же имѣетъ гдѣ-нибудь въ Суджанскомъ, Новооскольскомъ или Острогожскомъ уѣздѣ 10 десятинъ, тотъ не выиграетъ или немного выиграетъ отъ переселенія въ Сибирь на 15-ти десятинный надѣлъ. Это будетъ становиться для крестьянъ тѣмъ болѣе очевиднымъ, чѣмъ больше будутъ развиваться переселенія и чѣмъ ближе будетъ крестьянство Европейской Россіи присматриваться къ условіямъ сибирской природы и сибирскаго хозяйства.

Но огромное большинство обратныхъ переселенцевъ принадлежитъ, дѣйствительно, къ бѣднѣйшимъ крестьянамъ или къ неудачникамъ. Не нужно смѣшивать эти группы. Къ первой относятся тѣ, которые пришли въ Сибирь съ пустыми руками и съ самого выхода изъ дома носили въ себѣ залогъ своей будущей необезпеченности. Ко второй группѣ принадлежатъ тѣ, которые имѣли средства, иногда даже порядочныя, но испытали цѣлый рядъ ударовъ судьбы и были вынуждены двинуться на старое пепелище. Скудныя данныя объ обратныхъ переселенцахъ не позволяютъ отвѣтить на вопросъ, какъ велико число членовъ той и дру-

гой группы. Конечно, первые гораздо болѣе многочисленны, но найдутся и вторые. Мы полагаемъ, что вторыхъ, переселенцевъ-неудачниковъ нужно искать, главнымъ образомъ, среди тѣхъ, которые прожили на новомъ мѣстѣ довольно долго. Изъ всѣхъ обратныхъ переселенцевъ за 1889—90 гг. 212 семей пробыли въ Сибири менѣе 1 года, а 84 семьи болѣе долгій срокъ—отъ 1 года до 5 лѣтъ и болѣе. Кто могъ продержаться 3, даже 2 года, тотъ имѣлъ кое-какія средства и долженъ быть отнесенъ ко второй группѣ. Небольшую партію обратныхъ переселенцевъ я встрѣтилъ въ Перми; это были 4 семьи изъ Тамбовской губерніи; изъ нихъ только одна пришла въ Сибирь безъ всякихъ средствъ, и даже послѣдній переѣздъ отъ Тюмени до Томска на пароходѣ совершила съ помощью пособія отъ тюменскаго благотворительнаго комитета. Остальныя же 3 семьи принесли съ собою въ Алтайскій округъ по 70—100 руб.,—деньги небольшія, но достаточныя, какъ точка опоры, при обзаведеніи. Изъ этихъ трехъ семей одна прожила въ Алтайскомъ округѣ 3 года и понесла большіе неурожаи; другую, кромѣ неурожая, сильно подрѣзалъ падежъ 2 лошадей; а третья семья разстроилась: умеръ взрослый сынъ и главный работникъ въ семьѣ, а отецъ сталъ сильно прихварывать. Неблагопріятныя условія, заставляющія возвращаться на родину, проявляются въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Но каковы бы ни были комбинаціи изъ неурожая, пожара, падежа или кражи лошадей, смерти или тяжкой болѣзни главныхъ работниковъ въ семьѣ—обратные переселенцы являются сельскимъ пролетаріатомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Изъ того факта, что каждый годъ приноситъ довольно большое число обратныхъ переселенцевъ, многіе склонны дѣлать заключеніе, неблагопріятное для переселеній вообще, и чуть ли не требовать во имя этого ихъ окончательнаго запрещенія. Цифры показываютъ, однако, что такое пессимистическое направленіе вовсе не оправдывается дѣйствительностью. За 1887—89 гг. и за первые 8 мѣсяцевъ

1890 года въ Томской губерніи водворилось 47,976 душъ (я не принимаю въ разсчетъ тѣ слишкомъ 12,000 душъ, которыя только прошли чрезъ Томскую губернію, направляясь въ Восточную Сибирь). За тотъ же срокъ общее число обратныхъ переселенцевъ было 1,730 душъ. По отношенію къ водворившимся въ Томской губерніи обратные составляютъ только 3,6%. Эта цифра потому носитъ въ себѣ залогъ точности, что весьма близко подходитъ къ числу обратныхъ переселенцевъ, отмѣченныхъ конторою въ Батракахъ за 1881—85 гг. Впередъ прошло 52,213, а назадъ 1,760—3,5%. Если мы будемъ сравнивать цифру послѣднихъ лѣтъ съ общимъ числомъ переселенцевъ, прошедшихъ чрезъ Томскую губернію, то обратные составятъ только 2,3%. Это число должно быть признано очень умѣреннымъ.

Разсматривая обратныхъ переселенцевъ съ точки зрѣнія бремени, которымъ они могутъ лечь на сельскія общества, и хлопотъ, которыя могутъ причинить казнѣ, мы помѣстимъ въ одну категорію съ обратными и тѣхъ, которые не устраиваются на мѣстѣ: малая обезпеченность этихъ людей заставляетъ думать, что въ близкомъ будущемъ могутъ наступить условія, которыя, пожалуй, принудятъ и ихъ возвратиться на родину. Для освѣщенія этой стороны дѣла вовсе нѣтъ сколько-нибудь пригодныхъ матеріаловъ. Но приведемъ данныя о переселенцахъ, которые ходатайствовали предъ правительствомъ о выдачѣ ссудъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей, и будемъ считать потребность въ ссудѣ за показателя большой нужды переселившихся.

Въ 1888—89 гг. въ Томской губ. водворилось 32,739 душъ, а въ теченіе 1889—90 гг. въ томскій губернскій совѣтъ поступили прошенія о ссудахъ деньгами и хлѣбомъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей отъ 658 семей, съ 4,344 душами, на сумму 19,042 р. 60 к., т.-е., о ссудахъ ходатайствовали только 12,3% всѣхъ переселившихся. Конечно, нѣтъ основанія считать всѣхъ лицъ, ходатайство-

вавшихъ о ссудѣ, переселенцами-неудачниками. Большинство возвратитъ ссуду и устроитъ свой хозяйственный бытъ.

Если бы, однако, представляя дѣло въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, мы оправдывали переселеніе только тѣхъ людей, которые не доставляютъ ужъ окончательно никакихъ хлопотъ ни начальству, ни сельскимъ обществамъ, къ которымъ они принадлежали, то должны были бы отнести въ эту группу всѣхъ, кто остался въ Сибири и не просилъ о ссудѣ; такіе составляютъ 84,1%, т.-е. подавляющее большинство, и только *менѣе одной шестой части* всѣхъ переселившихся должны быть отнесены, съ натяжками, къ переселенцамъ-неудачникамъ. Если бы мы не для какихъ-либо важныхъ научныхъ выводовъ или практическихъ результатовъ, а только изъ любопытства прослѣдили за относительнымъ числомъ неудающихся коммерческихъ предпріятій, за числомъ учениковъ въ высшихъ, среднихъ и даже низшихъ училищахъ, не оканчивающихъ курса, то признали бы результаты переселеній въ высшей степени благопріятными и отсюда получили бы право на выводъ, что, при серьезномъ матеріальномъ содѣйствіи государства, переселенія могутъ дать самыя благотворныя послѣдствія для всего нашего народнаго хозяйства.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ВЛІЯНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ НА НѢКОТОРЫЯ СТОРОНЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переселенія и интересы народнаго хозяйства.

Не нарушаютъ-ли переселенія крупныхъ интересовъ народнаго хозяйства?

Современная жизнь Америки обнаруживаетъ факты, которые служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, насколько переселенія соотвѣтствуютъ правильному хозяйственному разсчету. За послѣдніе годы многія сотни семей выселились изъ штатовъ Вермонъ и Нью-Гэмпширъ. Находясь въ восточномъ углу Соединенныхъ Штатовъ, въ мѣстности, довольно густо населенной, вблизи такихъ промышленныхъ и богатыхъ областей, какъ Нью-Іоркъ, Массачусетсъ, Коннектикутъ, имѣя много желѣзныхъ дорогъ и удобныхъ водныхъ путей, эти штаты представляютъ, повидимому, всѣ условія для успѣшнаго занятія сельскимъ хозяйствомъ. А между тѣмъ покинуты сотни фермъ, площадью отъ нѣсколькихъ десятковъ до 200 акровъ. Мѣстами хозяйственныя постройки пришли въ совершенную ветхость; мѣстами онѣ находятся еще въ полной исправности. Теперь въ этихъ мѣстностяхъ можно купить по 2—3 доллара за 1 акръ такія имѣнія, которыя еще недавно сдавались въ аренду по 7—8—10 долларовъ отъ акра. Чему же приписать эти выселенія? Тому, что сельскій хозяинъ этого края, неся въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ издержки производства и продавая земледѣльческіе продукты по цѣнѣ,

все болѣе дешевой (въ связи съ развившейся внутренней и иностранной конкурренціей), нашелъ веденіе хозяйства невыгоднымъ. Разъ явилось это сознаніе, — и многіе хозяева рѣшили передвинуться на мало населенный западъ, гдѣ обиліе незанятыхъ и дѣвственныхъ земель позволяетъ еще долгое время вести хозяйство безъ удобренія, при небольшомъ количествѣ скота, словомъ, съ незначительными издержками производства. А если американецъ, подъ вліяніемъ этихъ мотивовъ, не хочетъ выжидать, оставляетъ насиженное гнѣздо даже со всѣми постройками и другими принадлежностями хозяйства, то какъ не считать естественными и разумными стремленія многихъ тысячъ русскихъ людей оставить нищенскій надѣлъ, бѣдный отъ природы и истощенный продолжительною культурой, чтобы передвинуться на востокъ въ болѣе благопріятныя условія внѣшней природы?

Да, это стремленіе естественно: оно вытекаетъ не изъ прихоти, не изъ склонности къ бродячей жизни, а изъ необходимости; оно не привито извнѣ, а издревле, съ самаго начала исторической жизни, упрочилось въ сознаніи и стало вѣрнымъ, необманывающимъ инстинктомъ. Попытаемся же доказать, что, принося огромныя выгоды, переселенія не могутъ имѣть вредное вліяніе на какую-либо сторону русской общественной жизни.

I.

При обсужденіи переселенческаго вопроса, противники передвиженій крестьянъ на востокъ нерѣдко выдвигаютъ аргументъ, что выселенія особенно нежелательны у насъ въ Россіи, странѣ малонаселенной, что только значительная густота населенія обезпечиваетъ народу и ростъ благосостоянія, и поднятіе духовной культуры. Если, такимъ образомъ, переселенія уменьшаютъ данныя для хозяйственныхъ успѣховъ на мѣстахъ, откуда выходятъ переселенцы, то они

не могутъ имѣть особенно выгоднаго вліянія и на мѣста ихъ водворенія: необозримыя пространства Азіатской Россіи въ теченіе еще многихъ поколѣній не достигнутъ той плотности населенія, которая служитъ главнымъ залогомъ высокой гражданственности. Не лучше ли, поэтому, вычеркнуть переселенческій вопросъ изъ списка вопросовъ нашей внутренней политики? Не лучше ли, отказавшись отъ ежегоднаго передвиженія нѣсколькихъ тысячъ крестьянскихъ семей изъ Европейской Россіи въ Азіатскую, позаботиться о томъ, чтобы на старомъ пепелищѣ, покидаемомъ переселяющимися, были созданы условія, которыя позволяютъ вести интенсивное хозяйство?

Нашему слуху съ ранняго дѣтства становится привычнымъ положеніе, что матеріальные и духовные успѣхи возможны только при значительной густотѣ населенія. Каждый учебникъ политической экономіи знакомитъ насъ съ тѣми мѣрами, которыми въ прежнія времена правители разныхъ странъ поощряли размноженіе людей. Съ тѣмъ вмѣстѣ каждый учебникъ напоминаетъ, что чрезмѣрная населенность ведетъ къ развитію пауперизма и дѣлаетъ эмиграцію необходимой. Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ, какая наименьшая плотность населенія необходима для развитія гражданственности и гдѣ предѣлъ, дальше котораго возростаніе населенности уже связано съ крупными невыгодами для народной жизни?

Изученіе современнаго состоянія европейскихъ народовъ обнаруживаетъ тщетность попытки отвѣтить на поставленные вопросы какими-либо точными числами. Оно убѣждаетъ, что страны, населенность которыхъ относится какъ 20 : 1, могутъ и пользоваться благосостояніемъ, и стоять на высокомъ уровнѣ духовнаго развитія Бельгія имѣетъ населеніе въ 200 чел. на 1 кв. километръ, Англія съ Уэльсомъ — 173, Ломбардія — 169, Данія — 55, Швеція — 11, Норвегія — 6. Если можно согласиться, что Бельгія или Англія превосходятъ богатствомъ и духовною культурою скандинавскія государства, если даже допустить, что онѣ

значительно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи, то будетъ совершенно нелѣпымъ предположеніе, что они превосходятъ Швецію или Норвегію въ 10—20—30 разъ, т.-е. хотя бы приблизительно въ той пропорціи, въ какой они превосходятъ ихъ населенностью. За предѣлами Европы, въ странахъ самой высокой культуры, которыя смѣло соперничаютъ со старой цивилизаціей и даже превосходятъ ее, мы находимъ весьма незначительную населенность: въ Соединенныхъ Штатахъ она составляетъ только 5,5 чел. на 1 кв. километръ; если откинуть почти пустынныя Аляску, территоріи индѣйцевъ и отдаленнаго запада — и тогда населенность не превыситъ 9,4 чел. на 1 кв. километръ [1]). Возьмемъ, далѣе, Викторію, значительнѣйшую и богатѣйшую британскую колонію въ Австраліи: на пространствѣ около 88,000 англ. квадр. миль она имѣетъ 1.060,000 жителей, что не превыситъ 4,6 чел. на 1 квадр. километръ. А всѣмъ извѣстно, что въ отношеніи богатства, матеріальныхъ удобствъ жизни, народнаго образованія и политическаго развитія Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Австралія даже превосходятъ Британскіе острова.

Не будучи въ состояніи опредѣлить хотя бы приблизительными цифрами ту низшую плотность населенія, которая необходима для общественнаго прогресса, мы не можемъ указать и высшій предѣлъ нормальной населенности. Въ графствѣ Миддльсексъ на 1 квадр. километръ приходится 4,000 чел.; въ департаментѣ Сены на такой же площади живетъ даже болѣе 30,000 чел. Если крайній предѣлъ возможной нормальной населенности далеко не достигнутъ еще ни одной страной, то и стремленіе выселяться изъ родины не стоитъ въ какой-либо прямой связи съ плотностью населенія. Сравнимъ, напр., эмиграцію изъ Великобританіи и Норвегіи. Въ 1887 году изъ Англіи съ Уэльсомъ выселилось 168,000 чел.; число эмигрантовъ изъ Норвегіи составило за тотъ же годъ 20,000. Если принять въ

[1]) По переписи 1880 года. Съ тѣхъ поръ населеніе, какъ разсчитываютъ, увеличилось на 40%.

разсчетъ, что населенность Англіи и Уэльса въ 28 разъ больше, чѣмъ Норвегіи, то выселеніе изъ Англіи, чтобы быть относительно равнымъ эмиграціи изъ Норвегіи должно составлять $20{,}000 \times 28 = 560{,}000$, т.-е. быть почти въ $3^1/_4$ раза больше цифры выселенія за послѣдній годъ. Мы получимъ еще болѣе рѣзкій контрастъ, если сравнимъ Францію и Швецію. Въ первой населенность достигаетъ 70 чел. на 1 километръ, а эмиграція за 1888 г. дала только ничтожную цифру въ 23,339 человѣкъ, тогда какъ изъ Швеціи, при населенности только въ 11 чел. на 1 кв. километръ, за 1887 годъ эмигрировало около 33,000, а среднее ежегодное число эмигрантовъ за послѣднія 7 лѣтъ превышало 35,000.

Имѣя передъ собой эти факты, мы можемъ и легче уяснить необходимость переселеній для крестьянъ многихъ мѣстностей нашего отечества, и понять, что слабая населенность Сибири нисколько не мѣшаетъ въ ней ни возростанію народнаго богатства, ни измѣненію къ лучшему другихъ условій культуры.

Мы показали, что абсолютно рѣдкое населеніе вовсе не исключаетъ необходимости эмигрировать. Шведы и норвежцы довольно большими массами оставляютъ свою родину, передвигаются въ Америку, страну иного языка, иныхъ нравовъ и обычаевъ, передвигаются, конечно, не изъ прихоти, а потому, что не могутъ создать для себя въ отечествѣ удовлетворительныхъ условій жизни. Если даже скандинавы, усвоившіе и въ земледѣліи, и въ обработывающей промышленности *довольно совершенные пріемы труда* и поднявшіе его производительность, чувствуютъ потребность выселяться, то тѣмъ болѣе понятна такая потребность въ Европейской Россіи, гдѣ населеніе гораздо болѣе густо, а техника—гораздо менѣе совершенна. Плотность населенія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи составляетъ 20 чел. на 1 кв. километръ. Оставляя въ сторонѣ эту общую цифру и ограничиваясь губерніями, которыя высылаютъ наибольшее число переселенцевъ, мы получимъ гораздо бо́льшую

плотность. Въ Орловской и Рязанской губерніяхъ на 1 кв. километрѣ живетъ уже 50 чел., въ Тульской—52, въ Курской до 60, въ Полтавской—61, въ Кіевской даже 65. Словомъ, въ губерніяхъ, откуда направляются главные потоки переселенцевъ, населенность въ 4—6 разъ выше, чѣмъ въ Швеціи, и въ 8—10 разъ больше, чѣмъ въ Норвегіи. Но пойдемъ дальше. Наклонность выселяться проявляется, главнымъ образомъ, среди крестьянъ, которые владѣютъ малымъ надѣломъ. Чтобы опредѣлить плотность населенія въ мѣстности, занимаемой данною группой, нужно принимать въ разсчетъ только ту площадь, на которой сидитъ данное сельское общество. Только на этой землѣ, уже по ея близости отъ усадьбы, оно можетъ прилагать настолько раціональную культуру, насколько она извѣстна русскому поселянину. Земли сосѣднихъ владѣльцевъ, сдаваемыя крестьянамъ въ аренду, обработываются, какъ извѣстно, способомъ самымъ первобытнымъ, никогда не видя удобренія. Какъ же велика плотность населенія на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ? Въ любой общинѣ, гдѣ, по выкупному договору, заключенному 25 лѣтъ тому назадъ, приходилось по 3 десятины на 1 ревизскую душу, теперь приходится не болѣе 2 десятинъ на 1 душу мужскаго пола или не болѣе 1 десятины на одного жителя вообще. А это составляетъ уже 100 душъ на 1 кв. километръ, – населенность, почти въ $1^1/_2$ раза бо́льшая, чѣмъ во Франціи. Но плотность населенія достигаетъ огромныхъ размѣровъ на земляхъ тѣхъ общинъ, которыя получили надѣлъ сиротскій или низшей нормы. тамъ мы найдемъ на 1 кв. километрѣ 300—400 душъ, т.-е. въ 1 —2 раза больше, нежели въ Бельгіи, которая изстари справедливо гордится своей высокой земледѣльческой культурой.

Итакъ, мы считаемъ доказаннымъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи густота населенія и несовершенство техники дѣлаютъ эмиграцію необходимой. Постараемся же выяснить, насколько значителенъ можетъ быть матеріальный и духовный прогрессъ при томъ рѣдкомъ населеніи,

которое имѣетъ теперь Сибирь, главное поле для нашей колонизаціи въ настоящемъ и будущемъ.

Населенность сибирскихъ губерній крайне незначительна. на 1 кв. версту приходится отъ 0,06 въ Приморской области и до 1,6 въ Томской губерніи. Однако, населеніе Тобольской, Томской губерній и даже Забайкальской области значительно гуще, нежели западныхъ территорій Соединенныхъ Штатовъ. Въ Сѣверной Америкѣ три штата, Колорадо, Орегонъ и Невада, имѣютъ по 0,7—0,3 жителя на 1 кв. килом. А всѣ 9 территорій имѣютъ въ среднемъ на 1 кв. километръ только 0,4; Аризона же и Монтана—даже 0,1—1,2, т.-е. плотность населенія въ 5—8 разъ меньше, нежели въ каждой изъ трехъ названныхъ сибирскихъ губерній. А въ нѣкоторыхъ округахъ Тобольской губерніи (Тюменскій, Ишимскій, Ялуторовскій, Курганскій) населенность достигаетъ уже 5—6—11 душъ на 1 кв. километръ, чего не имѣетъ ни одна изъ территорій Соединенныхъ Штатовъ.

При столь рѣдкомъ населеніи *успѣхи культуры вполнѣ возможны, если новоселы осѣдаютъ довольно значительными деревнями*: въ довольно большой группѣ уже возможно далеко идущее раздѣленіе труда. При такомъ поселеніи, ближайшія къ усадебной осѣдлости земли могутъ быть полемъ для развитія болѣе или менѣе интензивнаго хозяйства, а отдаленныя—лѣса, выгоны должны служить тѣмъ даровымъ, доступнымъ фондомъ, который будетъ выручать въ черный день и удовлетворять нужды нарождающихся поколѣній. Все это побуждаетъ насъ заключить, что рѣдкость населенія сама по себѣ не будетъ, не можетъ быть преградою для культурныхъ успѣховъ русскаго востока.

II.

Противники переселеній нерѣдко выдвигаютъ тотъ аргументъ, что непрерывная погоня за новыми, еще дѣвственными землями служитъ легкимъ и доступнымъ выходомъ

для небрежности русскаго поселянина, его косности, его нежеланія усвоить болѣе совершенные земледѣльческіе пріемы. Наши ничтожные урожаи, періодическія голодовки стоятъ въ неразрывной связи съ нашимъ допотопнымъ трехпольемъ, нашимъ малосильнымъ скотомъ, нашими сохами, боронами, неизмѣнной рожью или гречихой, съ отсутствіемъ искусственныхъ удобреній. Если средствомъ отъ бѣдъ, вытекающихъ изъ нашей обветшалой земледѣльческой культуры, будетъ служить только оставленіе старыхъ земель и передвиженіе въ пустыни Сибири или Средней Азіи, то Россіи въ теченіе еще длиннаго ряда поколѣній будутъ чужды успѣхи сельскаго хозяйства, которые стали совершаться въ Западной Европѣ (особенно Англіи, Бельгіи, Ломбардіи, южной Германіи) уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Плохо родитъ земля—бросилъ ее, ушелъ за тысячи верстъ, сѣлъ на новомъ мѣстѣ, занесъ туда ветхозавѣтные пріемы сельскаго хозяйства и собираешь съ ихъ помощью удовлетворительную, а иногда и превосходную жатву. Можетъ ли при такихъ условіяхъ быть рѣчь о какихъ-либо успѣхахъ земледѣльческой техники?

Несостоятельность этой аргументаціи можетъ быть доказана изъ сопоставленія народнаго хозяйства съ хозяйствомъ отдѣльнаго лица; она можетъ быть выведена изъ исторіи хозяйства въ странахъ Западной Европы; она явствуетъ также изъ той обстановки, при которой совершаются, могутъ и будутъ совершаться переселенія въ предѣлахъ Русской земли.

Частное хозяйство имѣетъ тѣмъ болѣе данныхъ для успѣшнаго развитія, чѣмъ больше стараній прилагаетъ владѣлецъ къ пользованію принадлежащими ему силами природы. Гдѣ хозяйство ведетъ любитель, который извлекаетъ крупные доходы изъ иныхъ источниковъ и не придаетъ значенія доходности своей земли, тамъ улучшенія совершаются нерѣдко безъ строгой послѣдовательности и хозяйству не обезпечивается безостановочное и правильное возростаніе дохода. Какъ много знаемъ мы имѣній такихъ любителей,

гдѣ дорогой скотъ, дорогія машины, оранжерейная культура идутъ рука объ руку съ обширными площадями плодородной, но пустующей земли, или вовсе не взятой въ обработку, или же сдаваемой сосѣднимъ поселянамъ въ наемъ за ничтожную арендную плату. Огромное большинство хозяевъ, какъ бы ни былъ низокъ уровень ихъ земледѣльческаго искусства, занимается своимъ промысломъ, какъ главнымъ и даже единственнымъ источникомъ дохода. Это огромное большинство, этотъ, скажемъ мы, средній типичный сельскій хозяинъ не имѣетъ избыточныхъ средствъ, чтобы дѣлать крупныя и многочисленныя нововведенія и ожидать длинный рядъ лѣтъ, пока они начнутъ приносить доходъ. Но этотъ средній хозяинъ понимаетъ, что пользованіе лучшими клочками имѣнія можетъ доставить выгоды уже въ самомъ близкомъ будущемъ: и, вотъ, онъ выкорчевываетъ участки лѣса, имѣющіе самую плодородную почву, осушаетъ болотные сѣнокосы и только позднѣе, когда обильные урожаи хлѣба на свѣжихъ лядахъ и сѣна на осушенныхъ болотахъ подняли доходъ имѣнія, улучшаетъ скотъ, постройки, орудія, и, имѣя большой запасъ удобренія, отводитъ больше мѣста огородничеству и садоводству, т.-е. отраслямъ, характеризующимъ интензивную культуру. Экономія всего народа можетъ быть съ полнымъ правомъ уподоблена такому среднему типичному частному хозяйству. *Какъ для этого средняго хозяина естественно, благоразумно и необходимо прежде всего отыскивать въ своемъ имѣніи лучшіе клочки и изъ нихъ извлекать доходъ съ помощью старинныхъ пріемовъ, всѣмъ извѣстныхъ и не требующихъ затратъ, и уже позднѣе переходить къ болѣе сложнымъ и дорогимъ нововведеніямъ, такъ и для цѣлаго народа ближайшею и простѣйшею задачей служитъ планомѣрное размѣщеніе по всей территоріи и занятіе тѣхъ земель, которыя обѣщаютъ обильно вознаграждать трудъ поселенцевъ.* Неослабное стремленіе къ этой цѣли возвышаетъ уровень благосостоянія, увеличиваетъ въ хозяйствѣ свободные запасы

и позволяетъ совершать крупныя и коренныя улучшенія въ земледѣльческой техникѣ.

Исторія хозяйственнаго быта многихъ странъ Западной Европы убѣждаетъ насъ, что переселенія ни на одну минуту не задерживали развитія земледѣльческой техники. Въ теченіе 68 лѣтъ (1820—88) изъ Западной Европы выселилось около 22 милліоновъ душъ; изъ этой массы на одну Германію падаетъ до $5^1/_2$ милліоновъ, на Великобританію съ Ирландіей—болѣе 10 милліоновъ. Не взирая на такіе огромные размѣры выселеній, эти страны представляютъ намъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій картину огромныхъ успѣховъ земледѣлія. Данныя объ эмиграціи изъ западно-европейскихъ странъ позволяютъ намъ также сдѣлать заключеніе о томъ, что, при высокомъ уровнѣ знаній и выдающемся трудолюбіи нѣсколькихъ народностей, размѣры переселеній не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на успѣхи сельскаго хозяйства. Возьмемъ для сравненія Англію, Францію и Норвегію, страны съ умственно развитымъ, энергическимъ и трудолюбивымъ населеніемъ. Изъ этихъ странъ Франція наиболѣе отстала въ земледѣліи: средній урожай пшеницы не превышаетъ 8 четвертей съ 1 десятины, тогда какъ Англія имѣетъ наивысшую производительность почвы—до 13 четвертей съ 1 десятины, а Норвегія, еще въ 30 годахъ приводившая своей высокой культурой въ восхищеніе англійскаго путешественника, экономиста Лэнга, собираетъ на 1 десятинѣ до 11 четвертей пшеницы. Статистика же выселеній изъ этихъ странъ рисуетъ намъ такую картину: при общемъ числѣ жителей, нѣсколько бо́льшемъ, чѣмъ въ Великобританіи, Франція дала за 68 лѣтъ только до 460,000 эмигрантовъ, т.-е. въ 22 раза меньше, чѣмъ Соединенное Королевство. За то же время изъ Норвегіи, при населеніи въ 19—20 разъ меньшемъ, нежели во Франціи, выселилось около 400,000, т.-е. только на 15% меньше. Эти цифры позволяютъ намъ отнестись съ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ тому мнѣнію, будто бы значительные размѣры переселеній способны преграждать

путь успѣхамъ сельскаго хозяйства. Статистика переселеній очень несовершенна, однако, есть числовыя данныя, показывающія, что за иные годы эмигранты изъ Европы вывозятъ съ собою въ среднемъ на каждую душу большій капиталъ, нежели тотъ, который на ихъ родинѣ причитается на 1 жителя въ бѣднѣйшихъ слояхъ населенія. Такимъ образомъ, эмиграція отвлекаетъ не бѣднѣйшихъ гражданъ, но тѣхъ, которые и въ своемъ отечествѣ имѣли небольшія средства для занятія земледѣліемъ или какимъ-либо инымъ промысломъ. Но сопоставленіе Россіи со странами Западной Европы можетъ казаться неубѣдительнымъ потому, что наше отечество населенностью далеко уступаетъ другимъ государствамъ. Сравнимъ же Россію съ Сѣверной Америкой, страной, которая очень подходитъ къ намъ по рѣдкости населенія. Въ Сѣверной Америкѣ безостановочно совершаются переселенія изъ восточныхъ штатовъ на отдаленный западъ. Переселенческое движеніе особенно усиливается во время хозяйственныхъ кризисовъ: такъ было въ 1857 году, 73—74 гг. и началѣ 80-хъ годовъ. Съ какою энергіей происходитъ заселеніе свободныхъ земель, видно изъ того, что 10-го (22-го) апрѣля 1889 года, когда для переселенцевъ была, по распоряженію президента Гаррисона, открыта территорія Оклагома, на нее тотчасъ же ступили 50,000 поселенцевъ, предварительно собравшихся на границѣ и ожидавшихъ президентскаго разрѣшенія. Однако, столь значительные размѣры переселеній идутъ рука объ руку съ успѣхами американской культуры какъ въ довольно густо населенныхъ восточныхъ штатахъ, такъ и въ крайне рѣдко населенныхъ штатахъ запада. Новѣйшій изслѣдователь Америки Зееригъ знакомитъ насъ съ быстрымъ прогрессированіемъ молочнаго хозяйства, садоводства и огородничества въ старѣйшихъ штатахъ—Нью-Іоркѣ, Пенсильваніи и другихъ, а также съ повсемѣстнымъ примѣненіемъ элеваторовъ и новѣйшихъ машинъ въ западныхъ штатахъ—Миннезотѣ, Дакотѣ и иныхъ, населенность которыхъ, составляя только 0,1—1,2 души на 1 кв. кило-

метръ, не достигаетъ размѣровъ населенности въ нѣкоторыхъ округахъ Тобольской и Томской губерній. Итакъ, Сѣверная Америка, сходная съ Россіей по многимъ условіямъ хозяйственной жизни, даетъ намъ живое доказательство того, что переселенія и не тормозятъ успѣховъ сельскаго хозяйства въ мѣстностяхъ, которыя оставляются эмигрантами, и вызываютъ успѣхи земледѣльческой техники въ мѣстахъ водворенія поселенцевъ.

Обратимся къ доказательствамъ третьяго разряда. Посмотримъ, изъ кого состоитъ масса русскихъ переселенцевъ и могутъ ли главные участники этого движенія способствовать успѣхамъ земледѣлія на своемъ старомъ пепелищѣ?

По отчету г. Чарушина о переселеніяхъ въ Сибирь въ теченіе 1888 года, оказывается, что изъ 2,825 семей, о которыхъ были собраны подробныя свѣденія, 1,250 семействъ, т.-е. болѣе 44%, имѣли при себѣ, по прибытіи въ Томскъ, не болѣе 10 р. каждое, а частію и вовсе не имѣли денегъ; 819 семей, или почти 29%, имѣли по 10—50 руб. каждая. Итакъ, 73% переселенцевъ буквально не имѣли средствъ обзавестись хозяйствомъ на мѣстѣ водворенія. Эти цифры способны, однако, вызвать во многихъ предположеніе, что эта бѣднота, не имѣя средствъ для хозяйства на новомъ мѣстѣ, могла бы хозяйничать на родинѣ, и не только хозяйничать, но и улучшать свои хозяйственные пріемы: вѣдь, кромѣ 20—30 рублей, оставшихся въ Томскѣ, были еще деньги, израсходованныя на переѣздъ. Да, конечно, была еще сотня рублей, быть можетъ, полторы сотни, но эти суммы были выручены изъ ликвидаціи стараго хозяйства, продажи надворныхъ построекъ, части скота, орудій. Останься эти семьи дома, и ни у одной изъ нихъ, по скудномъ удовлетвореніи потребностей и уплатѣ податей, не освободилось бы и 10 р. въ годъ, чтобы купить лишнюю скотину и имѣть лишнее удобреніе. Но, сверхъ 73%, найдется еще не мало такихъ, которые, по прибытіи въ Томскъ, имѣли больше 50 рублей, быть можетъ, до 100 рублей и все же не могли бы на

родинѣ отложить отъ насущныхъ нуждъ 20—30 руб. въ годъ, чтобы завести лучшій рабочій скотъ или пріобрѣсти лучшій мертвый инвентарь. Такія же скудныя денежныя средства имѣло и въ 1890 году большинство переселенцевъ (см. выше, стр. 32). Мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что $^{9}/_{10}$ *всей массы переселенцевъ не въ состояніи способствовать успѣхамъ земледѣлія на своей родинѣ.*

Среди переселенцевъ есть люди извѣстнаго матеріальнаго достатка, но не они образуютъ большинство. Крестьянинъ, которому живется сносно, вообще склоненъ остаться на родинѣ. Выходъ изъ общества нѣсколькихъ десятковъ семей измѣняетъ къ лучшему положеніе остающихся: на каждый дворъ приходится лишняя десятина земли, является возможность прокормить лишнюю голову скота и съ тѣмъ вмѣстѣ получить отъ хозяйства лишній рубль-другой, который можетъ быть затраченъ на серьезныя улучшенія.

Все изложенное побуждаетъ насъ заключить, что русскія переселенія, въ своей массѣ, оттягиваютъ изъ среды крестьянства тотъ контингентъ, которому не подъ силу какія-либо улучшенія въ хозяйствѣ, *которому подъ силу только самое экстензивное земледѣліе.* Та же часть крестьянства, которая имѣетъ хотя малую возможность сберечь копѣйку и затратить ее на улучшеніе хозяйства, въ массѣ своей остается дома.

III [1]).

Многіе видятъ въ переселеніяхъ условіе, способное поднять заработную плату сельскихъ рабочихъ и уменьшить выгодность сельскаго хозяйства для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ. Такая перспектива вызываетъ нерѣдко пожеланія, чтобы переселенія совершались въ возможно скромныхъ размѣрахъ и

[1]) Авторъ этого труда принадлежитъ къ землевладѣльцамъ той мѣстности (Суражскій уѣздъ Черниговской губ.), откуда за 80-е гг. было довольно много переселенцевъ.

чтобы государство не расходовало средствъ для облегченія массамъ передвигаться на востокъ, въ болѣе благопріятныя для нихъ условія жизни. Не говоря объ узкости и неправильности такого взгляда, разсматривающаго важный вопросъ народнаго хозяйства съ точки зрѣнія хозяйства частнаго, слѣдуетъ замѣтить, что опасенія этого рода совершенно напрасны: не трудно показать, во-первыхъ, что переселенія, даже въ 5—10 разъ превышающія ихъ нынѣшніе размѣры, не могутъ имѣть замѣтнаго вліянія на высоту заработной платы, и, во-вторыхъ, что даже замѣтное ея повышеніе не послужитъ причиной крупныхъ затрудненій для нашихъ сельскихъ хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ.

По оффиціальнымъ отчетамъ о движеніи переселенцевъ, ежегодное ихъ число не достигаетъ 50,000 душъ. Допустимъ, однако, что общее число лицъ, оставляющихъ родину, достигаетъ 10,000 семей, т.-е. 50,000 душъ обоего пола: и тогда число переселенцевъ составитъ только небольшую долю годичнаго прироста населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, которыя уступаютъ дальнему востоку хотя небольшое число своихъ сыновъ.

По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета за 1885 г., приростъ населенія 50 губерній Европейской Россіи опредѣлялся цифрою болѣе 1 милліона, изъ котораго болѣе 900,000 приходится на населеніе деревень. Главныя массы переселенцевъ выдѣляютъ изъ себя черноземныя великороссійскія губерніи и губерніи Малороссіи. Меньшій процентъ составляютъ крестьяне центральныхъ нечерноземныхъ и среднихъ поволжскихъ губерній. По отчету за прошлый годъ (до 1 сентября 1890), среди переселенцевъ, прошедшихъ чрезъ Томскъ, въ значительномъ числѣ были крестьяне 12 губерній [1]). Основываясь какъ на этихъ, такъ

[1]) Дали семействъ: Курская—1241, Тамбовская—269, Вятская—182, Пермская—129, Нижегородская—119, Казанская—110, Самарская, Харьковская, Воронежская, Уфимская—отъ 50 до 100 каждая, Пензенская и Саратовская отъ 40 до 50 каждая и т. д.

и на данныхъ за предыдущіе года и принимая въ разсчетъ переселенія на Кавказъ и въ южныя губерніи, мы можемъ утверждать, что переселенія совершаются не менѣе, чѣмъ изъ одной трети русскихъ губерній, на которыя падаетъ ежегодный приростъ сельскаго населенія болѣе 300,000 душъ. Но если даже предположить, что приростъ въ этой полосѣ не превышаетъ 300,000 и тогда цифра переселенцевъ составитъ только $16^2/_3\%$ всего годичнаго прироста. Ежегодное передвиженіе въ плодородныя и малонаселенныя восточныя губерніи Европейской Россіи, на Кавказъ и въ Сибирь 60,000 семействъ или 300,000 душъ было бы величественнымъ явленіемъ въ ряду фактовъ нашей экономической политики. Такое передвиженіе, далеко превосходя своими размѣрами не только скромныя цифры дѣйствительности, но и пожеланія, которыя отъ времени до времени высказываетъ наша публицистика, не превышало бы, однако, ежегоднаго прироста населенія и не умаляло бы числа рабочихъ рукъ, которыми располагаютъ нынѣ наши крупныя и среднія сельскія хозяйства. Такъ какъ переселенія совершаются не въ одиночку, не одними лицами въ возрастѣ полной рабочей силы, а семьями, въ которыхъ, если группа довольно велика, распредѣленіе членовъ по поламъ и возрастамъ соотвѣтствуетъ распредѣленію жителей цѣлыхъ селеній и уѣздовъ, то пробѣлъ, оставляемый выбывающими, немедленно пополнялся бы путемъ нарожденія и безостановочнаго передвиженія юныхъ членовъ остающихся группъ въ возрастъ полурабочей или полной рабочей силы.

Если отливъ числа переселенцевъ, равнаго ежегодному приросту населенія, не можетъ имѣть вліянія на повышеніе платы сельскимъ рабочимъ въ Европейской Россіи вообще, то возможно небольшое повышеніе въ отдѣльныхъ волостяхъ и даже уѣздахъ. Губерніи, поставляющія переселенцевъ, не въ равной степени участвуютъ и будутъ участвовать въ этомъ процессѣ, а потому, при общемъ итогѣ, равномъ ежегодному приросту населенія, изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ могутъ быть выселенія, превосходящія ежегодный приростъ,

тогда какъ изъ другихъ губерній они не будутъ достигать его. Но нѣкоторое повышеніе заработной платы, если бы оно вслѣдствіе этого наступило въ уѣздахъ первой группы, не только не будетъ опасно для хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, но даже должно быть признано желательнымъ.

Какъ ни низка плата русскимъ сельскимъ рабочимъ, какъ ни мизерны 20—30—40 копѣекъ, получаемыя рабочими во многихъ губерніяхъ даже лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, плата эта можетъ быть, пожалуй, тяжела для нашихъ сельскихъ хозяевъ. Каждый, знакомый съ условіями сельскаго хозяйства, знаетъ, что у насъ, при огромной, безобразной длинѣ рабочаго дня, наемный трудъ менѣе производителенъ, нежели въ Западной Европѣ. И причина этого лежитъ какъ въ тѣлесной хилости дурно питающагося русскаго работника, такъ и въ вяломъ отношеніи нашихъ сельскихъ хозяевъ къ ихъ исконному занятію, въ слѣдованіи тѣмъ пріемамъ стародавней земледѣльческой культуры, которые рѣшительно не соотвѣтствуютъ измѣнившимся условіямъ нашего экономическаго быта. Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, дѣлая трудъ нашего сельскаго рабочаго менѣе производительнымъ, служатъ причиною бездоходности многихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ и позволяютъ Америкѣ и Австраліи успѣшно соперничать съ нами на всемірномъ рынкѣ, хотя ихъ сельскіе рабочіе получаютъ плату въ 3—4 раза высшую, нежели наши. Но и въ предѣлахъ нашего отечества мы имѣемъ широкое поле для наблюденія, что самая низкая плата не есть въ то же время плата, наиболѣе выгодная для сельскаго хозяина. Рабочая плата въ прибалтійскихъ и привислянскихъ губерніяхъ стоитъ вообще на 30—40—50% выше платы въ средней Россіи, и именно въ этихъ губерніяхъ хозяйство поставлено наиболѣе удовлетворительно, именно изъ нихъ всего рѣже слышались жалобы на безпомощное положеніе землевладѣльцевъ. Плата сельскимъ рабочимъ стоитъ всего ниже въ сѣверско-бѣлорусскомъ Полѣсьѣ, обнимающемъ гу-

берніи Минскую, Могилевскую и сѣверную часть Черниговской, и именно въ этой полосѣ сельское хозяйство наиболѣе отстало сравнительно даже съ тѣмъ, что представляетъ сѣверная Россія. Напротивъ, въ губерніяхъ южнорусскихъ плата стоитъ въ $1^1/_2$—2 раза выше, чѣмъ вознагражденіе труда въ средней Россіи [1]); въ иные годы недостатокъ рабочихъ рукъ еще болѣе повышаетъ эту плату,— однако, въ этихъ губерніяхъ хозяйство болѣе доходно, нежели въ мѣстностяхъ съ низшей рабочей платой. Извѣстная часть этого явленія можетъ быть приписана плодородной почвѣ южной Россіи; но важной причиной служатъ также усовершенствованія въ пріемахъ труда, которыя замѣчаются именно въ этихъ губерніяхъ. Примѣненіе къ сельскому хозяйству паровыхъ двигателей и разнообразныхъ машинъ, многократно увеличивающихъ производительность труда, встрѣчается наиболѣе часто въ губерніяхъ Бессарабской, Екатеринославской, Каменецъ-Подольской, Херсонской.

Если, такимъ образомъ, множество фактовъ, и въ нашемъ отечествѣ, и далеко за его предѣлами, указываютъ на примѣры крайней бездоходности сельскаго хозяйства при низкой денежной рабочей платѣ и на возможность вести его съ выгодой при платѣ номинально высокой, то землевладѣльцы губерній, гдѣ переселенія постепенно могутъ нѣсколько повысить рабочую плату, вовсе не въ правѣ рисовать будущее мрачными красками. Напротивъ, мы убѣждены, что небольшое повышеніе платы, еслибы оно дѣйствительно произошло, доставитъ даже выгоду хозяйствамъ, примѣняющимъ наемный трудъ. Это обстоятельство дастъ землевладѣльцу новый толчокъ къ тому, чтобы разстаться со старой, заржавѣвшей колеей и перейти къ системамъ хозяйства, болѣе соотвѣтствующимъ условіямъ внутренняго

[1]) По даннымъ департ. землед. и сельск. промышленн., лѣтомъ 1888 года поденная плата пѣшему рабочему составляла 70 коп. въ 3 прибалтійскихъ губерніяхъ, 45—55 к. въ губерніяхъ Пензенской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и другихъ, 40—45 к. въ Минской, Могилевской, сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской и 80—90 къ Таврической и Херсонской.

и международнаго рынковъ, а потому и болѣе выгоднымъ. Вотъ почему переселенія, разсматриваемыя даже съ такой узкой частно-хозяйственной точки зрѣнія, не представляются противными интересамъ капиталистическаго сельскаго хозяйства; они могли бы послужить для него поводомъ къ замѣтному движенію впередъ.

Попытаемся, однако, перейти на почву права. Намѣренно оставляя въ сторонѣ нужды переселяющихся, намѣренно съуживая вопросъ, мы сравнимъ сталкивающіеся частные интересы и постараемся вывести изъ нихъ нѣкоторыя руководящія начала для политики переселеній.

Землевладѣлецъ Курской, Полтавской, Рязанской губерній привыкъ платить сельскимъ рабочимъ по 30—40—50 коп. въ день. Онъ опасается, чтобы выселенія не подняли поденной платы до 60—70 к. Положимъ, что государственная власть считаетъ переселенія въ интересахъ самихъ переселяющихся излишними и смотритъ на нихъ, какъ на явленіе, допустимое лишь подъ условіемъ, чтобы крупное и среднее сельское хозяйство не несло матеріальныхъ убытковъ. При такой точкѣ зрѣнія, было бы послѣдовательно не разрѣшать переселеній или съуживать ихъ размѣры, еслибы всѣ крупные и средніе сельскіе хозяева Россіи раздѣляли эти опасенія. Однако, мы видимъ совсѣмъ иное: въ Оренбургской, Уфимской, восточной части Самарской губерній и многихъ другихъ рѣдконаселенныхъ мѣстностяхъ землевладѣльцы жалуются на необезпеченность своихъ хозяйствъ рабочими руками, на чрезмѣрно высокую плату, на крайнюю трудность хозяйничать съ правильнымъ разсчетомъ и т д. Эти хозяева платятъ по 70—80—100 коп. въ день и жалуются, что такія цѣны слишкомъ высоки. Эти хозяева жаждутъ, чтобы ихъ районы привлекали возможно большее число переселенцевъ, способныхъ, по ихъ убѣжденію, понизить заработную плату и сдѣлать веденіе хозяйства болѣе выгоднымъ. Если государство приводитъ переселенія въ связь съ интересами сельскихъ хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, то какія имѣетъ оно

основанія для предпочтенія выгодъ полтавскихъ, рязанскихъ или курскихъ землевладѣльцевъ интересамъ землевладѣльцевъ въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ?

Посмотримъ на другую сторону дѣла. Землевладѣлецъ Тульской, Орловской, Кіевской губерній привыкъ сдавать свои пахотныя и сѣнокосныя земли въ аренду по 18—20—25 р. за 1 десятину въ годъ. Переселенія для него нежелательны, такъ какъ, думаетъ онъ, арендная плата понизится на 20—30—40 проц. Но землевладѣлецъ Уфимской и Оренбургской губерній, Новоузенскаго и Николаевскаго уѣздовъ Самарской губ. сдаетъ землю въ наемъ по $1^1/_2$ р.—50 к. за 1 десятину. Перейдемъ въ Сибирь на казенныя земли, — тамъ мы найдемъ еще гораздо болѣе низкую арендную плату—въ 30, 20, 10, 5 коп. за 1 десятину. Затрудненіе переселеній въ широкихъ размѣрахъ, дабы поддерживать арендныя цѣны на ихъ настоящемъ уровнѣ, не можетъ быть оправдано ни экономически, ни юридически: оно не можетъ быть оправдано экономически, такъ какъ земли на восточной окраинѣ Европейской Россіи или въ Сибири и по качеству почвы, и, нерѣдко, по свойствамъ климата, въ которомъ лежатъ, отличаются не меньшею производительностью, чѣмъ земли густонаселенныхъ мѣстностей Европейской Россіи, а потому нѣтъ основанія, чтобы онѣ были въ 5, 10, 20 разъ рѣже населенными, чѣмъ земли черноземныхъ великороссійскихъ или малорусскихъ губерній. Еще труднѣе было бы отыскать для такого образа дѣйствій оправданіе юридическое. Почему тульскій землевладѣлецъ находится въ лучшемъ правѣ, нежели землевладѣлецъ самарскій или оренбургскій? Почему боязнь понизить арендную плату перваго съ 20 рублей за 1 десятину на 18 рублей должна перевѣшивать желаніе поднять арендную плату, получаемую вторымъ, съ 1 р. на 2 рубля за 1 десятину? Главный потокъ переселенцевъ направляется на кабинетскія земли Алтайскаго горнаго округа. Слѣдуетъ почаще вспоминать и о томъ, что, задерживая переселенія и мѣшая пони-

женію искусственно высокой арендной платы въ среднихъ губерніяхъ, мы препятствуемъ увеличенію доходовъ земель Его Императорскаго Величества. Столь же трудно доказать правильность такого образа дѣйствій въ виду несомнѣннаго ущерба, который онъ долженъ наносить казнѣ. Чѣмъ болѣе съуживаютъ переселенія, тѣмъ болѣе вѣроятія, что громадныя площади казенныхъ земель будутъ приносить только ничтожный доходъ, а наибольшая масса этихъ земель останется и вовсе необитаемою. А такое отношеніе, рѣзко противорѣча общеизвѣстной поговоркѣ, что „казенная копѣйка въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ“, выражало бы непонятное, ненормальное предпочтеніе частныхъ выгодъ интересамъ государственной казны.

Все сказанное побуждаетъ насъ установить слѣдующія положенія: 1) широкое развитіе переселеній могло бы причинить крупнымъ и среднимъ сельскимъ хозяевамъ только самыя незначительныя, скоро преходящія невыгоды, исчезающія съ улучшеніемъ земледѣльческой техники; 2) такая политика доставила-бы замѣтныя выгоды крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ въ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ, куда направляются переселенцы, и, наконецъ, 3) она увеличивала бы доходность казенныхъ земель, на которыхъ водворяются переселенцы.

IV.

Отстраняя нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ возраженій, мы считаемъ возможнымъ доказать, что переселенія способны приносить и, частью, приносятъ большія выгоды и государственному казначейству, и всему народному хозяйству Россіи, и что матеріальное содѣйствіе переселенцамъ было бы одною изъ самыхъ производительныхъ затратъ государственной казны.

Когда оспариваютъ положеніе, что государство должно оказывать матеріальное содѣйствіе переселенцамъ, то ссы-

лаются на скудость финансовыхъ средствъ, на обиліе и разнообразіе текущихъ потребностей и на сомнительную выгодность переселеній для государственнаго казначейства. Всѣ эти возраженія не убѣдительны.

Какъ въ жизни отдѣльнаго лица потребности, большею частью, превышаютъ средства къ ихъ удовлетворенію, такъ и въ государствѣ обыкновенно недостаетъ средствъ на покрытіе нуждъ, которыя заявляютъ о себѣ подъ вліяніемъ всѣхъ культурныхъ условій даннаго историческаго періода. Предположимъ, что въ странѣ отлично поставлено дѣло народнаго образованія, что школы и многочисленны, и удобно распредѣлены, и что, въ среднемъ, на каждыхъ 7 жителей приходится 1 учащійся. Какъ ни соблазнительно такое положеніе дѣлъ, однако, уже отмѣчаются новыя потребности, слышатся голоса, что нужно довести число учащихся до 2-хъ на каждые 11 жителей, что для этого нужно учредить еще столько-то сотенъ или тысячъ училищъ. Подобную же картину представляютъ намъ и всѣ другія стороны государственной жизни.

Но если ссылка на чрезвычайное обиліе и разнообразіе потребностей общества не можетъ быть признана въ какомъ-либо отношеніи убѣдительною, то нѣтъ основанія жаловаться и на скудость средствъ государственнаго казначейства.

Въ самомъ дѣлѣ, о „скудости“ государственныхъ финансовъ можно съ полнымъ правомъ говорить тогда, когда каждый финансовый годъ заключается крупными дефицитами, когда крупные недоборы по отдѣльнымъ статьямъ дохода свидѣтельствуютъ о чрезмѣрности податей и о коренныхъ недостаткахъ въ механизмѣ финансоваго управленія. Подобное положеніе дѣлъ, связанное обыкновенно съ дорогимъ и неустроеннымъ государственнымъ кредитомъ, исключаетъ возможность крупныхъ единовременныхъ затратъ, требуемыхъ, напримѣръ. переселеніями.

Можно говорить о скудныхъ средствахъ государственной казны и тогда, когда предлагаемый расходъ не удов-

летворяетъ важной жизненной потребности: желательно, напримѣръ, имѣть роскошное зданіе для присутственныхъ мѣстъ; однако, часто предпочтительнѣе довольствоваться старымъ, тѣсноватымъ и не совсѣмъ удобнымъ, чѣмъ затрачивать цѣлый милліонъ на сооруженіе новаго. Тамъ же, гдѣ финансы находятся въ состояніи равновѣсія, гдѣ финансовые года заключаются иногда даже съ небольшими избытками, и когда рѣчь идетъ о потребности первостепеннаго значенія, тамъ неумѣстны всѣ разсужденія о скудости финансовыхъ средствъ: если нельзя покрывать данную потребность изъ текущихъ доходовъ, то слѣдуетъ обращаться къ кредиту и черпать изъ этого источника въ размѣрахъ, которые опредѣляются самымъ характеромъ данной потребности. Къ такому-то выводу приглашаютъ насъ и состояніе русскихъ финансовъ, нынѣ вполнѣ удовлетворительное, и чрезвычайная важность переселеній въ хозяйственной жизни нашего народа.

Отстраняя два возраженія, мы оставляемъ третье во всей его силѣ. Не остается ли сомнѣніе относительно выгодности этихъ затратъ, способности ихъ создать новый источникъ казеннаго дохода и поднять производительность источниковъ, уже существующихъ? Выгодная сторона переселеній и состоитъ именно въ томъ, что гораздо легче доказать не только общественную, но и фискальную производительность этихъ затратъ, нежели отыскать убѣдительное и наглядное доказательство производительности относительно многихъ другихъ статей государственнаго расхода.

Когда дѣлаютъ затраты на реформу системы народнаго образованія или мѣстнаго управленія или суда, то выдвигаютъ начало государственной пользы въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ слова. Иногда поставленная цѣль достигается, и нѣкоторыя стороны народной жизни выигрываютъ отъ сдѣланныхъ нововведеній; нерѣдко избранныя средства оказываются вовсе непригодными, но никогда нельзя вычислить, какъ велики были выгоды, доставленныя этими мѣропріятіями народному хозяйству. Всѣ согласны, что воз-

вышеніе уровня народнаго образованія, общаго и спеціальнаго, постепенно увеличиваетъ рабочее искусство и поднимаетъ производительность труда. Однако, нельзя доказать, что открытіе одного или нѣсколькихъ учебныхъ заведеній во всѣхъ случаяхъ будетъ имѣть такое вліяніе; тѣмъ труднѣе вычислить, что данное учебное заведеніе, стоющее столькихъ-то затратъ, единовременныхъ и періодическихъ, можетъ въ такой-то пропорціи улучшить хозяйство населенія даннаго округа и доставить именно такія-то выгоды государственной казнѣ.

Установленіе этой связи, а тѣмъ болѣе точное числовое опредѣленіе хозяйственныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ извѣстнаго мѣропріятія, представляется относительно многихъ другихъ государственныхъ расходовъ уже окончательно невозможнымъ. Возьмемъ такой примѣръ: законъ ввелъ новую систему уголовныхъ наказаній, которая требуетъ коренного преобразованія тюремъ, связаннаго со многомилліонными затратами. Криминалисты настаиваютъ, что это необходимо; мы соглашаемся съ ними, но, уступая побужденіямъ гуманности, зная, что переустройство тюремъ облегчитъ участь заключенныхъ, мы не получаемъ даже слабой надежды на то, что число преступленій уменьшится, что общество будетъ ежегодно нести меньшую потерю изъ своего запаса рабочей силы или что благосостояніе его возвысится и затраченные милліоны принесутъ свои плоды. Правительственная власть часто находится въ такомъ положеніи: она совершаетъ расходъ, имѣя представленіе о его полезности и даже необходимости въ смыслѣ многостороннихъ интересовъ культуры, а министръ финансовъ изыскиваетъ средства для этого расхода въ полной увѣренности, что источники народнаго богатства хотя и не изсякнутъ, но и не станутъ болѣе обильными.

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляется расходъ на содѣйствіе переселенцамъ. Совершая такой расходъ съ обдуманностью, вызываемою каждымъ важнымъ актомъ въ государственной жизни, можно не только предвидѣть разно-

образныя выгоды, доставляемыя общественной жизни такимъ расходомъ, но и *довольно точно вычислить приростъ, который этотъ расходъ доставитъ народному имуществу и государственной казнѣ.*

Забудемъ о меньшинствѣ переселенцевъ, меньшинствѣ состоятельномъ, и поставимъ вопросъ, что̀ такое средній типичный выселенецъ на родинѣ и что̀ онъ такое на мѣстѣ своего водворенія?

На родинѣ переселенецъ обрабатываетъ свой крохотный, 2-хъ-десятинный, надѣлъ; изба его подгнила и покосилась; онъ ѣстъ лишь то и столько, чтобы не умереть съ голода; онъ—хроническій недоимщикъ по прямымъ податямъ; косвенныхъ налоговъ онъ не платитъ или почти не платитъ, такъ какъ почти не потребляетъ вина и вовсе не знаетъ чаю, сахару, пива. Едва-едва поддерживая свое бренное тѣло, онъ почти не покупаетъ мануфактурныхъ товаровъ и не открываетъ новаго рынка отечественнымъ фабрикамъ и заводамъ. Онъ нищъ и убогъ, жалокъ и приниженъ. Не доѣдая и не допивая, онъ даетъ бытіе тому малокровному, тщедушному поколѣнію, которое изъ года въ годъ поставляетъ все бо̀льшій процентъ людей, непригодныхъ къ отбыванію воинской повинности.

Что̀ изображаетъ изъ себя переселенецъ на мѣстѣ водворенія? Кто успѣлъ устроиться въ Сибири, тотъ, по отзыву всѣхъ нашихъ статистиковъ и этнографовъ, изучавшихъ бытъ новоселовъ, живетъ въ прочной просторной избѣ, имѣетъ въ 3—5 разъ больше скота, чѣмъ на родинѣ, не знаетъ лаптей, носитъ исключительно сапоги, не приходитъ изъ города или сельскаго базара безъ ситца или даже шерстяной ткани, безъ чаю и сахару. Весь жизненный обиходъ такихъ переселенцевъ представляетъ картину благосостоянія, рѣшительно неизвѣстнаго въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Къ фактамъ, уже приведеннымъ въ этомъ трудѣ, мы пріобщимъ свѣдѣнія г. Чарушина о развитіи заселка Новоегорьевскаго Локтевской волости, Бійскаго округа; г. Чарушинъ называетъ этотъ приростъ *чрезвы-*

чайно медленнымъ. Въ 1885 г., при водвореніи на участкѣ, 102 двора переселенцевъ имѣли 192 лошади, причемъ безлошадныхъ было 17 дворовъ, а съ 1 лошадью 31 дворъ. Чрезъ годъ, въ концѣ 1886 г. было 264 лошади, безлошадныхъ было 2 двора, а съ одной лошадью—26. Такимъ образомъ, чрезъ 1 годъ на каждый дворъ приходилось, въ среднемъ, уже не 1,89, а 2,59 лошади, и число имѣющихъ 2 лошади и болѣе было уже не 52,9 проц., а 73,5 проц. [1]). Для Сибири это—медленный ростъ благосостоянія. Но такой уровень благосостоянія высокъ, если сравнить его со многими мѣстностями черноземной Россіи. Возьмемъ на удачу нѣсколько земскихъ статистическихъ сборниковъ, и мы найдемъ въ нихъ такія цифры: по Суджанскому уѣзду на 1 надѣльный дворъ приходится всего 3 головы крупнаго скота; есть дворы, имѣющіе 1 лошадь, а безлошадные составляютъ 54 проц.; въ Воронежскомъ уѣздѣ, очень богатомъ лошадьми и крестьянскими конными заводами, на 1 дворъ приходится 2,1 лошади, а безлошадные составляютъ 21 проц. дворовъ; въ Спасскомъ уѣздѣ на 1 дворъ приходится 1,4 лошади, а безлошадные и однолошадные составляютъ 61,8 проц. О благопріятныхъ условіяхъ жизни переселенцевъ можно заключить уже по успѣхамъ, которые за послѣдніе годы сдѣлало крестьянское хозяйство въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ Томской губерніи. За послѣднія 10 лѣтъ въ этомъ краѣ разъѣзжаетъ много агентовъ отъ торговцевъ хлѣбомъ въ Европейской Россіи. Вывозъ хлѣба черезъ Уралъ увеличивается безостановочно. Усиленный спросъ на хлѣбъ повелъ къ большимъ улучшеніямъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: распространяются плуги, молотилки, вѣялки, сортировки, улучшенныя сѣмена. Крестьяне покупаютъ сѣмена для посѣва въ Семипалатинской ордѣ, а орудія изготовляются переселенцами-кустарями. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ уже производятся вѣялки, цѣною отъ 12 до 30 рублей, а одна мастерская въ Бійскѣ

[1]) *Чарушинъ*. Отчетъ о движеніи переселенцевъ чрезъ Томскъ за 1888 годъ.

изготовляетъ даже большія молотилки, въ 200 и 250 рублей за штуку. Кто не имѣетъ своихъ машинъ, тотъ пользуется услугами кустарей: они объѣзжаютъ крестьянскіе дворы съ вѣялками и сортировками и работаютъ по найму. Мы находимъ оффиціальное признаніе того, что обзаведеніе хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ водворенія, если переселенцевъ не постигли въ пути или на мѣстѣ водворенія какія-либо несчастія, производится хотя медленно, но съ послѣдовательностью [1]). Для примѣра сдѣлаемъ ссылку на деревню Ивановку Бійскаго округа, гдѣ въ 1866 г. (годъ водворенія) было 12 головъ рогатаго скота, 65 лошадей, засѣяно хлѣбомъ 23 десятины, а въ 1882 г. 361 голова рог. скота, 344 лошади и 363 десятины подъ хлѣбомъ. И даже на арендуемыхъ земляхъ въ Уфимской губерніи, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ арендованія, переселенцы успѣваютъ иногда устроиться очень хорошо [2]).

Чтобы опредѣлить въ цифрахъ приростъ общественнаго дохода, связанный съ переселеніями, мы должны припомнить, что средняя крестьянская семья ежегодно расходуетъ 400 рублей и изъ нихъ около 150 рублей на произведенія фабричной и заводской промышленности: вино, сахаръ, освѣщеніе, одежду, утварь, орудія [3]). Представимъ себѣ, что болѣе благопріятныя условія хозяйства на новыхъ мѣстахъ позволятъ каждой семьѣ переселенца расширить покупки этихъ товаровъ на 150 рублей, а освобожденіе многихъ земельныхъ надѣловъ увеличитъ покупательную силу каждой семьи, оставшейся на родинѣ, только 50-ю рублями; въ такомъ случаѣ каждая семья, устроившаяся на востокѣ, открываетъ нашимъ фабрикамъ и заводамъ рынокъ на лишнихъ 200 рублей въ годъ. 200 рублей выражаютъ ежегодный приростъ, который получитъ отъ каждой переселившейся семьи русское народное хозяйство.

[1]) Правительств. Вѣстн. 1882, 235. Въ Прав. Вѣстн. за 1881 и 1882 гг. было напечатано много интересныхъ данныхъ о переселеніяхъ.

[2]) Ср. *Ремезовъ*: Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, 1889, 120.

[3]) Ср. *Щербина*: Крестьянское хозяйство по Острогожскому уѣзду, 1887. Глава XVIII.

Можно безъ грубой ошибки вычислить долю государственнаго казначейства въ этихъ 200 рубляхъ. Вся сумма податей въ государственныхъ финансахъ, земскихъ, городскихъ и волостныхъ, составляетъ не менѣе 750 милліоновъ рублей въ годъ, т.-е. болѣе 7 р. на каждаго жителя. Если согласиться съ Мёлголломъ, что въ Россіи доходъ на 1 жителя составляетъ 55 рублей въ годъ, то окажется, что налоги поглощаютъ больше $^1/_8 — 13^0/_0$. Такимъ образомъ изъ 200 рублей въ казну поступитъ цѣлыхъ 26 рублей. Въ дѣйствительности же, пріобрѣтеніе казны выразится гораздо болѣе крупною цифрой: 200 рублей представляютъ приростъ въ потребленіи наиболѣе распространенныхъ товаровъ—вина, сахару, чаю, ситца, желѣза; а такъ какъ въ цѣнѣ многихъ товаровъ налогъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ процентовъ, то можно смѣло утверждать, что въ 200 рубляхъ, по крайней мѣрѣ, 40 рублей, т.-е. 20 проц., составятъ долю государственнаго казначейства. Итакъ, скажемъ мы, *каждая семья, переселившаяся на востокъ и устроившаяся на новомъ мѣстѣ, даетъ государственному казначейству ежегодный приростъ дохода на сорокъ рублей.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переселенія и интересы внѣшней политики.

I.

Противъ переселеній изъ среднихъ губерній на востокъ часто возражаютъ потому, что такая политика, будто бы, позволяетъ нѣмцамъ занимать наши юго-западныя окраины и постепенно совершать мирное завоеваніе нашего отечества. Въ случаѣ войны съ Германіей онѣмеченная западная граница послужила бы для врага очень удобнымъ мѣстомъ стоянки. Посмотримъ же, имѣютъ-ли какую-либо связь переселенія русскихъ крестьянъ на восточныя окраины Европейской Россіи и въ Сибирь съ приливомъ въ Россію иностранцевъ, преимущественно – нѣмцевъ. Не направляется-ли волна иммиграціи, именно, въ тѣ губерніи и уѣзды, откуда исходятъ русскіе переселенцы?

При статьяхъ г. Велицына („Иностранная колонизація въ Россіи“, „Русск. Вѣстн.“, 1889, февраль), относящагося къ факту вселенія въ Россію иностранцевъ съ большою боязнью, приложены карты и таблицы распредѣленія по уѣздамъ земель, которыя принадлежатъ иностраннымъ подданнымъ и бывшимъ нѣмцамъ-колонистамъ. Вся площадь земли опредѣляется цифрою около $4^1/_2$ милліоновъ десятинъ, распредѣляющихся по 17 губерніямъ. Изъ этой площади,

составляющей 5,03 проц. всего пространства 17 губерній, на владѣнія не русскихъ подданныхъ приходится только около 640 тысячъ десят. въ 14 губерніяхъ, т.-е. только 0,71 проц. всей ихъ площади. Главная же масса падаетъ на земли бывшихъ колонистовъ, живущихъ въ Россіи десятки лѣтъ, даже 100 лѣтъ и болѣе. Мы полагаемъ, что нѣтъ никакого основанія смѣшивать эти обѣ группы въ одно безразличное цѣлое. Можно говорить о неудобствахъ, связанныхъ съ покупкою иностранными подданными большой площади земли на нашихъ западныхъ окраинахъ. Но ужъ совершенно нелѣпо видѣть что-то враждебное въ колонистахъ, давно ставшихъ русскими подданными, успѣвшихъ утратить чистоту нѣмецкаго языка и несущихъ повинности не менѣе добросовѣстно, чѣмъ и все славянское населеніе Имперіи.

Допустимъ, однако, что всѣ землевладѣльцы изъ нѣмцевъ, какъ русскіе подданные, такъ и иностранные, образуютъ одно цѣлое, рѣзко отличное отъ коренного населенія Имперіи: въ какомъ-же отношеніи стоятъ они къ русскимъ переселенцамъ?

Изъ всѣхъ 17 губерній для 13—есть поуѣздныя данныя о землевладѣніи нѣмцевъ, бывшихъ колонистовъ и иностранныхъ подданныхъ. Въ 14 уѣздахъ имъ принадлежитъ болѣе 10 проц. всей площади земли: это—уѣзды 6 губерній—Бессарабской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической на югѣ и Самарской и Саратовской—на юго-востокѣ; въ двухъ изъ 14 уѣздовъ—Маріупольскомъ и Аккерманскомъ—въ рукахъ нѣмцевъ находится очень много земли—52,72 проц. и 47,01 проц. общей площади. За этими мѣстностями слѣдуютъ 6 уѣздовъ (Волынской, Таврической и Самарской губерній), гдѣ нѣмцамъ принадлежатъ болѣе 5 проц. всей площади. Въ 9 уѣздахъ названныхъ губерній, а также Кіевской и Черниговской, нѣмцы имѣютъ 2—5 проц. всей площади; въ 9 уѣздахъ имъ принадлежитъ 1—2 проц.; наконецъ, въ 17 уѣздахъ (куда относятся также нѣкоторые уѣзды губерній Полтавской, Воро-

нежской и Астраханской) площадь земли во владѣніи нѣмцевъ составляетъ 0,01—0,92 проц. всего пространства.

Губерніи со сколько-нибудь значительною площадью земли въ рукахъ нѣмцевъ или вовсе не выдѣляютъ изъ себя переселенцевъ, или выдѣляютъ только крайне малочисленныя группы. По оффиціальному отчету о дѣятельности переселенческой конторы въ Сызрани за 1881—86 годы, оказывается, что впередъ прошло 52,213 переселенцевъ, изъ которыхъ на 4 губерніи—Тамбовскую, Пензенскую, Рязанскую и Орловскую—приходится 41,689, т.-е. почти 80 проц., на одну Тамбовскую губернію приходится около 23,000, т.-е. 44 проц.; далѣе идутъ губерніи: Воронежская, Курская, Тульская и др. А по отчету сызранской переселенческой конторы за 1887 годъ, переселенцы принадлежали къ 14 губерніямъ: больше 500 душъ вышли изъ губерній Курской, Тамбовской, Полтавской, Харьковской, Орловской, области Войска Донского. Каждая изъ 8-ми губерній — Пензенская, Тульская, Саратовская, Рязанская, Черниговская, Воронежская, Симбирская и Калужская — дали менѣе 300 душъ. За 1890 годъ наибольшее число переселенцевъ дали губерніи: Курская, Тамбовская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Казанская (каждая больше 100 семей). Эти данныя показываютъ: 1) что главный потокъ переселенцевъ выходитъ изъ губерній Тамбовской, Курской, Пензенской, Орловской, Рязанской, области Войска Донского, которыя не уступили еще ни одного вершка земли ни нѣмцамъ-колонистамъ, ни, тѣмъ болѣе, иностраннымъ подданнымъ; 2) что значительное число переселенцевъ даютъ Черниговская и Полтавская губерніи, въ которыхъ лицамъ нерусскаго происхожденія принадлежитъ ничтожное количество земли—0,25 и 0,12 проц. всей площади; 3) что небольшое число переселенцевъ даетъ губернія Саратовская, которая хотя уступила лицамъ нерусскаго происхожденія 5,35 проц. всей земли, однако, только 0,03 проц. всего пространства перешли въ руки иностранныхъ подданныхъ; 4) *что изъ губерній Бессарабской, Таврической, Екатери-*

нославской, Волынской, гдѣ лицамъ нерусскаго происхожденія принадлежатъ сотни тысячъ десятинъ земли, 7, 8, 12, 16 проц. всего пространства, переселенія въ Сибирь вовсе не совершаются. Добавимъ къ этому, что привислянскія губерніи, гдѣ за послѣднее десятилѣтіе усилился нѣмецкій землевладѣльческій элементъ, также лежатъ за чертою района, на который распространяется переселенческое движеніе. Итакъ, заключимъ мы, между областями, выдѣляющими переселенцевъ въ Сибирь, и районами усиленія нѣмецкаго земледѣльческаго элемента есть рѣзко замѣтная территоріальная граница; и говорить, что переселенія на востокъ облегчаютъ притокъ въ Россію нѣмцевъ, значитъ обнаруживать полное незнакомство съ дѣломъ. Настаивая на необходимости вести переселенческую политику въ широкихъ размѣрахъ, мы имѣли передъ собой, именно, тѣ губерніи, изъ которыхъ выходятъ переселенцы, такъ какъ, именно, въ этихъ губерніяхъ уже издавна обнаружилась слишкомъ большая населенность и издавна всѣ условія жизни побуждаютъ извѣстную часть населенія отыскивать въ Сибири новое мѣстожительство.

Но возникаетъ и другой вопросъ: не было-ли бы цѣлесообразнѣе, при упорядоченіи переселенческаго движенія правительствомъ, устраивать переселяющихся не въ Сибири, Средней Азіи или на Кавказѣ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ особенно быстро распространяется нѣмецкое землевладѣніе?

На это слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. Экстензивность русскаго земледѣлія и медленность, съ какою развивается наше сельское хозяйство, заставляютъ двигать переселенцевъ туда, гдѣ населеніе довольно рѣдко и гдѣ быстрое размноженіе людей, свойственное нашему отечеству, не привело-бы въ скоромъ времени къ чрезмѣрной населенности. Такія условія представляютъ Азіатская Россія и востокъ Европейской; губерніи-же, гдѣ нѣмцы пріобрѣтаютъ участки земли въ значительномъ количествѣ, вообще, населены довольно густо и даже очень густо. На 1 квадратную версту приходится душъ: въ Екатеринослав-

ской—30,1, Херсонской—32,6, Волынской—34,8, Бессарабской—39,1, Кіевской—63,6, Подольской—64,1. Такимъ образомъ, губерніи, гдѣ довольно значительная площадь земли принадлежитъ иностраннымъ подданнымъ, имѣютъ населеніе средней густоты, а послѣднія двѣ—даже очень густое. Было-бы тѣмъ болѣе неблагоразумно направлять сюда потокъ переселенцевъ изъ Великороссіи, что губерніи, которыя даютъ наибольшее число переселенцевъ, населены немного гуще первыхъ четырехъ названныхъ губерній съ нѣмецкимъ землевладѣніемъ и гораздо рѣже Кіевской и Подольской: на 1 кв. верстѣ живетъ 47,8 душъ въ Орловской губерніи, 44,6—въ Тамбовской и 43,1 – въ Пензенской.

Но, относясь отрицательно къ переселеніямъ въ эти мѣстности изъ губерній великороссійскихъ, нужно энергически высказаться за содѣйствіе мѣстному населенію въ пріобрѣтеніи свободныхъ земель, которыя теперь часто переходятъ въ собственность иностранцевъ. Нелѣпо передвигать въ Волынскую, Подольскую или Херсонскую губерніи тамбовца, орловца или пензенца, когда и на мѣстѣ множество крестьянъ имѣютъ ничтожный надѣлъ. Еще въ концѣ 1878 года средній душевой надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составлялъ 2,61 десятины въ Волынской губерніи, 2,49—въ Подольской, 2,03 - въ Кіевской. Теперь надѣлы еще болѣе дробны, и потребность въ землѣ со стороны мѣстнаго населенія чрезвычайно велика. Однако, нуждающіеся въ землѣ имѣютъ слишкомъ малыя денежныя средства, чтобы покупать участки, которые легко пріобрѣтаются нѣмцами; а крестьянскій банкъ ставитъ такимъ покупщикамъ не довольно льготныя условія.

Слѣдя за дѣятельностью крестьянскаго земельнаго банка до 1-го декабря 1889 года, мы видимъ, что площадь земли, купленная крестьянами, тѣмъ болѣе велика, чѣмъ земля дешевле. Возьмемъ нѣсколько отдѣленій, дѣйствующихъ съ 1883 года:

	Крестьянами куплено десятинъ.	Цѣна 1 десятины:
Могилевское. . . .	122,670	20,0 руб.
Уфимское	120,515	20,4 „
Полтавское	95,304	92,7 „
Кіевское	45,558	90,0 „
Подольское	25,283	109,0 „

Съ помощью отдѣленій, основанныхъ въ 1886 году:

Минскаго	63,769	20,0 „
Симбирскаго. . . .	15,452	66,5 „
Бессарабскаго . . .	2,225	119,5 „

Если есть цифры, не подтверждающія высказаннаго нами правила, то большинство цифръ вполнѣ оправдываетъ его. И это понятно: средняя доплата крестьянъ составляетъ 20,8 проц. покупной цѣны, а въ благосостояніи губерній нѣтъ такой разницы, чтобы подолецъ или бессарабецъ могъ столь-же легко доплачивать 20 рублей на 1 десятину, какъ могилевецъ 4 – 5 рублей. Необходимость крупныхъ доплатъ и дѣлаетъ для поселянъ западныхъ губерній рѣшительно невозможнымъ соперничество съ нѣмцами, пріобрѣтающими земли въ этомъ краѣ.

Разсмотрѣніе этого вопроса нужно заключить пожеланіемъ, чтобы не смѣшивались чисто хозяйственные интересы средней Россіи, которая даетъ востоку наибольшее число переселенцевъ, и политическія соображенія, связанныя со вселеніемъ нѣмцевъ въ наши западныя пограничныя губерніи. Первыя потребности могутъ быть удовлетворены правильно упорядоченной переселенческой политикой; оплотъ-же противъ прилива иностранныхъ подданныхъ на западныя окраины можетъ быть поставленъ облегченіемъ условій кредита изъ отдѣленій крестьянскаго земельнаго банка, дѣйствующихъ на Волыни, въ Подоліи и Новороссіи.

II.

Но переселенія могутъ оказать крупныя услуги и внѣшней политикѣ Россіи.

И великія державы, и мелкія государства напрягаютъ всѣ силы, чтобы охранить свое внѣшнее могущество, дѣлаютъ чрезмѣрныя, крайне обременительныя затраты на улучшеніе войска въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Мелкія государства тянутся за большими; дотянуться до большихъ они не могутъ, а между тѣмъ находятся въ болѣе выгодномъ, скажу даже, въ завидномъ положеніи сравнительно со своими могущественными сосѣдями: какія пушки ни заведи Бельгія, Данія или Швейцарія, какія ни сдѣлай онѣ затраты на сооруженіе крѣпостей, въ какомъ совершенствѣ ни организуй онѣ свою провіантскую часть и до какой численности ни доведи онѣ свою военную силу—эти страны и другія, подобныя имъ, не могутъ и мечтать о серьезномъ сопротивленіи одной изъ великихъ державъ, для которой полмилліона солдатъ являются уже незначительной вооруженной силой. Самые пылкіе патріоты этихъ маленькихъ государствъ понимаютъ, что только покровительство могущественнаго сосѣда можетъ охранить ихъ отъ непріятныхъ сюрпризовъ. Сознаніе это настолько всеобще, что позволяетъ мелкимъ державамъ дѣлать сравнительно меньшія затраты на войско и флотъ [1]) и легко относиться къ тому или другому пробѣлу въ ихъ организаціи. Это не грозитъ отечеству опасностью, а между тѣмъ, эти прорѣхи въ военномъ и морскомъ дѣлѣ даютъ извѣстныя сбереженія и позволяютъ увеличить расходы по разнымъ отраслямъ внутренняго управленія, съ развитіемъ которыхъ и связаны культурные успѣхи народа.

Не таково положеніе государствъ, которыя и по обширности территоріи, и по числу жителей, и по историческимъ

[1]) По бюджету 1889 года, расходы на госуд. долгъ, войско и флотъ составляли: въ Англіи—56 мил. фунт.—64,3 проц., въ Россіи—528 мил. р.—61,5 проц., Бельгіи—143 мил. фр.—45,7 проц., Даніи—24 мил. кронъ—42,8 проц., Швейцаріи—24 мил. франк.—39,3 проц.

преданіямъ, призваны играть самостоятельную, а по временамъ и руководящую роль во внѣшней политикѣ. Какъ ни тяжело сознаніе, что главные вопросы внѣшней политики рѣшаются мечомъ, но такъ оно есть, такъ, вѣроятно, и будетъ еще довольно долгое время. А разъ это такъ, предъ великой державой возстаетъ жгучій вопросъ о томъ, какъ лучше заострить этотъ мечъ. Представимъ себѣ читателя газетъ, сколько-нибудь слѣдящаго за военнымъ дѣломъ: если онъ вычиталъ извѣстіе, что въ бельгійскомъ войскѣ вводится скорострѣльное ружье или бездымный порохъ, то, не интересуясь ружьемъ или порохомъ съ точки зрѣнія техники, онъ черезъ полчаса забудетъ о прочитанномъ; узнай онъ то же о германскомъ или австрійскомъ войскѣ, онъ подумаетъ, что и въ нашемъ отечествѣ не мѣшало бы сдѣлать подобное же нововведеніе. И, вотъ, вооруженія великихъ державъ, усиливаясь изъ года въ годъ, идутъ довольно дружнымъ темпомъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ огромны расходы европейскихъ государствъ на войско и флотъ. Негодуя на чрезмѣрность этихъ расходовъ, мы часто оставляемъ безъ должнаго вниманія одну сторону дѣла—соотношеніе этихъ расходовъ съ мѣропріятіями, направленными на развитіе внутренней жизни государства. Если, одновременно съ возрастаніемъ военныхъ расходовъ, культура, во всемъ многоразличіи своихъ образовъ, дѣлаетъ крупные успѣхи, то затраты на войско и флотъ, какъ бы онѣ ни были велики, все же могутъ быть долгое время выносимы народомъ; если культурные успѣхи незначительны, то улучшеніе войска и флота совершается на послѣднія средства; довольно одного-двухъ толчковъ, въ родѣ неурожая, чтобы улучшенія пріостановились, и страна, при быстрыхъ успѣхахъ въ этой области, отстала отъ своихъ сосѣдокъ.

Внѣшнему могуществу, поскольку оно опредѣляется военной силой, способствуютъ весьма разнообразные успѣхи культуры. Улучшеніе политическихъ учрежденій, развитіе народнаго образованія, конечно, способствуютъ возрастанію

и военнаго могущества. Но послѣднее стоитъ въ самой тѣсной, неразрывной связи съ условіями экономическими и санитарными. И связь эта двоякая: чѣмъ болѣе благопріятно поставлена страна въ отношеніяхъ хозяйственномъ и санитарномъ, тѣмъ легче можетъ она имѣть войско, физически сильное и хорошо вооруженное, т.-е. тѣмъ смѣлѣе можетъ она пойти на встрѣчу опасностямъ, которыя грозятъ ей извнѣ. И, во-вторыхъ, чѣмъ болѣе упрочилось за-границей мнѣніе объ отличномъ санитарномъ положеніи въ странѣ, т.-е. выносливости солдатъ, и объ упроченности народнаго богатства, тѣмъ сильнѣе убѣжденіе, что слѣдуетъ относиться къ такому сосѣду съ осторожностью и жить съ нимъ въ ладахъ.

Сопоставляя великія державы Европы въ этихъ отношеніяхъ, мы видимъ значительныя невыгоды на сторонѣ именно нашего отечества. Англія, которой островное положеніе позволяетъ имѣть небольшое и, какъ утверждаютъ знатоки, плохо организованное войско, можетъ всегда опереться на свое богатство; при крупныхъ и, частью, коренныхъ недостаткахъ своего экономическаго строя, она превосходитъ другія страны Европы и богатствомъ, и санитарнымъ состояніемъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для защиты колоній она имѣетъ флотъ, который, какъ бы ни нападали сами англичане на его слабыя стороны, все же превосходитъ военный флотъ другихъ государствъ. Франція понесла недавно страшный разгромъ; но вѣру въ ея чрезвычайную живучесть поддерживаетъ сознаніе, что она перенесла жестокую войну безъ разстройства финансовъ, безъ потрясенія на долгое время своей промышленности. Мы не говоримъ о выставкѣ 1889 года; но развѣ выставка 1878 г., чрезъ 7 лѣтъ по окончаніи войны, не доказываетъ, что тяжкія военныя испытанія имѣютъ для Франціи мимолетное значеніе? Такимъ образомъ, время, протекшее отъ послѣдней войны, было затрачено этой страною не только на усовершенствованіе войска, но и на различныя реформы во многихъ отрасляхъ внутренняго управленія.

Вычисленія нѣмецкихъ и другихъ экономистовъ показываютъ, что Германія далеко отстоитъ отъ Франціи по уровню своего благосостоянія. Однако, дѣйствительно превосходное войско, въ связи съ военнымъ престижемъ, равныхъ которому можно немного найти въ исторіи, создаютъ для Германіи прочное положеніе въ ряду европейскихъ державъ. Не обольщаясь этими благопріятными условіями, германское правительство работаетъ и надъ внутренними реформами; отмѣтимъ важнѣйшую,—организацію страхованія рабочихъ. Австрія? Она потому только и держится, что сосѣди не рѣшили еще, какъ ее раздѣлить.

До пятидесятыхъ годовъ настоящаго вѣка престижъ Россіи стоялъ чрезвычайно высоко. Этому, отчасти, способствовали громкіе подвиги русскаго войска и безостановочное расширеніе русской территоріи. Малое знакомство съ Россіей какъ насъ самихъ, такъ и иностранцевъ, упорно поддерживало убѣжденіе, что у насъ непочатый уголъ разнообразныхъ богатствъ. Если состояніе финансовъ и не было удовлетворительно, то всѣ были увѣрены, что за этимъ хозяйствомъ, малоустроеннымъ, стоитъ народное хозяйство, еще неразвитое, но изобилующее всѣми естественными богатствами. Русскій народъ представлялся семьей богатырей, которая можетъ выдерживать, не въ примѣръ прочимъ, голодъ, холодъ, всяческія невзгоды и совершать чудеса. Изученіе Россіи, сдѣлавшее за послѣднія 20 лѣтъ большіе успѣхи, показало, что въ этомъ мнѣніи было много преувеличеннаго. Изслѣдованія обнаружили, что наши естественныя богатства, особенно лѣса и плодородіе почвы, растрачиваются безжалостно; что земледѣльческая техника и урожайность стоятъ на крайне низкомъ уровнѣ; всеобщая воинская повинность даетъ у насъ—замѣтимъ, въ странѣ, по преимуществу, земледѣльческой и при снисходительномъ отношеніи къ новобранцамъ - 15—20 проц. лицъ, неспособныхъ къ военной службѣ по малому росту или тѣлеснымъ недостаткамъ. Итакъ, санитарныя условія неблагопріятны. Добавимъ къ этому, что и послѣдняя русско-турецкая война,

потребовавшая съ нашей стороны больше времени и силъ, нежели для Германіи борьба съ Франціей, неспособна всслить въ иностранцахъ убѣжденіе, чтобы мы могли выдержать продолжительную борьбу съ одной изъ великихъ державъ Европы, прежде всего, конечно, съ Германіей. Всѣ эти факты, наблюдаемые въ нашемъ отечествѣ, становятся почти немедленно достояніемъ и западно-европейской печати; всѣ эти факты доказываютъ, что внутренняя жизнь нашего отечества дѣлаетъ мало успѣховъ и что военный бюджетъ, дѣйствительно, крайне тягостенъ; всѣ эти факты подрываютъ престижъ Россіи, умаляютъ вѣру въ ея могущество.

Къ этимъ общимъ соображеніямъ присоединяется и вполнѣ естественная боязнь уже реальныхъ опасностей, которыя могутъ угрожать намъ со стороны восточныхъ сосѣдей. Въ литературѣ замѣчается разномысліе относительно государственной мощи, которую способенъ обнаружить Китай въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Мы не думаемъ, чтобы уже теперь намъ предстояло серьезное столкновеніе съ этимъ сосѣдомъ. Но если нѣтъ опасности въ настоящую минуту, то странно думать, что народъ, прожившій нѣсколько тысячелѣтій и размножившійся до сотенъ милліоновъ, не будетъ въ состояніи развить и большую военную силу, особенно при помощи западно-европейскаго военнаго искусства. А разъ опасность наступитъ для насъ хотя бы чрезъ 10 и даже 20 лѣтъ— разъ правильная переселенческая политика не устроитъ густой сѣти станцій между Западной Сибирью и восточными окраинами, наши пограничныя съ Китаемъ области будутъ оторваны или, по крайней мѣрѣ, опустошены съ тою безпощадностью, которая свойственна азіатскимъ завоевателямъ. Нужно подумать объ этомъ теперь же, и теперь же нужно принять мѣры, чтобы восточные сосѣди не могли застать насъ врасплохъ.

Для удержанія во внѣшней политикѣ положенія, которое приличествуетъ Россіи, намъ нужно долго и упорно

работать во всѣхъ сферахъ нашей жизни. Намъ нужно много разнообразныхъ улучшеній; среди нихъ необходимы и различныя экономическія мѣропріятія. Во главѣ послѣднихъ мы ставимъ *хорошо организованную переселенческую политику.*

Переселеніе есть наиболѣе могущественное средство для поднятія уровня благосостоянія и улучшенія санитарныхъ условій. Будучи могущественнымъ, оно есть въ то же время средство наиболѣе испытанное, наиболѣе вѣрное, а для странъ, имѣющихъ, подобно Россіи, огромный запасъ пустующихъ плодородныхъ земель, средство—*самое легкое.*

Переселенія, увеличивая народное богатство, способны благотворно дѣйствовать и на здоровье населенія. У насъ тѣлесная хилость встрѣчается не въ однихъ городахъ и не только среди лицъ, которыя посвящаютъ себя занятіямъ, вреднымъ для здоровья; мы находимъ ее въ деревняхъ центральной Россіи, Бѣлоруссіи и разныхъ другихъ областей: мало земли, негдѣ работать, нужно ѣсть одинъ хлѣбъ, да и то часто сомнительнаго достоинства—и выростаетъ въ деревняхъ хилое, малокровное поколѣніе, рѣшительно неспособное въ военномъ дѣлѣ на то, на что были способны сподвижники Суворова, Кутузова и даже Нахимова. Отвлеченіе части жителей изъ мѣстностей, наиболѣе густо населенныхъ, повыситъ уровень благосостоянія, не замедлитъ дать населенію лучшую пищу и въ немного лѣтъ увеличитъ его тѣлесную крѣпость.

Мы называемъ переселенія средствомъ, наиболѣе испытаннымъ и вѣрнымъ, и ссылаемся при этомъ на всю хозяйственную исторію человѣчества: въ этой исторіи, отъ времени греческихъ колоній по берегамъ Малой Азіи, отъ разселенія нашихъ предковъ по огромной русской равнинѣ и до заселенія въ послѣднія 100 лѣтъ сѣверо-американскаго материка, одну изъ важнѣйшихъ главъ составляетъ убѣжденіе, что человѣкъ быстро дѣлаетъ культурные успѣхи, если отыскиваетъ для своего труда наиболѣе плодородное поле Переселенія вытекали и вытекаютъ изъ этого сознанія.

Наконецъ, для Россіи мы называемъ это средство легкимъ и доступнымъ: намъ не нужно экспедиціи въ Тонкинъ, долину Конго или Абиссинію, чтобы передвинуть избытокъ населенія; мы можемъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній совершать переселенія за тысячи верстъ на югъ и востокъ, но все туда, гдѣ изстари раздается русская рѣчь.

Плугъ, коса и топоръ, безъ всякаго прикрытія броненосцами и митральезами—вотъ все, что нужно намъ для пользованія благодатными пустынями Кавказскаго Края, Средней Азіи и Сибири.

Переселенческая политика, ведомая Россіей въ широкихъ размѣрахъ и *всѣми понимаемая, какъ одна изъ великихъ экономическихъ реформъ*, не только послужитъ для нашей родины обильнымъ источникомъ богатства, но и поднимете престижъ Россіи за ея предѣлами: всѣмъ будетъ очевидно, что Россія ступила на путь такого преобразованія, которое влечетъ за собою огромныя выгоды для народнаго хозяйства—этой основы и внѣшняго могущества.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О ХАРАКТЕРѢ МѢРЪ НА ПОЛЬЗУ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О томъ, что можетъ и должно сдѣлать для переселенцевъ государство.

Законъ 13 іюля 1889 года имѣетъ очень важное значеніе: онъ является большимъ шагомъ впередъ по пути разумнаго упорядоченія переселенческой политики. Можно такъ охарактеризовать свѣтлыя стороны этого закона.

1) Онъ отводитъ для переселенцевъ столь обширную площадь, что она должна быть признана вполнѣ достаточною для потребностей ближайшаго поколѣнія.

2) Законъ не нарушаетъ формы землевладѣнія, которая стала для переселяющихся привычною. Ст. 9 предоставляетъ переселенцамъ опредѣлить на сельскомъ сходѣ о принятіи подворнаго или общиннаго порядка пользованія землею; тѣмъ самымъ законъ выражаетъ бережное отношеніе къ такому важному факту народной жизни, какъ строй землевладѣнія.

3) Законъ даетъ переселяющимся существенныя льготы (ст. 10—14) Наемная плата за земли, отводимыя переселенцамъ, не должна быть выше платежей, взносимыхъ бывшими государственными крестьянами селеній, находящихся въ одинаковыхъ сельскохозяйственныхъ условіяхъ съ землями, на которыхъ водворяются переселенцы. Всѣ, вообще, пере-

селенцы освобождаются отъ всѣхъ сборовъ, которые причитаются казнѣ: въ Европейской Россіи въ теченіе двухъ лѣтъ, а въ Азіатской—въ теченіе трехъ; для послѣднихъ въ теченіе второго трехлѣтія сборы и платежи опредѣляются въ половинномъ размѣрѣ. Отбываніе воинской повинности отсрочивается первымъ на два года, а вторымъ—на три. До окончательнаго перечисленія переселенцы имѣютъ право пользоваться ссудами для продовольствія и обсѣмененія полей на тѣхъ же условіяхъ, какъ и мѣстные крестьяне. Съ переселенцевъ слагаются числившіяся за ними на мѣстѣ выселенія недоимки по казеннымъ и мірскимъ сборамъ, а также продовольственнымъ ссудамъ.

4) Законъ постановляетъ (ст. 16), что если земля, на которой возникъ посслокъ, отведена для большого числа переселенцевъ, то всѣ, кто водворяется въ этомъ поселеніи послѣ образованія изъ него сельскаго общества, входятъ въ его составъ безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ. Это положеніе закона предупреждаетъ столкновенія между старожилами и переселенцами, проистекающія, главнымъ образомъ, изъ того, что старожилы привыкли считать себя исключительными владѣльцами всей земли, которая тяготѣетъ къ нимъ, хотя бы она была достаточна для поселенія вдесятеро большаго числа крестьянъ. Дѣлая въ такихъ случаяхъ пріемные приговоры излишними, законъ тѣмъ самымъ уничтожаетъ условіе, которое послужило въ Алтайскомъ горномъ округѣ источникомъ разоренія для многихъ новоселовъ.

5) Мы придаемъ, наконецъ, очень большое значеніе тому, что земля поступаетъ къ переселенцамъ не въ собственность, а только въ безсрочное пользованіе, съ запрещеніемъ отчуждать участокъ или обременять его долгомъ. Это положеніе закона ставитъ нѣкоторую преграду для развитія сельскаго пролетаріата и удерживаетъ за государствомъ верховное право на отведенную землю, право, которое можетъ получить и реальное значеніе. Еслибы съ теченіемъ времени болѣе совершенные пріемы земледѣльческаго труда и большая плотность населенія возвысили цѣнность и до-

ходность этихъ земель, а число душъ въ данномъ поселеніи не увеличилось, то государство будетъ въ правѣ открыть новымъ переселенцамъ доступъ на эти земли съ пониженіемъ нормы надѣла. Такая надобность можетъ обнаружиться развѣ въ очень далекомъ будущемъ; но законодатель, упорядочивая поземельныя отношенія—эту основную сферу общественнаго быта, долженъ прозирать въ отдаленное будущее и такъ созидать нормы права, чтобы онѣ, и по наступленіи этого будущаго, облегчали желанный исходъ.

Охотно признавая за новымъ закономъ крупныя достоинства, мы считаемъ долгомъ отмѣтить и его недостатки.

1) Ст. 13, обезпечивая переселенцамъ очень крупную льготу, можетъ быть источникомъ обремененія сельскаго общества, къ которому принадлежали переселенцы. Надѣлъ выселенцевъ, сполна выкупленный, оставляется сельскому обществу; на него же перелагаются выкупные платежи, а равно недоимки по казеннымъ, земскимъ и мірскимъ сборамъ. Эта статья ни въ какомъ случаѣ не причиняетъ выселенцамъ ущерба. Если земля доходна и надѣлъ не слишкомъ малъ, то крестьяне обыкновенно не выселяются. Если земля плодородна, но надѣлъ слишкомъ малъ, то сельское общество можетъ получить выгоду отъ удержанія за собою надѣловъ выселенцевъ, даже съ принятіемъ на себя ихъ недоимокъ. Но сельское общество почти неизбѣжно несетъ ущербъ, если оставляемый надѣлъ неплодороденъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на общество перелагаются значительныя недоимки. Такой порядокъ можетъ вести къ одному изъ двухъ послѣдствій: или къ тому, что мѣстныя власти, дающія начальству отзывъ о лицахъ, желающихъ переселиться, будутъ искусственно тормозить выселенія, дабы не обременять сельскаго общества новыми тягостями, или же къ тому, что переселенцы, не встрѣчая препятствій, будутъ увеличивать податныя тягости своихъ земляковъ. Оба послѣдствія нежелательны, а потому намъ представляется правильнымъ только одинъ способъ рѣшенія этого вопроса — принятіе въ послѣднемъ случаѣ казною на себя потерь, которыя падаютъ на сель-

ское общество, т.-е. сложеніе лежащихъ на переселенцахъ недоимокъ по казеннымъ и другимъ сборамъ.

2) Переселенія не приводятся въ связь съ малоземельемъ крестьянъ, безплодіемъ почвы или другими характерными признаками дурного состоянія хозяйства, а ставятся въ полную зависимость отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. Губернаторы, доводя до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ о желаніи крестьянъ переселиться и сопровождая эти ходатайства своими заключеніями, будутъ основываться на матеріалѣ, доставляемомъ чинами уѣздной администраціи—земскихъ управъ, а главное, исправниковъ и участковыхъ начальниковъ. Мы охотно допускаемъ, что во многихъ случаяхъ свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи крестьянъ, желающихъ переселиться, будутъ собираться съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу и освѣщаться съ полнымъ безпристрастіемъ. Но нерѣдки будутъ и явленія крайне нежелательныя. Чины уѣздной администраціи часто принадлежатъ къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и сельскимъ хозяевамъ; боясь, чтобы выселенія не возвысили рабочей платы, они нерѣдко будутъ склонны давать свѣдѣніямъ объ имущественномъ положеніи просителей такое освѣщеніе, которое легко будетъ вести въ министерствахъ къ предположенію, что переселенія изъ данной мѣстности не вызываются необходимостью. Каждый, знакомый съ гибкостью канцелярскаго языка, знаетъ, что однѣ и тѣ же цифры могутъ получать много разнообразныхъ освѣщеній. Допустимъ, напр., что сельское общество, многіе члены котораго желаютъ переселиться, имѣетъ слишкомъ мало земли, скота и т. д., допустимъ даже, что всѣ факты говорятъ о крайне низкомъ уровнѣ благосостоянія. Чтобы дать этимъ фактамъ и цифрамъ такое освѣщеніе, которое оправдывало бы выводъ, будто переселеніе не вызывается необходимостью, довольно, напр., одного,—чтобы надѣльная площадь имѣла черноземную почву. Уже одинъ такой фактъ позволяетъ подать мнѣніе, что крестьяне, при извѣстномъ стараніи, могутъ извлекать изъ своихъ малыхъ надѣловъ гораздо боль-

пій доходъ; наличность какого-нибудь кустарнаго промысла позволитъ съ легкимъ сердцемъ дать заключеніе, что было бы желательнѣе способствовать развитію мѣстнаго кустарнаго производства, нежели разрѣшать переселеніе. Тамъ же, гдѣ надѣльная земля низкаго достоинства, но площадь ея довольно велика, еще легче отыскать точку опоры для вывода, недоброжелательнаго переселеніямъ. И въ такомъ сельскомъ обществѣ всегда можно найти нѣсколько отличныхъ, исключительныхъ хозяевъ, которые успѣваютъ справиться и съ песками, и съ кочковатыми болотами. Ссылка на такихъ хозяевъ съ присовокупленіемъ, что на 1 ревизскую душу приходится 4—5—6 дес. земли, конечно, можетъ вызвать предположеніе, что переселеніе вовсе ненужно для этой мѣстности.

Чтобы переселенія не наталкивались на подобныя препятствія, желательно дополненіе закона 13-го іюля опредѣленіемъ *условій, при которыхъ мѣстная администрація была бы обязана особенно тщательно и полно изслѣдовать хозяйство крестьянъ, ходатайствующихъ о разрѣшеніи переселиться.* Въ рядъ главныхъ условій должны бы быть поставлены: малый надѣлъ, меньше 2 десятинъ на 1 наличную мужскую душу въ черноземныхъ губерніяхъ и меньше $3^1/_2$—въ губерніяхъ нечерноземныхъ; очень безплодная почва, кочковатыя болота, песчаные наносы, большая распространенность отхожихъ промысловъ, и именно для сельскохозяйственныхъ работъ, такъ какъ эти отхожіе промыслы свидѣтельствуютъ объ особенно дурномъ положеніи сельскаго хозяйства въ данномъ районѣ. Земскія статистическія изданія даютъ обильный матеріалъ для выясненія этихъ условій. Еслибы законъ съ удареніемъ говорилъ о самыхъ выдающихся признакахъ стѣсненнаго положенія крестьянъ, то предупредилъ бы много случаевъ освѣщенія фактовъ, не соотвѣтствующаго ихъ истинному значенію.

Теперь администрація держится въ этомъ отношеніи такой практики: разрѣшать переселеніе только тѣмъ семьямъ, которыя имѣютъ извѣстную сумму денегъ, достаточную,

чтобы дойти до мѣста водворенія и еще сохранить кое-что для основанія хозяйства. Тѣ же, кто не имѣетъ такого minimum'а, не получаетъ разрѣшенія переселиться. Норма опредѣляется, напр., 125-ю рублями для семьи въ 5 душъ, идущей изъ Курской губерніи въ Томскую. Этотъ порядокъ не можетъ быть одобренъ. Переселеніе имѣетъ главное значеніе именно потому, что позволяетъ бѣднѣйшимъ людямъ пріобрѣсти большее матеріальное обезпеченіе. Этотъ же порядокъ ставитъ въ льготное положеніе людей, болѣе зажиточныхъ. Въ результатѣ получаются два неблагопріятныхъ послѣдствія. 1) Бѣднѣйшіе крестьяне, которымъ не достаетъ 15 –20 рублей до указной нормы, лишены возможности улучшить свой хозяйственный бытъ и обречены на то, чтобы пополнять ряды сельскаго пролетаріата. 2) Цѣль, преслѣдуемая администраціей, не можетъ быть достигнута установленіемъ низшей имущественной нормы, которая даетъ домохозяину право на выселеніе. Администрація надѣется, что эти люди устроются на новомъ мѣстѣ и не будутъ вынуждены разоренными возвратиться на родину. Но этотъ разсчетъ не можетъ быть построенъ на прочномъ основаніи: благополучіе переселенческой семьи зависитъ отъ столь многихъ условій (смерть или тяжкая болѣзнь главнаго работника, похищеніе лошади, неурожай въ первый годъ по водвореніи, излишніе расходы, вызванные задержками на пути), что даже значительная сумма, оставшаяся по приходѣ на мѣсто, не позволяетъ ручаться за благопріятные результаты переселенія; тѣмъ болѣе не служатъ такимъ обезпеченіемъ 10—20 рублей, которые могутъ оставаться теперь отъ денежной нормы, установленной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Не считая этого порядка справедливымъ и цѣлесообразнымъ, мы думаемъ, что *установленіе нравственнаго ценза* было бы въ состояніи создать небольшую гарантію того, что переселенцы идутъ на новое мѣсто вполнѣ трудоспособными. Было бы правильно не допускать къ переселенію пьяницъ, крестьянъ, вовсе не радивыхъ и запустив-

шихъ свое хозяйство. Этимъ людямъ особенно трудно устроиться на новомъ мѣстѣ, требующемъ большого напряженія и тѣлесныхъ, и нравственныхъ силъ; они всего легче становятся переселенцами-неудачниками. Такихъ, вообще, немного, и администрація легко можетъ выдѣлить ихъ при содѣйствіи сельскаго общества, которому во всѣхъ подробностяхъ знакомо поведеніе его членовъ.

3) Нужно энергически приступить къ работамъ по изслѣдованію и обмежеванію земель, которыя будутъ отводимы переселенцамъ. Ст. 6, перечисляя мѣстности, гдѣ будутъ водворяемы переселенцы, умалчиваетъ о Восточной Сибири. Но и та площадь, которая теперь открывается для переселенцевъ, еще чрезвычайно велика. Не считая свободныхъ земель Европейской Россіи, мы имѣемъ въ 2-хъ сибирскихъ губерніяхъ и 3-хъ среднеазіатскихъ областяхъ 3.200,000 квадр. верстъ. Значительная часть этой площади, и именно большая часть Тобольской губерніи, по своему сѣверному положенію, непригодна для переселенцевъ. Допустимъ даже, что изъ всей ея площади въ 1.207,000 кв. верстъ $^3/_4$ могутъ служить только территоріей для бродячихъ инородцевъ. Предположимъ, что и въ остальныхъ областяхъ многія мѣста не будутъ предметомъ правильной сельско-хозяйственной культуры; все же останется хотя половина, 1.600,000 кв. верстъ, на которыхъ могутъ размѣщаться переселенцы. Допустимъ даже — надъ этимъ посмѣется каждый, сколько-нибудь знакомый съ Сибирью, — что удобнымъ мѣстомъ для поселенія можетъ служить менѣе $^1/_3$ всей этой площади, т.-е. 1.000,000 кв. верстъ. При хозяйственной системѣ, крайне экстензивной, и въ разсчетѣ на возрастаніе населенія, для 1 семьи нужно не больше 50 десятинъ; слѣдовательно, на всей этой площади могутъ съ удобствомъ размѣститься 2.080,000 семей. Въ этихъ же двухъ губерніяхъ и трехъ областяхъ живутъ $4^1/_2$ милліона душъ, что, при 5—6 душахъ на 1 семью, составляетъ менѣе 900,000 семей, итакъ, остается мѣсто еще для 1.200,000 семей. Эта площадь настолько велика, что если бы переселенія

совершались изъ Европейской Россіи въ очень большихъ размѣрахъ, по 50—60,000 семей въ годъ, въ теченіе цѣлой четверти вѣка не имѣлъ бы практическаго значенія вопросъ объ удобствахъ, которыя могутъ представить для переселенцевъ восточныя губерніи Сибири. Мнѣ казалось бы небходимымъ занести только весь Кавказскій край въ рядъ областей, заселеніе которыхъ есть дѣло ближайшаго будущаго.

Не притязая на точность вычисленій и сводя запасъ свободныхъ земель къ наименьшей величинѣ, мы хотимъ только показать, какъ много нужно сдѣлать для развѣдки земель и въ этихъ мѣстностяхъ и насколько необходима возможная тщательность мѣстныхъ изслѣдованій, для избѣжанія ошибокъ, съ которыми были связаны опыты по колонизованіе Сибири. Въ „Акмолинскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1885 годъ были напечаны оффиціальныя свѣдѣнія о положеніи переселенцевъ въ Акмолинской области. Мѣстный губернаторъ лично изслѣдовалъ многіе поселки и, отдавая должное неутомимому трудолюбію колонистовъ, приписалъ бѣдственное положеніе многихъ семей дурному качеству занятой земли. Занятіе такой земли объясняется слѣдующимъ. Двѣ межевыя партіи были посланы для обмежеванія участковъ и краткаго ихъ описанія. Описанія многихъ участковъ, несмотря на всю свою краткость, были многознаменательны: отмѣчалось, напр., что „нѣтъ воды“, „нѣтъ луговъ“, „нѣтъ лѣса“. Этимъ отмѣткамъ не придавали значенія и направляли поселенцевъ для занятія всѣхъ отмежеванныхъ участковъ. Въ результатѣ явилось, конечно, разореніе нѣсколькихъ сотъ семей, большія недоимки и хлопоты мѣстной администраціи, чтобы передвинуть колонистовъ въ другія мѣста. Пусть же подобные опыты служатъ уроками для будущаго. Кажется, не нужно головоломной работы для убѣжденія, что лучше примириться съ потерею нѣсколькихъ тысячъ рублей, израсходованныхъ на изслѣдованіе земель, которыя оказались непригодными для переселенцевъ, нежели пренебрегать свѣдѣніями, собранными о физическихъ свойствахъ участковъ, и двигать людей даже туда, гдѣ въ

ближайшемъ будущемъ ихъ ожидаетъ полное разочарованіе, а казну—новыя недоимки, значительные расходы и заботы. Для изслѣдованія земель въ областяхъ, указанныхъ закономъ, министерство государственныхъ имуществъ имѣетъ большой запасъ отлично подготовленныхъ рабочихъ силъ. Я разумѣю земскихъ статистиковъ. При весьма неодинаковыхъ условіяхъ чисто-учебной подготовки, эти люди имѣютъ много общихъ характерныхъ чертъ, которыя позволяютъ говорить о довольно законченномъ типѣ земскаго статистика. Наблюдательность, умѣнье разобраться въ обширномъ и разноцвѣтномъ матеріалѣ, который представляетъ именно русская деревня, привычка къ упорной работѣ, многочисленныя практическія свѣдѣнія, позволяющія быстро знакомиться съ условіями внѣшней природы и экономическимъ бытомъ населенія—вотъ свойства опытнаго земскаго статистика. Запасъ такихъ лицъ довольно великъ; земскія статистическія изслѣдованія закончились въ однѣхъ губерніяхъ и временно пріостановились въ другихъ, а потому многіе изъ этихъ людей свободны и могли бы быть привлечены къ дѣлу развѣдки земель въ Сибири.

Здѣсь же умѣстно намѣтить порядокъ, въ которомъ должно совершиться заселеніе нашихъ азіатскихъ владѣній. Мнѣ кажется неправильнымъ нынѣшнее состояніе этой стороны дѣла. Одна партія идетъ въ Тобольскую губернію, другая—въ Томскую, третья—въ Ачинскій или Минусинскій округъ, четвертая—на Амуръ и т. д. Противъ этого нельзя было бы ничего возразить, если бы переселенцы всегда выбирали землю, наиболѣе плодородную и въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ; но обыкновенно многія партіи проходятъ цѣлыя тысячи верстъ областями, въ которыхъ они могли бы найти много мѣстъ, вполнѣ пригодныхъ для водворенія. Такой порядокъ ведетъ къ тому, что переселенцы разбрасываются мелкими кучками по огромнымъ пространствамъ и лишаются выгодъ разнообразнаго сотрудничества, которое было бы возможно при болѣе густомъ населеніи. Отнюдь не слѣдуетъ противодѣйствовать этому

какими-либо мѣрами принужденія. Но тщательное изслѣдованіе ближайшихъ земель, нанесеніе ихъ на планъ, снабженіе этихъ плановъ подробнымъ описаніемъ участковъ и разсылка реестровъ такихъ земель къ полицейскимъ властямъ тѣхъ губерній и уѣздовъ, откуда совершаются выселенія, облегчило бы рѣшеніе задачи. Постепенно стало бы упрочиваться убѣжденіе, что эти свѣдѣнія объ участкахъ вполнѣ точны, что они заслуживаютъ не меиѣе (а часто и болѣе) довѣрія, чѣмъ письма родныхъ, и что, руководствуясь такими свѣдѣніями, можно найти новую осѣдлость на 1000—1500 верстъ ближе, а потому можно сберечь на расходахъ деньгами, временемъ и рабочею силою. Содѣйствіе тому, чтобы переселенія не совершались въ разбродъ, а велись по строго обдуманному плану, облегчитъ современемъ задачи администраціи. Болѣе густое населеніе, при тѣхъ точныхъ свѣдѣніяхъ, которыя крестьяне имѣютъ о земляхъ въ своемъ сосѣдствѣ, всегда будетъ располагать запасомъ наблюденій относительно земель сосѣдней полосы, и изъ этого запаса будутъ съ пользою для дѣла черпать межевые чины, при нарѣзываніи дальнѣйшихъ участковъ. Такое послѣдовательное движеніе на востокъ наиболѣе удовлетворяетъ запросы народнаго хозяйства. Отступленіе отъ него можно оправдать только ради цѣлей политико-стратегическихъ—охраненіе страны отъ опасностей, которыми намъ можетъ угрожать Китай. Во имя этихъ опасностей было бы полезно дѣлать отъ намѣченнаго плана такое отступленіе: стараться сгустить населеніе на довольно широкой полосѣ вдоль намѣченнаго желѣзнодорожнаго пути отъ Урала до Тихаго Океана. Разъ этого требуетъ безопасность государства, то могутъ быть вполнѣ оправданы особыя, чрезвычайныя затраты. Онѣ объясняются соображеніями политико-стратегическими, а потому мы и не дѣлаемъ ихъ предметомъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

4) Краеугольнымъ камнемъ для успѣшнаго развитія всего дѣла служитъ *кредитъ переселенцамъ*. Законъ устанавливаетъ льготы по взносу аредныхъ платежей, налоговъ,

отбыванію воинской повинности, по податнымъ и продовольственнымъ недоимкамъ, накопившимся на старомъ мѣстѣ. Въ совокупности эти льготы не маловажны, но, служа хорошимъ подспорьемъ для крестьянъ средняго достатка, онѣ представляютъ слишкомъ малое облегченіе для наиболѣе нуждающихся, которые и требуютъ особеннаго вниманія законодателя. Быть можетъ, требованіе, чтобы администрація заготовляла переселенцамъ лѣсъ для построекъ, скотъ, орудія (соотвѣтственно съ законодательствомъ гр. Киселева) означало бы навязываніе правительственной власти заботы о такихъ нуждахъ переселенцевъ, которыя они могутъ удовлетворить сами. Со времени законодательства гр. Киселева прошло 60 лѣтъ: въ Сибири развились городскія поселенія и нѣкоторые промыслы, и переселенцы могутъ сами пріобрѣтать все, нужное для ихъ хозяйственнаго обихода. Отстраняя ссуды натурой, мы считаемъ *безусловно необходимою выдачу нуждающимся переселенцамъ денежныхъ ссудъ.*

Пока не сдѣланъ этотъ важный шагъ въ переселенческой политикѣ, льготы, даруемыя закономъ, и абсолютно, и относительно приносятъ наибольшія выгоды самымъ достаточнымъ переселенцамъ. Главнымъ пособіемъ является крупное пониженіе пассажирскаго и товарнаго тарифа на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ. Пониженіе тарифа можетъ быть уподоблено безвозвратному пособію, которое казна даетъ переселенцамъ; какъ при всѣхъ отрицательныхъ формахъ вспомоществованія, такъ и здѣсь характеръ пособія не бросается въ глаза и не заставляетъ говорить о себѣ. Существо же дѣла можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: если семья переселенца, за проѣздъ по желѣзной дорогѣ между Курскомъ и Тюменью, платитъ по 5 р. 31 к. съ души вмѣсто 24 р., то получаетъ на каждаго взрослаго пособіе въ размѣрѣ болѣе 18 рублей. Между состоятельными и бѣднѣйшими переселенцами нѣтъ разницы относительно этой льготы; но обнаруживается очень большая разница относительно платы за багажъ. Отъ Курска до Тюмени провозъ 1 пуда багажа переселенцевъ оплачивается 1 рублемъ, вмѣ-

сто 4, причемъ на каждый билетъ, согласно съ общими правилами, 1 пудъ багажа перевозится безплатно. Бѣднѣйшіе имѣютъ при себѣ кое-какой скарбъ и сдаютъ въ вагонъ не больше 2—4 п. багажа, который, если семья состоитъ изъ 3 взрослыхъ и помимо льготы, былъ бы перевезенъ безплатно. Болѣе же состоятельные имѣютъ 15—20—30 пудъ багажа. Если семья, сверхъ того, что можетъ перевезти безплатно, имѣетъ 20 пудъ, то пользуется въ этой скрытой формѣ безвозвратнымъ пособіемъ не менѣе 60 рублей. Наибольшее количество багажа имѣютъ тѣ переселенцы, которые разсчитываютъ съ большою выгодою вести въ Сибири торговлю взятыми изъ Россіи товарами—сахаромъ, косами, ситцами и т. д. Въ конечномъ итогѣ эти люди выступаютъ со всѣми признаками ростовщиковъ, и *имъ-то пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа оказываетъ наибольшія услуги*. Эти неустранимые результаты, конечно, противорѣчатъ благимъ намѣреніямъ законодателя; они могутъ быть ослаблены только правильнымъ устроеніемъ кредита для переселенцевъ.

Какого же размѣра должны достигать ссуды?

Въ виду различія мѣстныхъ условій, которыя переселенецъ находитъ въ Сибири, Средней Азіи и на Кавказѣ, размѣры ссуды не могутъ быть опредѣлены какой-нибудь одной цифрой. Мы полагаемъ, что въ большей части случаевъ 200 рублей могутъ быть признаны высшимъ размѣромъ ссуды, необходимой семьѣ при ея водвореніи. Для Томской губерніи я сдѣлалъ точныя исчисленія наименьшихъ расходовъ, необходимыхъ семьѣ переселенца, при устроеніи хозяйства:

1)	Покупка избушки на первое время	25 р. [1]).
2)	2 лошади	30 „
3)	1 корова	15 „
4)	„ телѣга, сани и сбруя	25 „
5)	„ соха, бороны, косы и т. п. . .	10 „

[1]) Предполагается, что изба будетъ выстроена исподволь, въ 2 и даже 3 года, а изъ этой избушки будутъ сдѣланы надворныя постройки.

6) сѣмена для 1 дес. пшеницы, 1 дес. ржи и 1 дес. овса . . . . 18 „
7) необходимая утварь и хлѣбъ для продовольствія на первое время. 20 „

Итого . . 143 р. [1]).

Такая сумма достаточна для основанія хозяйства Но и гораздо меньшія ссуды, въ 75—50 рублей, оказывали бы благодѣтельное вліяніе; при чрезвычайной выносливости и трудолюбіи переселенцевъ, даже и такія суммы, какъ видно изъ вышеприведенныхъ фактовъ, позволяютъ имъ постепенно упрочить ихъ хозяйственный бытъ.

Возвратъ этихъ ссудъ можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. Я спрашивалъ многихъ переселенцевъ, какъ они смотрятъ на небольшія денежныя суммы, получаемыя въ Тюмени и Томскѣ отъ чиновниковъ по переселенческимъ дѣламъ. Они всегда отвѣчали, что видятъ въ этихъ суммахъ *долгъ, который долженъ быть уплаченъ при первой возможности*. Это воззрѣніе подкрѣпляется и образомъ дѣйствій переселенцевъ. Чиновники по переселенческимъ дѣламъ въ Томскѣ и Тюмени не принимаютъ принудительныхъ мѣръ ко взысканію съ переселенцевъ выданныхъ имъ суммъ, а, между тѣмъ, долги постепенно уплачиваются.

Въ уплату ссудъ, выданныхъ переселенцамъ въ Томскѣ, возвращено: въ 1887 году—230 руб., 1888—335, 1889—322 р. 70 к., за 1-ю половину 1890 г.—459 р. 58 к. Итого 1347 р. 28 коп.

Главными условіями такихъ ссудъ должны бы быть: 1) *долгосрочность*, ибо ссуды будутъ затрачиваться на тѣ статьи, которыя образуютъ въ хозяйствѣ постоянный капиталъ; 2) отсрочка начала погасительныхъ платежей на 5—6 лѣтъ, къ тому времени, когда переселенцы уже успѣли нѣсколько устроиться на новыхъ мѣстахъ; 3) для бѣднѣй-

[1]) А. В. Дуровъ въ Томскѣ опредѣляетъ эту сумму въ 163 р.: 15 р. на 3-ью лошадь, которую онъ считаетъ необходимой, и 5 рублей сверхъ нашей смѣты расходовъ по п. 4.

шихъ желательны безпроцентныя ссуды. Еслибы бѣднѣйшіе переселенцы составляли ежегодно нѣсколько тысячъ семей, то потеря на процентахъ (какъ maximum, по 10 рублей отъ семьи каждый годъ) образовала бы совершенно незначительную сумму.

Ссуды, какъ и всѣ остальныя льготы, должны распространяться не только на лицъ, занимающихъ казенныя земли, но и на тѣхъ, которыя водворяются на землѣ Кабинета или частныхъ лицъ. Насъ побуждаютъ высказаться за это два соображенія: 1) переселенцы, которые въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ 13 іюля, избираютъ для водворенія кабинетскія или частновладѣльческія земли, уже необходимостью дѣлать затраты на покупку земли или плату за пріемные приговоры поставлены менѣе выгодно, нежели переселенцы на казенныя земли; 2) государственное казначейство выигрываетъ отъ улучшенія быта переселенцевъ, какія бы земли они ни выбирали для водворенія; распространеніе же льготъ и кредита на всѣхъ переселяющихся не создастъ для казны опасныхъ соперниковъ въ лицѣ земель кабинетскихъ или частновладѣльческихъ уже потому, что занятіе казенныхъ земель всегда будетъ связано для переселенцевъ съ особенно выгодными условіями.

5) Наконецъ, мы считаемъ полезнымъ измѣнить все управленіе переселенческимъ дѣломъ. Теперь оно сосредоточено въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; наряду со всѣмъ крестьянскимъ управленіемъ, какъ главнымъ предметомъ вѣдѣнія этого департамента, оно занимаетъ совершенно второстепенное мѣсто. При всей энергіи и дарованіяхъ лица, стоящаго во главѣ земскаго отдѣла, оно не найдетъ для заботъ о переселенцахъ столько времени, сколько было бы желательно; дѣло станетъ особенно сложно, если съ переселеніями на востокъ будутъ соединены мѣропріятія по укрѣпленію русскаго землевладѣнія въ западныхъ губерніяхъ. Ко всему этому было бы полезно пріобщить и другія мѣропріятія, направленныя на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Эта работа, вмѣстѣ взятая,

настолько обширна, что можетъ сполна поглотить силы особаго *департамента переселеній* въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

6) Къ основнымъ мѣропріятіямъ примыкаетъ цѣлый рядъ мѣръ попеченія о переселенцахъ, находящихся въ пути. Упорядоченіе медицинской помощи, устройство бараковъ, бань, хлѣбопекарень въ главныхъ мѣстахъ скопленія переселенцевъ, назначеніе новыхъ пунктовъ для конныхъ ярмарокъ, дабы облегчить переселенцамъ пріобрѣтеніе лошадей по недорогой цѣнѣ, строгій контроль надъ пароходами, которые перевозятъ ихъ, отправленіе на пароходахъ большихъ партій (когда предстоитъ продолжительное плаваніе) въ сопровожденіи фельдшеровъ—вотъ главныя мѣры, могущія ежегодно спасти не одну сотню жизней. Эти мѣры въ такой же степени вызываются чувствомъ человѣколюбія, какъ и разумнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переселенія и частная благотворительность.

Безъ дѣятельнаго вмѣшательства государства переселенческая политика не можетъ быть развита такъ широко, такъ того требуетъ важность дѣла. Однако, и общественныя силы, соединившись въ одно цѣлое, могли-бы имѣть благотворное вліяніе на устраненіе многихъ невзгодъ, которыя сопутствуютъ переселеніямъ. Необходимо только, чтобы силы, дѣйствующія нынѣ разрозненно, установили между собою связь, выработали опредѣленную программу, разбили работу по частямъ, а, главное, сдѣлали изъ этого вопроса, который теперь является преимущественно курскимъ, орловскимъ, тюменскимъ или томскимъ, вопросъ *русскій, всероссійскій, общенаціональный*, въ полномъ значеніи этого слова.

Каждый можетъ припомнить много примѣровъ того благотворнаго вліянія, которое въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ частныя общества оказывали на рѣшеніе большихъ національныхъ задачъ. Кому неизвѣстны блестящіе и великіе результаты, достигнутые англійской лигой хлѣбныхъ законовъ въ теченіе ея восьмилѣтней дѣятельности? Кто не знаетъ, что борьба Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными изъ-за вопроса о рабствѣ негровъ или ихъ свободы была подготовлена дѣятельностью общественныхъ силъ, ратовавшихъ за освобожденіе невольниковъ? И наша жизнь пред-

ставляетъ подобные-же примѣры: русско-турецкая война была подготовлена не однимъ только общественнымъ мнѣніемъ, но и *усиленной общественной дѣятельностью*, которая выражалась въ обильныхъ пожертвованіяхъ, стекавшихся со всѣхъ концовъ Россіи въ пользу братьевъ-славянъ, и въ той готовности, съ которой тысячи русскихъ людей двигались на Балканскій полуостровъ, чтобы съ мечомъ въ рукѣ выступить за единоплеменные народы. Къ этимъ фактамъ, имѣющимъ общенародное значеніе, можно пріобщить множество болѣе мелкихъ, гдѣ благотворители щедрою рукою дѣйствуютъ для цѣли, важность которой они хотя сколько-нибудь успѣли сознать. Припомнимъ доброхотныя даянія въ пользу голодающихъ самарцевъ, пробѣжимъ длинный списокъ пожертвованій, которыя поступаютъ на благотворительныя и богоугодныя заведенія, и мы скажемъ, что разъ дѣло переселеній, въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ русскихъ людей, будетъ освѣщено, какъ дѣло великое и всенародное, для него найдется болѣе средствъ, чѣмъ можно, повидимому, ожидать.

До послѣдняго времени частная благотворительность имѣла, по отношенію къ переселенцамъ, преимущественно мѣстный характеръ: есть благотворительные о переселенцахъ комитеты въ Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ, Читѣ, Владивостокѣ. Эти комитеты привлекаютъ денежныя средства отъ мѣстныхъ благотворителей и пользуются пожертвованіями, поступающими для переселенцевъ въ редакціи нѣкоторыхъ столичныхъ газетъ; но они не могутъ разсчитывать на значительную поддержку со всѣхъ концовъ Русской земли уже по отдаленности этихъ пунктовъ и по трудности для мѣстныхъ благотворительныхъ комитетовъ часто напоминать о себѣ въ текущей печати и поддерживать постоянныя сношенія съ тѣми общественными слоями, откуда и можно ожидать значительныхъ доброхотныхъ даяній. Хотя эти обстоятельства препятствуютъ пріобрѣтенію комитетами значительныхъ средствъ, однако, они заявили о себѣ весьма

почтенною дѣятельностью и принесли нуждающимся переселенцамъ большую пользу.

6 ноября 1890 года утвержденіемъ устава *Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ* дано новое основаніе для частной благотворительности, которая направится въ эту сторону. Общество имѣетъ цѣлью приблизить нужды переселенцевъ къ уму и сердцу всѣхъ русскихъ людей. Возникновеніе Общества въ столицѣ, далеко отъ губерній, которыя выдѣляютъ изъ себя переселенцевъ, и еще дальше отъ мѣстностей, которыя принимаютъ ихъ, получаетъ полное оправданіе. Обществу, основанному въ Петербургѣ, гораздо легче, нежели тюменскому или иркутскому комитету, найти членовъ и привлечь большую или малую лепту не только изъ Петербурга, но даже изъ Смоленска, Вильны, Житоміра. Съ другой стороны, Общество имѣетъ бо́льшую возможность, нежели мѣстные комитеты, доводить до свѣдѣнія правительства о нуждахъ переселенцевъ и выступать съ ходатайствами. Наконецъ, Общество всегда можетъ безъ затрудненій пользоваться многими органами печати (которые, въ общемъ, усердно поработали надъ разъясненіемъ переселенческаго вопроса) и непрерывно напоминать русскому обществу о лишеніяхъ, постигающихъ русскихъ-же людей въ ихъ естественномъ стремленіи найти удобное мѣсто для веденія хозяйства.

Вотъ три условія, которыя не только оправдываютъ учрежденіе Общества въ Петербургѣ, но и образуютъ изъ него необходимый элементъ въ развитіи всего переселенческаго дѣла. Конечно, Общество поставило бы себѣ непосильную задачу, способную только умалить его авторитетъ, еслибы задумало руководить всѣми частностями благотворенія переселенцамъ. Ему доступно общее руководительство, способное принимать, главнымъ образомъ, такія формы: 1) Опредѣленіе размѣра, въ которомъ должны быть отпускаемы денежныя средства переселяющимся въ различныя мѣстности (столько-то Сибири, Средней Азіи, Кавказу и т. д.). 2) Командированіе своихъ членовъ или сторонніхъ лицъ для

изученія переселенческаго дѣла на мѣстахъ. Знакомство на мѣстѣ съ дѣятельностью отдѣленій поможетъ дополнять свѣдѣнія, которыя будутъ поступать путемъ письменныхъ сношеній, и облегчать рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ именно переселенцы наиболѣе нуждаются въ поддержкѣ.

Вся же остальная дѣятельность должна быть сосредоточена въ отдѣленіяхъ, которымъ и слѣдуетъ предоставить широкія полномочія. Только мѣстные дѣятели, наблюдающіе переселенцевъ изъ года въ годъ и знакомые съ особенностями края, могутъ быть вполнѣ свѣдущими судьями въ вопросахъ о томъ, какая форма пособій наиболѣе цѣлесообразна, какъ распредѣлить пособія между переселенцами, къ какимъ пунктамъ и въ какихъ размѣрахъ должны быть пріурочены извѣстныя учрежденія—бараки, больницы, народныя столовыя и т. п. Поэтому, Общество станетъ на прочное основаніе только съ организованіемъ отдѣленій въ главныхъ центрахъ переселенческаго движенія. Еслибы дѣло начиналось въ Петербургѣ, еслибы, до учрежденія Общества, благотворительность вовсе не направлялась въ сторону переселенцевъ, то развитіе мѣстныхъ отдѣленій было бы связано съ большими трудностями, которыя всегда встрѣчаются на пути, когда заходитъ рѣчь о пріисканіи надежныхъ людей, способныхъ участвовать въ общественномъ дѣлѣ. Но Общество уже имѣетъ на мѣстахъ организованныя силы, готовыя для задачъ, которыя должны быть возложены на мѣстныя отдѣленія: такими силами являются мѣстные благотворительные комитеты. Они ужъ работаютъ нѣсколько лѣтъ и имѣютъ извѣстныя традиціи, облегчающія дальнѣйшую дѣятельность. Эти традиціи, въ общемъ, могутъ быть чрезвычайно полезны для Общества при открытіи отдѣленій тамъ, гдѣ нѣтъ благотворительныхъ комитетовъ Открывая такія отдѣленія, можно, на основаніи указанныхъ традицій, съ увѣренностью рѣшить, что можетъ быть выполняемо мѣстными дѣятелями. Стоитъ только мѣстнымъ благотворительнымъ комитетамъ примкнуть къ Обществу въ качествѣ его отдѣленій—и дѣятельность Общества

можетъ достигнуть наибольшей производительности. Общему и важному дѣлу часто мѣшаютъ личные счеты, задѣтое самолюбіе; сплошь и рядомъ оно препятствуетъ дружному единенію разрозненныхъ силъ, которыя, только при совмѣстной работѣ, могутъ принести обильные плоды. Мы надѣемся, что здѣсь не встрѣтится подобныхъ препятствій. Никто, мы думаемъ, не выскажется противъ присоединенія комитетовъ о переселенцахъ къ Обществу, въ качествѣ его отдѣленій, только потому, что комитеты какъ бы имѣютъ болѣе самостоятельное существованіе, нежели отдѣленія Общества: комитеты не имѣютъ уставовъ и юридически не существуютъ; они представляютъ изъ себя чисто фактическія соединенія отдѣльныхъ лицъ. Мѣстныя же отдѣленія, независимо отъ юридическаго существованія, будутъ имѣть и очень широкія права. Мы полагаемъ, что въ распоряженіи мѣстныхъ отдѣленій необходимо должны быть оставляемы всѣ денежныя и вещевыя пожертвованія, которыя будутъ прямо поступать въ эти отдѣленія подобно тому, какъ они теперь поступаютъ въ комитеты. Зависимость мѣстныхъ отдѣленій отъ Общества выразилась бы, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ формахъ: 1) представленіе смѣтъ и отчетовъ; 2) подчиненіе фактическому контролю, который Общество будетъ предпринимать отъ времени до времени и 3) полученіе отъ Общества денегъ и вещей, которыя, быть можетъ, не поступали бы мѣстному благотворительному комитету.

Какія же цѣли можетъ и должно преслѣдовать Общество? Частной благотворительности доступны всѣ задачи, которыя мы отвели въ область государственнаго содѣйствія переселенцамъ, но благоразуміе требуетъ, чтобы Общество лишь постепенно расширяло свою дѣятельность и, по мѣрѣ увеличенія средствъ, переходило отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, требующему ужъ очень крупныхъ затратъ. Уставъ отводитъ для дѣятельности Общества очень широкую область: пріобрѣтать земли, выдавать нуждающимся ссуды вещами и деньгами. По буквальному смыслу статей устава, нѣтъ формы, въ которой Общество не могло бы содѣйствовать

переселенцамъ: купить многія тысячи десятинъ, водворить на нихъ переселенцевъ, отвести участки для устроенія образцовыхъ фермъ, основать склады земледѣльческихъ орудій и сѣменъ, открыть переселяющимся кредитъ кратко и долгосрочный,—все это задачи, соотвѣтствующія не только духу, но и буквѣ устава. Но мы полагаемъ, что будетъ всего правильнѣе поставить себѣ на первое время болѣе скромныя цѣли—организованіе врачебной помощи, устройство бараковъ, бань, пекарней, выдачу небольшихъ пособій. Общество имѣетъ слишкомъ важную цѣль, его дѣятельность разсчитана на длинный рядъ поколѣній, и нѣтъ основанія предполагать, будто его полезное вліяніе должно измѣряться тѣмъ, на сколько быстро оно разовьетъ свою дѣятельность и на сколько велики будутъ средства, которыя оно въ первое же время привлечетъ въ свою казну. Каждый небольшой шагъ впередъ, служа доказательствомъ, что частная благотворительность можетъ быть полезна переселенцамъ, будетъ ближе знакомить русское общество съ нуждами переселенцевъ и все болѣе вселять убѣжденіе, что участвующій въ дѣятельности Общества личными силами и имущественными средствами избираетъ для своего благотворенія тотъ путь, который соотвѣтствуетъ многоразличнымъ интересамъ нашей родины.

Нравственное же вліяніе Общества можетъ быть даже болѣе могущественно и важно, чѣмъ матеріальное содѣйствіе переселенцамъ. При рѣшеніи великихъ экономическихъ задачъ, главная созидающая роль принадлежитъ государству, которое установляетъ для назрѣвшихъ явленій новыя нормы права и, въ случаѣ надобности, пускаетъ въ ходъ огромныя матеріальныя средства. И наше Правительство, положивъ основаніе переселенческому законодательству, будетъ тѣмъ успѣшнѣе работать надъ его развитіемъ, чѣмъ болѣе Общество будетъ изучать бытъ переселенцевъ и напоминать о его нуждахъ. Неослабно усердная дѣятельность общественныхъ силъ ускоритъ развитіе истинно-государственной переселенческой политики.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Логическія построенія убѣждаютъ умъ, но не всегда дѣйствуютъ на сердце. Каждая же страница изъ лѣтописи русскихъ переселеній трогаетъ душу, сколько-нибудь чуткую къ страданіямъ ближнихъ.

Наблюдая переселенцевъ во время пути на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, разспрашивая о причинахъ, которыя побудили ихъ къ оставленію родины, допытываясь о надеждахъ, съ которыми они ѣдутъ на чужбину, я всегда приходилъ къ заключенію, что ихъ терпѣнію нѣтъ предѣловъ и что даже самомалѣйшая помощь имѣетъ огромное значеніе и способна приносить обильные плоды. Трудно передать стойкость, съ которою они переносятъ разнообразныя лишенія. Памятно мнѣ передвиженіе съ переселенцами по сибирскимъ рѣкамъ между Тюменью и Томскомъ. Рейсъ длился 10 сутокъ, погода стояла очень жаркая; почти изъ 400 переселенцевъ большинство были бѣдняки, имѣвшіе при себѣ только ржаной хлѣбъ; они разнообразили пищу тѣмъ, что обваривали хлѣбъ кипяткомъ и дѣлали себѣ какую-то болтушку. Въ третьемъ классѣ ихъ было втиснуто столько, какъ сельдей въ боченкѣ; знойные дни смѣнялись холодными ночами, и многіе дрогли въ своей одеженкѣ. Въ первомъ классѣ было просторно, тепло, комфортабельно; ѣхало человѣкъ семь пассажировъ: здѣсь были и горный инженеръ, и 2—3 крупныхъ торговца, и одна—двѣ дамы хорошаго тона. Уже на третьи сутки вся эта компанія

начала скучать, жаловаться на свою судьбу, на то, что движеніе пароходовъ такъ безобразно медленно, только по 300 верстъ въ сутки, что въ буфетѣ уже нѣтъ хорошаго матеріала для бифштекса, а только дичь и рыба; что въ „этой проклятой Сибири на пароходѣ нельзя даже найдти партнеровъ для игры въ винтъ“. И, вотъ, чтобы сколько-нибудь разсѣять хандру, первоклассное населеніе ѣло и пило по 5—6 разъ въ день и спало по 12—14 часовъ; внѣ же сна и ѣды раздавались нескончаемыя жалобы „на невыносимое, мучительное положеніе“. И этихъ-то людей, сытыхъ, дряблыхъ, развинченныхъ и безвольныхъ, я сравнивалъ съ сотнями простолюдиновъ, переполнявшихъ 3-й классъ. Многіе изъ нихъ похоронили въ Тюмени близкихъ людей; многіе истощили послѣдніе гроши и на пароходѣ жили впроголодь: и, все-таки, задумчивые, сосредоточенные, они бодро ожидали конца путешествія. Селенія по берегамъ, характеръ растительности, пролетавшія птицы—все это вызывало среди нихъ живой обмѣнъ мнѣній и сравненія съ тѣмъ, что они оставили на родинѣ. Какъ скоро пароходъ останавливался гдѣ-нибудь около селенія и неподалеку отъ пристани виднѣлось поле или лугъ,—они бѣжали туда, смотрѣли, хороши ли рожь и травы, и снова дѣлали сравненіе съ тѣмъ, что бываетъ въ Тамбовской или Курской губерніяхъ. Видъ карты Сибири обыкновенно возбуждалъ всеобщее любопытство; они просили разъяснить имъ, гдѣ Маріинскій, Барнаульскій или Бійскій округъ, на какія деревни нужно идти, какія рѣчки протекаютъ въ этой мѣстности. И такъ ѣхали они день за днемъ, съ вѣрою въ Бога, терпѣливо перенося свою трудную долю, никому не жалуясь, ни на кого не ропща.

Наблюдая этихъ людей, я встрѣчалъ краснорѣчивыя проявленія рѣдкой стойкости и дружелюбія во взаимныхъ отношеніяхъ. Помню я, какъ пришла къ г. Дурову, чиновнику по переселенческому дѣлу въ Томскѣ, одна женщина, прося дать ей маршрутъ въ Алтайскій округъ къ мужу, который переселился туда еще въ прошломъ году, а те-

перь вызываетъ ее и дѣтей. Оказалось, что эта женщина съ четырьмя дѣтьми пришла изъ Саратовской губерніи и что, во время пути, ее тщательно оберегали односельцы, помогая ей ухаживать за заболѣвшими дѣтьми. Когда г. Дуровъ указалъ ей маршрутъ, то находившіеся при этомъ крестьяне пояснили, что „бабѣ одной съ дѣтьми идти нельзя, что въ Сибири и мужикъ одинъ не пройдетъ, что надо приспособить ее къ какой-нибудь партіи, которая идетъ въ ту сторону, гдѣ живетъ ея мужъ". Вспоминаю другой поразительный случай. Къ г. Архипову, чиновнику по переселенческому дѣлу въ Тюмени, пришла одна женщина въ такомъ видѣ: въ грубой, деревенскаго издѣлія тележкѣ она везла мальчика лѣтъ 7-ми; рядомъ съ нею шелъ ея старшій сынъ, лѣтъ 12-ти. Когда мать уставала, то онъ везъ своего братишку; и такъ-то прошли они пѣшкомъ 1,200 верстъ, изъ Глазовскаго уѣзда до Тюмени. Припоминается мнѣ также необыкновенное терпѣніе одной женщины, которая похоронила въ Тюмени своего мужа и дѣтей. — „Куда вы теперь опредѣлите меня, ваше б-діе?" — спрашивала она чиновника по переселенческому дѣлу, рѣшившись послѣдовать его совѣту. Тощая, въ чемъ душа держится, нищенски одѣтая, эта женщина, похоронивъ въ теченіе недѣли всѣхъ близкихъ людей, не отдавалась безумной печали, спрашивала совѣта и готова была слѣдовать ему.

Отъ этихъ скорбей мысль невольно переходитъ къ тому горю, которое становится удѣломъ русскихъ выселенцевъ въ Бразилію. Не то возмущаетъ русскаго человѣка, что разные проходимцы находятъ сотни и тысячи довѣрчивыхъ людей и соблазняютъ ихъ покидать родину и отыскивать пріютъ въ другой части свѣта; можно примириться и съ тѣмъ, что наши эмигранты за безцѣнокъ продаютъ свое имущество и лишаютъ себя послѣдней точки опоры; можно привыкнуть къ извѣстіямъ, что кнутъ недавнихъ надсмотрщиковъ надъ бразильскими неграми полосуетъ спины нашихъ единоплеменниковъ; можно терпѣливо выслушивать даже о томъ, какъ эти люди массами погибаютъ отъ непосильнаго

труда и непривычнаго климата. Но невыносима одна мысль,— что *это постигаетъ русскихъ людей*, **при нашемъ изобиліи всѣхъ даровъ природы.**

Пусть же не краснѣютъ за насъ грядущія поколѣнія. Всѣ мы, органы правительства, и общественныя силы, должны сомкнуться для дружной работы и облегчить русскимъ людямъ доступъ къ естественнымъ богатствамъ Русской земли!

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Посвященіе 3

Введеніе . . . . . 5—28

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. Среди переселенцевъ лѣтомъ 1890 года. 29—120

Глава первая. Изъ дому . . . . . 31—46

Кто переселяется, бѣдные или достаточные? 31. Съ какими препятствіями связано выселеніе? 37. Ходоки 41.

Глава вторая. Переселенцы въ дорогѣ . . . . . 47—68

Передвиженіе на пароходахъ и лошадяхъ 47. Стоянки въ Перми, Тюмени и Томскѣ 53 Регистрація переселенцевъ 63.

Глава третья. При какихъ условіяхъ устраиваются переселенцы въ Сибири . . . . . 69—112

Свѣдѣнія о климатѣ и почвѣ въ Западной Сибири 69. Отводъ переселенцамъ земель 79. Ростовщики среди переселенцевъ 86. Ремесленники среди переселенцевъ 91. Отношеніе къ переселенцамъ сибирскаго общества 93. Скоро-ли устраиваются переселенцы 106.

Глава четвертая. Обратные переселенцы . . . . 113—120

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. Вліяніе переселеній на нѣкоторыя стороны общественной жизни . . . . . 121—162

Глава первая. Переселенія и интересы народнаго хозяйства. . . . . 123—149

стр.

Населенность и переселенія 124. Сельское хозяйство и переселенія 129. Частно-владѣльческое хозяйство и переселенія 135. Государственное хозяйство и переселенія 142.

Глава вторая. Переселенія и интересы внѣшней политики . . . . . 150—162

Онѣмеченіе западныхъ окраинъ и переселенія 150. Переселенія и внѣшнее могущество Россіи 156.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. О характерѣ мѣръ на пользу переселенцевъ. 163

Глава первая. О томъ, что можетъ и должно сдѣлать для переселенцевъ государство . . . . . 165—179

Глава вторая. Переселенія и частная благотворительность . . . . . 180—185

Заключеніе. . . . . 186—189

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

Андреевскій, С. А. Защитительныя рѣчи. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Антоновичъ, А. Я. Курсъ государственнаго благоустройства (Полицейскаго права). 2 ч. Кіевъ. 1890 г. Ц. 3 р.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права. Издан. 2-е. Кіевъ. 1888 г. Ц. 4 р.

Его-же. Христоматія по исторіи русскаго права. 3 выпуска. Кіевъ. 1889 г. Ц. 3 р. 75 к.

Вредент, Э. Курсъ политической экономіи. Издан. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 5 р.

Его-же. Конспектъ по курсу политической экономіи. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Георгіевскій, П. И. Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ Россіи и въ западно-европейскихъ государствахъ. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Дювернуа, Н. Л. Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву. Спб. 1889 г. Ч. I. Ц. 2 р.

Корнуновъ, Н. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Ч. I. Государство и его элементы. Спб. 1890 г. Ц. 1 руб.

Латкинъ, В. И. Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лебедевъ, В. А. Финансовое право. Т. I. Выпускъ 1-й. Издан. 2 е. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Моревъ, Д. Д. Руководство политической экономіи. Издан. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Побѣдинскій Г. Гражданское судопроизводство въ окружномъ судѣ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Пахарнаевъ, А. Руководство въ судебномъ дѣлѣ для земскихъ начальниковъ, городскихъ судей, уѣздныхъ съѣздовъ, губернскихъ присутствій, волостныхъ судовъ, чиновъ полиціи, а также для всѣхъ и каждаго. Спб. 1890 г. Ц. 2 р 25 к.

Его-же. Краткій обзоръ свода законовъ россійской имперіи и правила для употребленія его на практикѣ. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права, въ связи съ исторіей философіи вобще. 6 т. Спб. 1889—1891 г. Ц. по 3 р. за каждый томъ.

Сергѣевичъ, В. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Тальбергъ, Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ Т. I. Кіевъ. 1889 г. Ц. 2 р. Т. II, вып. 1-й. Кіевъ. 1891. Ц. 1 р. 50 к.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовнаго права. Часть особенная. Посягательство на личность и имущество. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Его-же. Ученіе о наказаніяхъ въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. Спб. 1889 г. Ц. 3 р. 50 к.

Янсонъ, Ю. Теорія статистики. Издан. 2-е Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“

издаваемый при постоянномъ сотрудничествѣ А. Х. Гольмстена, И. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева, Н. М. Коркунова, подъ редакціей *И. Д. Сергѣевскаго.*

Цѣна 5 **рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ **главной конторѣ** „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“, Спб., Васильевскій островъ, 5 л., д. 28, **книжный складъ М. М. Стасюлевича**, и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

I. Научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія; II. Хроники законодательная, судебная и научная, III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы; IV. Указатель узаконеній и распоряженій правительства съ краткимъ изложеніемъ содержанія важнѣйшихъ законовъ; V. Кассаціонная практика. Тезисы изъ рѣшеній кассаціонныхъ Департаментовъ Сената.

Въ „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“ за 1890 годъ (годъ первый)

въ отдѣлѣ статей было напечатано:

Александровъ П. Я. Подача мнѣній и раздѣленіе голосовъ при постановленіи уголовныхъ приговоровъ.—**Гольмстенъ А. Х** „Правда и Милость“ въ гражданскомъ судѣ.—**Гордонъ Н. М.** Заочное разбирательство по дѣламъ уголовнымъ.—**Граціанскій Н. И.** Безурядица въ адвокатурѣ.—**Дорнъ Л. Б.** Замѣтки по гражданскому праву Прибалтійскихъ губерній.—**Ефимовъ В. В.** Наслѣдованіе римлянъ въ завѣщанномъ имуществѣ.—**Исаевъ А. А.** Черты развитія политической экономіи на Западѣ и въ Россіи. - **Его же.** Отводъ земель переселенцамъ въ Западной Сибири.—**Кони А. Ѳ.** Раздѣленіе голосовъ по дѣламъ уголовнымъ. — **Его-же** Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ,—**Коркуновъ Н. М.** А. Д. Градовскій —**Его-же.** Великое княжество Финляндское.—**Его-же.** Комитетъ Министровъ, какъ органъ надзора за земскими учрежденіями.—**Лыщинскій В. А.** Неудобства существующихъ способовъ взысканія съ недвижимыхъ имуществъ.—**Муравьевъ Н. В.** По вопросу о кандидатахъ на судебныя должности.—**Неклюдовъ Н. А.** Взяточничество и Лихоимство.—**Сліозбергъ Г. Б.** Къ вопросу о гражданскомъ искѣ въ уголовномъ судѣ.—**Сергѣевскій Н. Д.** О мошенничествѣ по дѣйствующему русскому праву.—**Случевскій В. К.** С.-Петербургскій тюремный международный конгрессъ.—**Фуксъ В. Я.** Судебная реформа прибалтійскихъ губерній.—**Щегловитовъ И. Г.** Нарушеніе правилъ о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ.—**Его-же.** О пререканіяхъ по возбужденію предварительныхъ слѣдствій.

Цѣна 1 руб. 25 к.